

НОВЫЕ
ГЕРОИ

НОВЫЕ
ГЕРОИ

НАШ ЧЕЛОВЕК
В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Михаил
Дулепа

ГОСПОДИН БАРОН

МИХАИЛ ДУЛЕПА

ГОСПОДИН
БАРОН

НОВЫЕ ГЕРОИ

THE OFF
HONOR

2013 6
19

20

МИХАИЛ ДУЛЕПА

ГОСПОДИН БАРОН

**МОСКВА
2015**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д81

Серия основана в 2010 г.

Разработка серийного оформления художника
А. Матвеева

Художник *Евгений Бондарь*

Дулепа, Михаил Николаевич.
Д81 Господин барон / Михаил Дулепа. — Москва :
Издательство «Э», 2015. — 416 с. — (Новые герои).

ISBN 978-5-699-82671-1

Началась эта история в те легендарные времена, когда деньги сами сыпались в умело подставленные руки, а молодая кровь бурлила в жилах опьяневших от вседозволенности оболтусов. Именно тогда Александр Могила приобрел у какого-то проходимца совершенно официальный диплом, дарующий право на титул барона и владение замком на задворках Европы. А теперь ему предстояло отправиться в собственную вотчину. И уже вскоре бывший строительный чиновник средней руки погрузился в череду невероятных приключений, порою переходящих в злоключения. Но к чести новоявленного барона, он в самых каверзных ситуациях не посрамил своей фамилии и даже приобрел среди подданных верных друзей и соратников...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82671-1

© Дулепа М., 2015
© ООО «Издательство «Э», 2015

— И вот прикинь — этот дятел, на полном серьезе, пытается спросить у меня пропуск на вынос материальных ценностей! У меня!

Я кивнул, не вслушиваясь в подробности, и подозрительно присмотрелся к приведенным в отчете цифрам. Было понятно, что половина из них липовая, и следовало как-то эту половину определить, чтобы не лажануться, предъявляя претензии.

— Тогда я беру его за кадык и требую поэтапно — письменный список претензий к выносимому, его должностную инструкцию, документально оформленное подтверждение его способности определить ценность проносимого предмета и так далее! Потом требую прихода того кретина, что поставил этого дурака на пост, потом начинаю выяснять...

Что было дальше, я не слушал, поскольку подобных историй с моим начальником в месяц случалось не меньше десятка. Он, впрочем, на особое внимание не рассчитывал, его интерес заключался в другом — как можно больше мешать мне работать.

Как сам Митрич утверждает, его основная задача на занимаемом посту — всеми способами портить сотрудникам жизнь, чтобы они начали работать, но не перегибать палку настолько, чтобы разбежались. В первый раз я подумал, что он шутит, но все было

абсолютно серьезно, принцип претворялся в жизнь строго в соответствии с формулировкой. Как при этом Митрич ухитрялся одновременно быть хорошим руководителем, высококлассным спецом и просто нормальным человеком, для меня все еще было секретом. Как только разгадаю — подсижу его и сам стану начальником. Несмотря на то что по основному профилю нашей конторы — ни в зуб ногой.

Пока Митрич громогласно описывал, какие в годы его молодости совершались проделки в среде рабочей молодежи, я просматривал бумаги, пытаюсь найти хоть что-то понятное без справочника. В строительстве я ничего не соображаю и учиться не собираюсь, что не мешает мне быть замом начальника управления уже пятый год. Кажется, мной довольны. Я не лезу в мелочи, занимаюсь текучкой, иногда позволяю на себя кричать, иногда сам ору (исключительно на начальников, за что пользуюсь некоторым уважением сотрудников), вхожу в положение подчиненных, давая им мелкие поблажки (которые они потом отрабатывают сторицей), ищу утечки бюджета (очень осторожно, чтобы не найти что-то, чего находить не следует), пью с различными людьми то водку, то чай — в общем, создаю видимость занятости. Считается, что я «хороший специалист». Многие даже думают, что я «мировой мужик». Иногда все соглашаются, что я «первостатейная сволочь», это случается, когда на меня спихивают урезание премиальных или сокращения штата. На деле я просто работаю как могу. Кто-то ведь должен!

— И что ты думаешь? Этот балбес недоглядел за джамшутами, в результате между унитазом и закрытой дверью — ровно пять сантиметров! Зато между бачком и стенкой — метр! Ну ты прикинь?

Я покивал головой и с довольной улыбкой написал на бумажку пару фраз из отчета. Все, теперь никуда не денутся! С удовольствием ткнув кулаком в бок сидящего на моем столе директора, вытащил из-под его задницы пару бумажек, сравнил с выписанным, вручил для ознакомления и, наконец, от души потянулся.

— Митрич! Такой прекрасный день, а ты чем занимаешься? Гнобишь хороших ребят, терроризируешь подчиненных? Вот зачем ты стажера заставил палкой работяг гонять?

Он, поглядев на данные, хмыкнул:

— Что поделаться, с таким бюджетом быть добрыми мы себе позволить не можем, надо как-то еще мотивировать пролетариат. Как говорит наш любимый Шеф: «Деньги должны доставаться с трудом, иначе их не ценишь!» К тому же «Скорую» я вызвал заранее!

Седой, грузный, солидный мужчина, признанный профессионал в своей области вдруг тихонечко соскочил со стола, подкрался к двери и пинком ее распахнул. Сидящая на своем месте секретарша с нескрываемым ехидством посмотрела на него и отвернулась к неизменной «косынке». Мы знали, что она подслушивает, чем мы заняты каждый в своем кабинете, но поймать ее на горячем не удалось пока ни разу. Также ни разу не удалось понять, чем она на самом деле занята в те моменты, когда на нее никто не смотрит. Девушка притворялась, что раскладывает пасьянс, но мы уже выяснили, что это одна и та же партия, которую Олечка сохранила еще три года назад. Мы даже искали намек в том, какие именно карты в этом раскладе задействованы. Ничего не нашли.

Митрич вздохнул, повернулся ко мне и кивнул через плечо:

— Может, кого из молодых заставить за ней следить? Слышал, есть такие специальные шпионские программы на компьютер, а?

— Не выйдет. Они ее боятся больше, чем нас.

Обладательница красного диплома и звания «Мастер спорта» по дзюдо «Бешеный Бегемотик» Олечка согласно кивнула, тронула курсором карту, но так и не передвинула. Сдается мне, что когда она все-таки это сделает, то в мире что-то произойдет. Что-то жуткое.

— Ой, чую я недоброе, ой копает под нас эта рыжая! — Митрич картинно заломил руки и тут же, без перехода, как за ним водится, перескочил на другую тему: — Надо искать нового программиста. Кандидатуры нет на примете? И пошли жрать уже!

Мы вышли в коридор, по которому туда-сюда слонялись без дела (то есть по очень важным рабочим надобностям) сотрудники.

— Был же какой-то кандидат? Слышал — опыт, стаж, все такое?

— Ага, сразу после института, но с пятилетним опытом работы. Он на первом курсе зарегистрировал свою фирмочку и раз в полгода себя в ней повышал. К диплому значился спецом высшего класса, притом что подрабатывал на жизнь мелкими шабашками! — Митрич одобрительно покачал седой головой.

— Уволил?

— Такой талант?! Зачем, я его в плановый пристроил. Пусть опыта наберется.

— Нехорошо ты поступил, они его плохому научат. Пьянство, плети, содомский грех — вот что такое этот ваш плановый отдел.

Стоящие в ожидании лифта две сотрудницы планового польщенно захихикали.

— Пусть учат! Поработает у них, пропитается витающей в воздухе ненавистью ко всему живому и дышащему, и мы его через полгода переведем. На работу с клиентами!

— Сразу с клиентами? Тебе его не жалко?

— Если не выживет, то нет. Горе проигравшему!

— Как его кадровичка пропустила?

— Она сразу в декрет ушла, унеся эту тайну с собой. Кого она родит?

Рядом стоящие в лифте сотрудники изо всех сил делали вид, что не слушают. Уши их разворачивались к нам и азартно подрагивали.

— После пятнадцати лет работы в кадрах? Не знаю, но уже страшно! Кто там сейчас?

— Еще одна «стаж, большой опыт». Из этих, которые «как я вижу себя в компании через три года»!

— Ну и как же ты видишь себя через три года?

— Подписывающим приказ о твоём расстреле!

— Ну и фантазия у тебя! Может, уволить дуру, пока не прижилась?

И мы, не сговариваясь, печально вздохнули. Большой вопрос. Уволить легко, только кто ж работать будет?

— У этой хотя бы задница красивая. Кстати о задницах — где Шеф?

— Вопреки всем слухам, он мне не докладывается.

Не имея ни профильного образования, ни каких-то особенных способностей, я получил должность благодаря связям.

Шеф говорит, что взял меня из-за фамилии. На деле он просто ностальгирует по тем временам, когда наша дружная компашка молодых обормотов по-

могала ему зарабатывать первый миллиард, попутно зашибая первые в своей жизни реальные деньги. Мы повстречались не в самый лучший день моей жизни, причем абсолютно случайно, разговорились... Наверное, это была та еще сцена — посреди унылого осеннего скверика сидит на лавочке похмельный мрачный мужик в драной куртке, и маленький холеный толстячок в костюме, ценой с квартиру среднего гражданина, азартно напрыгивает на него с воплями «А помнишь?!».

Слово за слово, он предложил мне работу. Единственным условием, которое я выдвинул, был отдельный кабинет. Не выношу общих комнат, толкотни, болтовни и прочей офисной радости. По моему мнению, тот, кто придумал «опен-офис» с «кубиками» (слова-то какие поганые!), был посланцем Сатаны на земле. Потребовал в шутку, ничего от жизни хорошего уже не ожидая, только не учел особенностей уровня, на который вознесся мой бывший приятель.

Через два дня Митрич недоуменно смотрел на меня и напряженно шевелил седыми бровями, пытаясь придумать занятие и должность, соответствующие отдельному кабинету, неплохой зарплате и нулевому знанию предмета. В результате я стал «заместителем директора по общим вопросам», кем-то вроде личного адъютанта, в ответе за все и всегда во всем виноватый. С чувством юмора у Митрича все в порядке, так что после изгнания с насиженных мест бухгалтерш (что обеспечило лично мне дружную ненависть этих злобнейших порождений Бездны) и небольшой перепланировки помещения мы расположились в двух соседних кабинетах с общей приемной. На его двери табличка «Каторгин Дмитрий Иванович», на моей «Могила Александр Николаевич».

Шеф считает, что мы прекрасная пара.

После обеда, хитроумно переведя внимание начальника на случайно выбранную жертву и приоткрыв окно, чтобы немножечко сквозило, я сел в кресло и придвинул очередную стопку бумаг, собираясь понять, чего хотят от нас на этот раз. То есть понятно чего — денег, но вот под каким предлогом?

Следующие два часа я продирался сквозь нагромождение выглядящих заковыристыми матюками специфических терминов, попутно мечтая о дыбе с плетями для заведомо эксплуатации и о чае с пирожным для себя.

Мечты прервал стук в уже открытую дверь.

— Александр Николаевич, там... к вам.

— Меня нет.

Олечка оглянулась, потом отрицательно помотала головой:

— Александр Николаевич, давайте вы будете?

— Если это от режимников, то меня нет тем более.

— А...

— Если налоговая, то я вообще умер. Вон, даже табличка на двери.

— Это...

Я поднял глаза. Коренастая, плотная девушка, воплощение всесокрушающего напора, энергичная, по слухам, даже во сне, смотрела на меня с каким-то очень странным выражением. Так могла бы смотреть на настоящий, цельный, ароматный лесной орех пресловутая белочка, задолбавшаяся грызть ради государственного блага изумруды. В общем было в этом взгляде для понимающего человека что-то угрожающее. Голодное такое.

— Это к вам!

В ее голосе звучала мрачная угроза.

— Ну давай.

Я отложил бумажки в сторону и невежливо потягивался, глядя, как в мой кабинет входит пожилой суховатый иностранец.

То, что это именно иностранец, было ясно по множеству признаков.

Во-первых, это какая-то особенная выправка, непонятно почему ассоциирующаяся с «ейне колонне марширт». Во-вторых, что-то в длинном, костистом лице прямо говорило «не здешней кашей выкормлен».

В третьих, наши люди, как правило, не одеваются для визитов по моде примерно шестисотлетней давности.

Чулки и круглые пышные штаны с разрезами и гульфиком, широкополая шляпа, украшенная серебряными значками, сложного кроя жилетка с белой рубашкой под ней, тяжелые башмаки на деревянной подошве и большая кожаная папка под мышкой — все это намекало, что передо мной или сумасшедший, или ролевик-реконструктор, или иностранец.

Попытку секретарши оставить дверь приоткрытой я пресек, быстро вскочив и заперевшись изнутри. Старик, промаршировав все два метра от двери до стола, развернулся на месте, приложил руки к груди и поклонился:

— Господин барон! Я рад приветствовать вас лично! Это невероятное счастье, увидеть вас наконец воочию!

Значит, все-таки сумасшедший.

— Какой еще — барон?

Старик вежливо осведомился:

— Вы Александр Николаевич Могила?

Подавив желание проверить по ведомости, как меня зовут, я кивнул.

— Вы родились в городе Грачевске в одна тысяча девятьсот семьдесят первом году?

Отрицать правду было как-то неловко, я снова кивнул.

— Вы происходите из старинного рода Могила?

Ну, кажется, в церковных книгах наша фамилия с восемнадцатого века встречается. Пришлось кивнуть.

— Значит, вы есть барон Могила и мой, соответственно, работодатель.

Не желая спорить с безумцем, я кивнул опять:

— Допустим. И что вас привело сюда?

Старик оглянулся, я тут же предложил ему присесть, но он сначала дождался, пока я сам займу свое место за столом, и лишь потом опустился на краешек стула, выпрямившись еще больше.

— Видите ли, ваша милость, я ежегодно отправлял отчеты. Зная, что вы заняты своими делами, я занимался своими — управлял замком и хозяйством, распоряжался средствами, представлял вас в городском совете. Но сейчас я не могу заместить вас, необходимо, господин барон, ваше личное присутствие.

— Вот как? Почему же?

Старик говорил по-русски с легким акцентом, но вполне понятно:

— Как вы наверняка знаете, недавно в округе Эскенланд был проведен референдум. Народ нашей страны дружно проголосовал за отделение от Федерации и восстановление древнего герцогства.

Сообщать, что слышу об Эскенланде впервые, я постеснялся. Пожилой человек, иностранец, зачем

грубить? У них в европах герцогств полно, ну еще одно отделилось... от кого, кстати?

— Да, вроде бы слышал что-то об этом. Но почему вы пришли ко мне?

— Потому что вы — барон Могила!

— Я?

— Вы!

Минуту мы смотрели друг на друга с милыми улыбками, и я в первый раз пожалел, что это не налоговая. Там все просто — они хотят денег и чтобы жертва искренне страдала, расставаясь с этими деньгами, а тут... чего он хочет от меня?

Видимо, прочитав вопрос на моем лице, старик слегка смутился, опустил глаза, нервно расправил складки на штанах и начал объяснять:

— Это вопрос процедуры. Мало назваться герцогством, надо и быть им! Герцогство без герцога — это смешно, не правда ли? Сейчас есть несколько претендентов на корону, но для подтверждения их права занять трон необходимо, чтобы, в соответствии с древними законами нашей земли, совет двенадцати владетельных баронов утвердил кандидатуру. — Я открыл было рот, но он, неправильно поняв, тут же зачастил: — Да, конечно, если бы претендент был назначен уже правящим герцогом, то он просто вступил бы в наследство, но поймите, последний раз трон занимали в шестнадцатом веке! Мы нашли прямого потомка правящей фамилии, это достойный человек, он понимает свой долг перед родиной и согласен занять трон, но без совета баронов его коронация была бы возмутительно незаконной! И поскольку мы решили вернуть былые порядки, то обязаны соблюдать все положенные обычаи! Вам надо просто два месяца прожить

в замке, а потом проголосовать за достойного во всех отношениях...

— И зачем это вам нужно?

— Нам? — Он непонимающе наклонил голову, потом подпрыгнул и радостно выпалил: — Чтобы войти в состав Федерации, конечно!

Я помассировал переносицу, вспомнил, что он говорил, сформулировал вопрос и постарался максимально вежливо его изложить:

— Тогда нахрен выходили?

Старик тут же вскинулся, решительно сложил руки на груди и отчеканил:

— Это вопрос национальной гордости, господин барон! Одно дело быть всего лишь округом Средней Вендии и совсем другое — федеральной землей Эскенланд! Поэтому...

Он встал, выпрямился по стойке «смирно» и, глядя куда-то мимо меня, нараспев произнес:

— Я прошу вас, ваша милость барон Могила, вернуться в свой замок, чтобы лично подтвердить права на него и на земли, которыми вы управляете по праву благородной фамилии, и через два месяца принять участие в совете баронов, на котором будет выбран наш новый герцог!

Нет, он все-таки сумасшедший.

Так, начнем сначала.

— Вы... кстати, как вас зовут?

— Эгельберт фон Шнитце, ваша милость. Я уже двадцать два года ваш управляющий. — Он посмотрел на меня с удивлением. — А до того — тридцать лет помощник моего отца, Эгадайга фон Шнитце, прежнего управляющего замком и поместьем.

— Господин фон Шницель...

— Фон Шнитце, господин барон.

— Да хоть фон Шашлык! Почему вы считаете, что я — барон?!

— Но как же, ваша милость? Вы купили права на титул и замок почти двадцать три года назад. Э-э, господин барон?

Я прикрыл глаза ладонью и вздохнул:

— Паспорт!

Кажется, в моем голосе было слишком много чувства, документ оказался в моей руке прежде, чем я договорил. Паспорт как паспорт. Герр Эгельберт фон Шнитце, в самом деле. Пододвинув клавиатуру я быстро проверил — паспорт и должен был выглядеть именно так. Более того, фон Шнитце значились как старый дворянский род, управляющий замком, ныне принадлежащим... баронам Могила.

Минуту спустя я нашел и сайт баронства, точнее — музея «Замок Гравштайн». На одной из фотографий сидящий передо мной старик что-то втолковывал группе экскурсантов.

Вернув документ, я снова закрыл глаза.

Надо же, а ведь нам казалось, что это офигенно смешной развод.

Пять оболтусов, никого старше двадцати пяти, дружные, злые, готовые если не на все, то на многое, чтобы заработать и пробиться наверх. Шеф, тогда еще совсем не такой толстый, не такой богатый и такой же, как мы, азартный предложил аферу на грани закона, и мы впряглись. Он заработал гораздо больше нас, но тех крох, которые мы откусывали от чужих капиталов, хватало, чтобы почувствовать себя немислимо оборотистыми и удачливыми, нас постоянно тянуло на глупости. Я, благодаря матери-учительнице сносно говорящий на трех европейских языках и еще четыре более-

менее понимающий, читал местные газеты и как-то долго ржал над объявлением «продается баронство Гравштайн», в переводе — «могильный камень», или, проще говоря, «надгробие». Сумма была не маленькой, но и не слишком большой, тогда через наши руки проходило столько шальных денег, что мысль купить баронство по цене автомобиля запала в голову, и вскоре веселая компания подвыпивших молодых ребят заявила к испуганному агенту. Мы были честно убеждены, что это развод, наподобие «Паспорта гражданина мира» или продажи участков на Луне, восторгались красивым документом и разводами разноцветной туши на пергаментном листе с большой печатью, но стряпчий с самой серьезной мордой утверждал, что приобретаемый мной титул и какая-то там земля на задворках Европы будут внесены во все положенные книги и я в самом деле смогу называться бароном.

Единственным условием, выдвигаемым к покупателям, являлось благородное происхождение. Вспомнив, что были у меня знатные однофамильцы, я назвал румынским боярином (поди проверь!) и под хлопанье вылетающих пробок принесенного с собой шампанского подписал, «аристократично» коверкая свое имя. После чего попросил «жулика» отправить в мои владения пожелание нового хозяина — восстановить замок и всячески способствовать возвышению Надгробия, принадлежащего Могиле.

Кажется, тот пергамент еще где-то лежит, только не помню где.

— Значит, я — владелец замка?

— Да, господин барон.

— И вы — управляющий замком? Как там это... сенешаль?

— Можно сказать и так, господин барон.

Ну что тут поделаешь? Или передо мной хитрый мошенник, подделавший сайт, или я в самом деле уже двадцать лет с лишним являюсь законным владельцем титула и земель!

— Почему замок тогда так мало стоил?

— Долги, господин барон.

— Что, этих нескольких тысяч хватило их покрыть?

— Э-э... нет, господин барон.

Я, не убирая руку от лица, раздвинул пальцы и посмотрел на старика. Тот смущенно откашлялся:

— Видите ли, прежний владелец замка был категорически против какого-либо коммерческого использования как самого замка, так и земель вокруг него. Я ожидал ваших распоряжений, но у меня была только вот эта бумага. — Он вдруг полез в папку и очень осторожно, почти боязливо, продемонстрировал мне файл со знакомым, слегка затертым «распоряжением». — Приняв ее в качестве основания для действий, я от вашего имени сдал часть помещений, нашел арендаторов земли, кое-что заложил, средства обратил на ремонт и восстановление. Я могу отчитаться за все суммы до последнего эре, копии документов сейчас в гостинице, а оригиналы, как положено, в замке.

Подумав несколько секунд, я перешел на немецкий. Английский Олечка с Митричем понимают не хуже меня, а вот немецких клиентов у нас еще не было.

— То есть у меня сейчас еще и деньги имеются?

— Не очень много, господин барон. На счетах бывшего замка они не задерживаются, это весьма крупная собственность.

Ну да, конечно. Крупная недвижимость — дело хлопотное и затратное. Еще бы узнать поточнее — насколько крупная?

— Для уменьшения налогов я от вашего имени согласился на участие в программе музеев, к тому же это скромный, но постоянный доход. К сожалению, почти целиком уходящий на текущие нужды. Конечно, сам замок и земля вокруг него стоят немало, к тому же он дает титул, так что...

Последнее предложение было произнесено очень вкрадчиво.

— Дайте угадаю, чтобы продать замок, мне надо приехать и поучаствовать в избрании этого вашего герцога?

Фон Шнитце опустил блеснувшие глаза и почти равнодушно заметил:

— Конечно, это был бы лучший вариант. К тому же сейчас у нас просто замечательное время! Замок стоит на скале, возвышающейся над морем, летний ветер, напоенный ароматом воздух... Я приказал подготовить ваши покои, окна выходят на один из живописнейших в наших краях городов!

Никогда бы не подумал, что по-немецки можно так напевно-искушающе мурлыкать.

— Мне надо подумать. К тому же необходимо собраться, завершить срочные дела, купить билеты, наконец!

Старик согласно кивнул и вытащил из папки еще несколько бумаг.

— Я уже забронировал для вас билет, господин барон. Прошу простить мою дерзость... но вы нужны своей земле! К тому же от вашего имени я распорядился оформить документы, вот, прошу. — И он протянул мне «документ».

На листе пергамента размером в книжный лист псевдоготикой указывалось, что предъявитель сего — барон Александер Могила фон Гравштайн, следующий по своим надобностям. Фотки не было, зато снизу на шнурке висела печать. Свинцовая.

— Думаете, это заменит паспорт с визой?

Старик, видимо, тоже сомневался, поэтому, пожевав губами, осторожно согласился:

— Может быть, и не везде. Но по традициям нашей страны, вы должны иметь именно такой документ.

Я бросил «подорожную» на стол и снова закрыл глаза рукой.

Итак — я барон? Если этот «псих» не псих, а тот «жулик» не жулик, то да, я — барон. Следовательно, мне принадлежит замок в каких-то диких дебрях немытой Европы, наполненных чудиками в странных штанах с гульфиками, расхаживающих друг перед другом в шляпах, покрытых серебряными образками.

Замок — это хорошо! Это просто замечательно, это вам не ипотечная однушка, в которой я обитаю после развода. Замок, море, живописный город... Чертов старик знал, чем соблазнять. Продать замок, вернуться сюда... или не возвращаться, забрать девчонок и поселиться где-нибудь... или не продавать, а жить прямо там?

Старик сидел тихо и, кажется, даже дышал через раз.

— Еще один вопрос.

— Слушаю, господин барон?

— Что это за наряд?

Старик оглядел себя, с нескрываемой гордостью одернул бархатную жилетку с кожаной подкладкой и ответил:

— Это, господин барон, наша национальная одежда! Надеюсь, вам она понравится!

Нет, продать и как можно быстрее бежать из тех мест!

«Неожиданный результат референдума одной из областей Средне-Вендской федеральной земли привел к резкому росту национального самосознания. Обозреватели с удивлением отмечают возникновение подобных тенденций и в окружающих областях...»

«Nuheter Politiken Zeitung».

— Так, значит, ты у нас благородный, едрышкино полено? Вот чуял я в тебе какую-то чуждость трудовому человеку, подозревал! Не зря ты руки в туалете моешь каждый раз, не зря! Это благородное нутро себя показывает!

— Митрич, перестань. Руки я мою, потому что отец врач.

— Отец — уважаемый человек, врач! Мать и все — учительница! А сынок кто? Тьфу, баронишко оказался!

— Ты что, как Олечка, у двери подслушивал?

Начальник, влетевший в мой кабинет сразу после ухода фон Шнитце, посмотрел отеческим взглядом, потом снисходительно покачал головой.

— Николаич, ты хоть бы головой думал. Ну ладно, она молодая, глупенькая. — Из-за двери послышалось жутковатое рычание, и Митрич специально повысил голос: — И вообще — женщины-на! Но я-то человек опытный, я ж с детства на стройке! Мне все понятно: и как розетки стоят, и как вентиляция проложена, и куда к стене стакан лучше прижать...

— Значит, я всегда под колпаком?

— А як же! Ты давай, признавайся, откуда у тебя замок в Европе? Ну нельзя в нашей конторе столько украсть!

— Это ты зря, я тут кое-что... черт! Забей, короче, это еще тех времен подарочек, когда Шеф был строен и кудряв.

— Ништо до революции? Ой-е! Чего старик от тебя хочет-то?

— Чтобы я милостиво обозрел владения где-то в заднице мира. И поучаствовал в тамошней политической жизни.

— Ну так вали отсюда!

Я мрачно на него посмотрел, Митрич ответил невинным взором шестидесятилетнего младенца.

— Серьезно, Николаич, давай развейся! Ты третий год без отпусков пашешь, смотайся, дай подчиненным хоть коробку скрепок спокойно домой унести! Как к тебе теперь обращаться, «ваша светлость»? Или «ваше высокородие»?

— Говори уж просто — «господин барон».

— Давай пиши заявление, сколько тебе там надо? Ну, туда неделя, там неделя, на опохмел неделя, обратно же...

Попытавшись припомнить обстоятельства, по которым меня выгодно целый месяц держать подальше от работы, ничего такого не придумал, так что еще минут пять покочевряжившись для вида, я все-таки написал бумагу, которую директор тут же завизировал.

— Вот! А теперь иди, и чтоб по возвращении представил отчет! И как ты там интересы феодального строя отстаивал, и какие виды из окна, и как там брюкву сеют — все доложишь. Ну и насчет права

первой ночи тоже поинтересуйся, раз ты у нас такой уж сеньор!

От кинутого в него ластика Митрич многоопытно уклонился, заржал и вышел. Я, еще раз осмотрев стол и бумаги, прикинул, насколько фатально оставить контору и что нужно доделать в первую очередь, вдруг с удивлением понял, что исчезни я даже на три месяца... ну нет, не на три — но два без меня точно проживут и даже не слишком напашалют. Хотя кое-кого нужно загрузить на весь этот срок, причем так, чтобы не справились, чтобы сразу по прибытии и после раздачи сувениров запереться и отодрать проштрафившихся по всей строгости инструкции.

Решительно отключив комп, я напялил пиджак и вышел.

При виде бедной, унижаемой жестокими начальниками секретарши снова стало не по себе. Девушка сидела, положив ногу на ногу и откинувшись на спинку стула. Мягкая туфелька ритмично постукивала по ножке стола, в открытом ящике виднелся стетоскоп. Олечка, проследив за моим взглядом, аккуратно задвинула ящик и медленно, грациозно развернулась ко мне.

— Так вы, Александр Николаевич, настоящий дворянин? И у вас имеется целый замок? — Голос был медовым и опасным. Не дай бог оплошать, из этих объятий не удастся вывернуться. Возьмет на болевой — и в ЗАГС!

Из-за двери кабинета Митрича слышалось перханье, словно кто-то пытался сдержать смех. Н-да, у этого зубра, небось, еще и не такое случалось, ему то смешно...

— Я... завтра. Все завтра! — И, отважно проскользнув по стенке, выскочил в коридор. Подумать только!

Взрослый мужик, всякое повидал, от неба в клеточку до крышки заколачиваемого гроба — изнутри, а эту пухленькую девчонку стараюсь. Давно бы уже взял да...

Что именно «да» я на всякий случай думать не стал. Поговаривали, что у Олечки бабка ведьма, вдруг в самом деле мысли подслушивать умеет?

На выходе стояли сразу пятеро, хотя рабочий день был в разгаре. И все, включая того самого охранника, с нескрываемым любопытством смотрели на меня! Ну вот как же они узнали? Олечка проболталась? Так она все время с нами была! Кто еще? Как можно было узнать?!

С каменным выражением лица я прошел мимо. За спиной послышалось:

— Вот, ну посмотри, как вышагивает! Видно же! Я с самого первого дня подозревал!

Может, у нас в стенах слуховые трубы проложены, как в древних замках? Строители все же, могли такое учудить?

По дороге домой я обдумывал все это сумасшествие.

Отчеты, как выяснилось, фон Шнитце регулярно отправлял по указанному адресу — в мою старую школу. Я думал, что будет ну офигеть как смешно, когда завуч узнает, что Сашка Могила стал бароном. Не учел, что спустя два года школу закроют. Впрочем, к делу это не относится. Важно, что я прямо кишками чую какой-то подвох, но не съездить и не проверить лично... да я в жизни себе не прощу! Значит, надо собираться.

Дочка отозвалась на втором гудке.

— Анюк? Привет, лапушка! Как дела?

— Па! Привет, ты откуда? Па, у нас все хорошо, Ленка второе место на городских соревнованиях взяла, у меня все класс... Нет, мам, не она. Мам, это мое! Ма-а, отдай!

Вздохнув и поморщившись, я прислушался.

В телефоне, как всегда отобрав у дочки трубку, орала женщина.

Бывшая, так ее, супруга!

Дивная провинциалочка, приехавшая в столицу и как-то незаметно оказавшаяся моей женой. Белокурая, большеглазая, не слишком красивая, но очень, очень милая.

Гадюка натуральная.

Честно родившая мне двух дочерей.

Прежде чем выставить меня из моей же квартиры и переписать на себя бизнес раньше, чем до него добрались следователи.

Старшей, Аньке, тринадцать. Младшей, Ленке, десять.

Вижусь я с ними раз в месяц, поскольку мамаша, выходявшая за перспективного столичного бизнесмена, считает, что если в сорок мужик не имеет миллиона, то он не мужик.

Что, впрочем, не мешает ей тянуть с меня бабло под любыми предлогами.

Что, впрочем, не мешает мне его не давать, оплачивая только расходы дочек.

В общем, обычная история.

Прислушавшись к воплям, я отметил для себя — купить девчонкам подарки и поздравить Ленку, потом почесал затылок и вклинился в очередную фразу:

— Элька, корова белобрысая! Я на пару недель в Европу еду, по делам...

— Какие еще дела у бандита?! Снова стал машины угнанные перегонять?!

— Зараза языкатая, кончай ор!

— Ну, что тебе?

В очередной раз подивившись ее способности мгновенно менять громкость, я закончил:

— Еду куда-то на север, там дела внезапно образовались. Не твое дело какие!

Она шумно фыркнула, но промолчала. Кроме сволочного характера, недюжинной смекалки и ангельской внешности, Эля обладала практически кошачьим любопытством.

— Вернусь — заберу девок на неделю!

— Это с каких еще шишей? Ты там что, обворовал наконец своего ненаглядного Шефа? Давно пора, ваша гоп-компания уже...

Я снова убрал трубку от уха, не желая слушать раскручивающую скандал бабу. Девчонок она отпустит, просто ради того, чтобы потом тщательно их расспросить на предмет подтверждения тезиса «Мой бывший — бесперспективный неудачник», но нервы потреплет, это как пить дать.

Ну, зато с ней никогда не было скучно.

Дождавшись завершающего взвизга, отключил телефон и полез в кладовку.

После развода все, что она мне отдала, это два чемодана с одеждой и какими-то памятными вещами — фотками родни, которые я забрал с «исторической родины», уезжая на поиски счастья в столицу, сувенирными безделушками и прочими магнитиками. Я, еще не поверив, что соскочил, не стал дергаться насчет остального, а потом было уже поздно, да и не хотелось лезть в дразги. Странное дело, ни я, ни Элька не считали отчего-то, что мы расстались насо-

всем: я пару раз вмешивался, когда ее прижимали — жена удачно расширяла дело, пожалуй, справляясь лучше, чем я сам, а когда меня года три назад сбила машина, то первым, кого я увидел, очнувшись, была бывшая. Тут же, понятное дело, объяснившая, какой я дурак и что так мне и надо. Словно и не сидела двое суток у кровати, шипя на врачей.

Но вот сходиться вместе надолго мы уже не рисковали. Подеремся еще, дочек напугаем. Они ж по малолетству не понимают, что иногда и подраться бывает полезно. Или уже понимают? Черт, Аньке тринадцать...

«Диплом о баронстве», или как там его, нашелся быстро, в папке бумаг с той, самой первой моей работы, с подколотой к нему фоткой. На ней пятеро молодых, азартных, чуточку пьяных парней фоткались на фоне Эйфелевой башни. Мы как раз сдали очередную фуру и решили метнуться, посмотреть, как люди живут. На фотке все были отчаянно молоды и беззаботны — «Ну, пацаны, прикиньте, мы в Париже! Ну блин, в самом деле! Ну дела-а!».

Димка через три месяца в первый раз попробовал героин — он спешил жить, сливая все заработанное на любое доступное удовольствие. И денег, и жизни хватило на три года. Васька исчез через пять лет. Просто уехал утром на работу, и никто его больше не видел. Ромку зарезали в драке — любил строить из себя крутого, да нарвался на еще более подкрученных. Мишка умер сам. Инфаркт в тридцать шесть лет. За месяц до того, как ко мне в гости пришло «маски-шоу». Остались только я, да Шеф. Погоняло ему дали не только потому, что он был самым главным, а из мультика о Врунгеле. Мелкий, наглый до изумления и без одного пальца.

Погладив фотку, я развернул пергамент, пощупал, ковырнул печать. Достал фон-шнитцевскую подорожную, присмотрелся, сравнивая — да, печать именно эта, были заметны одинаковые сколы и неровности. Значит, не врал старик. Хотя какой смысл ему врать? Что из меня вытянуть можно? Только ливер, да и тот жизнью траченный. Решено — еду!

На следующий день, убедившись, что на работе никто не сияет от счастья, что целых две недели (два месяца — это перебор!) будет лишен моего внимания, к полудню сбежал. Выкрутив пробки, перекрыв кран и отдав ключ соседке, судя по пристальности взгляда, до пенсии трудившейся не в библиотеке, как сама она заливает, а не меньше чем важняком в прокуратуре, двинулся на встречу со своим... а он точно сенешаль? Может, кастелян? Или еще какое-нибудь слабо знакомое слово? Черт, нужна шпаргалка, чтоб совсем себя неучем не выставить. Я ж в баронстве ни бум-бум, как впрочем и в боярстве. Ничего, авось выкручусь!

Билеты оказались в эконо-класс. Иного от фон Шнитце я и не ожидал, «благородная прижимистость», переходящая в скупость, для уроженцев тех мест штука заурядная. Еще дома, отыскав на картах «свой» замок, присмотрелся — небольшой полуостров, если прокладывать тропки через море от всех окрестных государств — точнехонько равное расстояние получится... ну, если Федерацию не считать, им-то лишь через полукилометровый перешеек пройти, и все, Эскенланд.

Был я там когда-то, ровно один раз. И попутчик, стоя рядом у борта парома, объяснил, что это самое скучное место в регионе. Только приливные отмели

километровой ширины, дюны да поля. Если верить вики, то замков на полуострове сохранилось два, Гравштайн и Эскенборг, остальные бароны жили по усадьбам. У нас иной дачный кооператив куда больше, а туда же — баронства! Одно слово — Европа. Все мелкое, стабильное и не меняется веками, судя по моему управляющему (кстати, оказавшемуся известнейшим популяризатором истории народа эсков, автохтонов Эскенланда).

«История народа эсков сколь интересна, столь и драматична. Многовековое пребывание под пятой иноземных завоевателей и нестигаемое желание получить свободу и самоуправление весьма повлияли на национальный характер, даровав эскам своеобразность взгляда на жизнь, ставшего известным всем соседям.»

Эгельберт фон Шнитце «История Эскенланда».

«Это да, анекдотов про них ходит прилично»

Комментарий ручкой на полях.

Перелет прошел никак. Никому не было дела до летящего в личный замок барона, даже на паспортном контроле меня задержали секунд на тридцать. Шенген, оформленный секретарем Шефа, и распечатка проспекта какой-то гостиницы на побережье в качестве отмазки, по каким это я тут делаю, — клерк мазнул по мне взглядом, стандартно-безразличный «вилькоммен», и уже в такси я размышлял, что произошло бы, предъяви я вместо паспорта — подорожную. Впрочем, у местных наверняка нашелся бы закон или инструкция на подобный случай. Да еще фон Шнитце, все это время не выпускавший меня из

виду, словно я мог сбежать! У него в глазах читалось желание приковать меня к себе наручниками!

Пятнадцать минут спустя, после выхода из аэропорта, мы уже получили билеты в кассе вокзала. До отправления оставалось еще минут двадцать.

— Ждите здесь, я сейчас.

— Господин барон? Вы куда? Я могу вам помочь?

— В туалет я и ширинку способен расстегнуть сам! — Постоянное внимание управляющего раздражало, так что в заветную дверь я вломился с лицом «типичного русского туриста», пугнув какого-то бюргера.

И тут же нашел себе развлечение!

— Куррва! Уррою!

— Извините, вы, должно быть, ошиблись...

Никуда от родины не деться. Точнее — от худших ее представителей.

Здоровое, недавно обгоревшее на солнце тело, покачиваясь, прижало к стенке молодую девчонку лет восемнадцати и что-то той предьявляло. Девка, судя по произношению, из местных, судорожно трепыхалась, полузадушенно пытаясь объяснить недоумение.

Оглянувшись и никого не увидев (только шумно сопел кто-то в запертой кабинке), я сделал вид, что иду и никого не трогаю, а когда успокоенный боец с заокеанским врагом опять повернулся к пацанке — подшагнул и с ходу пробил под задранную руку в бок.

Тело обмякло и с хрипом сползло под умывальник.

Не патриотично, разумеется, в далеком краю не помочь соотечественнику, но с другой стороны, лучше десять минут лежать, чем год сидеть, так что я

ему в чем-то помог. Хороший удар в челюсть — он вообще решает пять из десяти проблем!

И порождает еще десять.

— Спасибо!

— Да-да...

Подвиг подвигом, а природа звала.

Когда я покинул кабинку, ко мне тут же обратились с вопросом:

— Надо заявить в полицию?

Она... гхм. Нет, не она. Оно? Или все-таки он?

Светлые волосы до середины спины, перьями окрашены в розово-сиреневое, на лице не макияж — раскраска, в носу серьга, в губе серьга, в брови серьга, в ухе штук пять серег. Потертая кожанка с эмблемой какого-то колледжа, штаны-«бермуды», которые я за юбку принял, сандалии. Ногти на ногах крашенные. В разные цвета.

Нет, девочкой Это не выглядело.

Пока мыл руки, пригляделся к лежащему на полу. Или сознание потерял, или уснул — в любом случае ничего не требует, никому жить не мешает... славно.

— У тебя претензии к этому?

— Нет, но...

— Претензии ко мне?

— Наоборот, я очень вам...

— Тогда забудь.

— А... ага, это разумно!

И Оно тут же повернулось к зеркалу и начало что-то поправлять в прическе. Уже открывая дверь, я услышал в спину:

— И еще раз спасибо!

В кабинке кто-то так и сипел. Запор у него, что ли?

Фон Шнитце переминался снаружи со страдальческим видом, пришлось идти за ним, занимать места. Поездка должна была продлиться час, почему он не взял машину?

Скорее всего, потому, что на поезд скидка была, а на прокат машины — нет.

Минут через пять в кресло через проход плюхнулось Оно, уронило рюкзак перед собой, вывалив на пол половину содержимого — планшет, тетради для рисования, пара толстых книг. Одна привлекла мое внимание — «Средние века для чайников — жизнь при дворе феодала».

— Интересуетесь? Берите.

Я, взяв протянутую книгу, пролистал. Много текста, картинки, сноски, в одном месте мелькнула карикатурка. Хм, полезная штука.

— Можно? — Существо, дотянувшись, бесцеремонно сцапало мой плеер, тут же воткнуло в уши. — О, восточноевропейский фолк?

— У меня дома это почему-то называется шансон.

— Класс! Обожаю этнику!

Голландский, судя по некоторым словечкам, неформал, увлеченно слушающий в ночном поезде «С добрым утром» Трофима и даже пытающийся что-то подпевать... М-да. Европа.

Следующие полчаса я листал книгу, иногда поглядывая на уснувшего сразу после отправления фон Шнитце. Старикан крепкий, конечно, только годы берут свое, устал.

— Я скачал эту музыку себе, хорошо?

— Понравилось?

— Забавно. Надо язык выучить, чтобы понимать лучше. Интонации не все передают.

— Не все стоит понимать.

— Лучше понимать друг друга и то, чем руководствуется собеседник, чем попадать в ситуации вроде той. Правильно поговорив, можно решить любую проблему!

Мы переговаривались через проход вполголоса. Большинство пассажиров или читали, или спали, только мы двое беседовали.

— Так уж любую.

— Уверен!

— Ну, оставайся при своих заблуждениях. Кстати, можно вопрос?

— Конечно.

— Ты парень или девушка?

— Хм, а то, что мы встретились в мужском туалете, ничего не значит?

— В тех местах — практически ничего.

— О, в самом деле. Можете называть Эск, в колледже привык.

— Аском никто не дразнит? — Я протянул руку.

— Иногда. — Пожатие мужское, хотя рука слабовата. — Полное имя — Элегар Эско Элизе Хелена Орланд ван Эске, герцог Эскенландский. Точнее, наследник.

Первая мысль, все-таки парень! Вторая, хотя Хелена же, значит — герцогиня? Третья, как подал, зараза! Вот где «блаародный», а ведь даже не выпрямился толком, одной интонацией и жестами показывает превосходство.

— А я Александр Николаевич Могила, как выяснилось — барон фон Гравштайн.

— Ха! Я знал, у вас в лице есть что-то такое...

Прикрыв глаза, я вздохнул — и этот туда же!

— Вы знаете, что ваш замок довольно долго был пиратским гнездом?

— Первый раз слышу. Кстати, когда это ты герцогом успел стать? Мы же еще за тебя не проголосовали?

— Вы не проголосовали за то, что я — легитимный правитель, которому вы готовы служить, титул мне от предков достался. И вообще, может быть, я откажусь!

— Куда ты денешься... За мной вон — управляющий приехал. — Я кивнул на похрапывающего фон Шнитце. — За тобой, небось, сразу десяток завалялись?

— Не, эсэмэску прислали. Каникулы, решил съездить. — Эск вдруг посмотрел на книгу и протянул ее мне. — Возьмите, господин барон. Я уже прочитал, а вам, кажется, пригодится.

— Точно справитесь без шпаргалок, господин герцог?

— Куда деваться... мы в одной заднице, да?

Я не совсем понял, но кивнул.

Эск вскочил, попрощался и ушел, напевая что-то сильно похожее на «Ушаночку». М-да, это он интуитивно «бегут-стучат колесики» выбрал? Талант, однако.

Фон Шнитце проснулся ровно за минуту до остановки, видимо, по привычке.

Герцог мелькнул где-то в другом конце перрона, меня же утащили к стоянке, сунули на заднее сиденье старенького «Мерседеса». Спустя четверть часа, я без каких-либо формальностей пересек границу Федерации и въехал в самоопределившийся Эскенланд. Еще через десять минут из темноты проступила громада внушительной замковой стены, ограждавшей мое владение от тихо спящего городка.

Во дворе, несмотря на поздний час, скопилось немало встречающих — какие-то мужики, почему-то ни разу не в «национальной одежде», несколько женщин, парочка ребятишек. Все они смотрели на меня с какой-то слишком явной радостью. Примерно как мы в детстве на подъезжающую тележку мороженщицы.

— Господин барон, все готово! — Фон Шнитце подошел, нервно потирая руки.

— Что — готово?

— Люди собрались.

— Зачем?

— Для того чтобы я мог представить им нового владетеля этой земли.

Закрыв глаза рукой, я сложил в уме обрывки и намеки, после чего, наконец, догадался, какую именно задницу имел в виду наш студент-герцог. Кажется, накрылся мой отдых.

Со встречающими разделался простым «Завтра» и зверски скорченной рожей, после чего ухватил старика и ворвался в замок. На окружающее я практически не обращал внимания, летел вперед, подгоняемый доносящимися из-за спины короткими «направо», «налево» и «осторожно, ступенька». Наконец, в каком-то подобии кабинета с антикварной мебелью решил, что сойдет, и рухнул в кресло, уставившись на фон Шнитце, как чекист на врага народа. М-да, ночь, шум ветра за окном, в кресле с высокой спинкой сидит барон-иноземец и устраивает допрос несчастному провинившемуся старику-патриоту.

Патриот, поняв, что придется все-таки говорить правду, помялся еще чуть-чуть, но, сообразив, что дальше молчать опасно, откашлялся и начал издалека.

Небольшой полуостров, а во время высоких приливов и вовсе «часть суши, окруженная водой». В прошлом, очень-очень далеком прошлом, почти легендарном — маленькое самостоятельное государство. Было это настолько давно, что уже никто толком и не помнит, когда именно. Редкие периоды независимости сменялись приходом очередных захватчиков, которых вскоре прогоняли другие, третьи, десятые, местные обычаи переплетались с обычаями пришельцев, местные законы разбавлялись законами чужими, но что с того? Люди живут, им бы поесть чего, детей вырастить да денежку на старость отложить, а как эта денежка называется, пфенниг, эре, пенс или цент — какая разница?

Впрочем, с наступлением долгих сытых времен местным захотелось чего-то большого и чистого. Ну что может быть невиннее намерения вернуть старые имена земле предков? Ведь это просто название одного из федеральных округов, они, как добропорядочные граждане, имеют право на подобный каприз? К проблеме подошли с положенной в тех местах практичностью, составили подробный план и привели его в действие. Не учли только одной маленькой детали, о которой и рассказывал мне сейчас Шнитце.

— Мы не хотели давать повода некоторым не слишком разумным людям... повода обвинить нас в... э-э... некоторой поспешности принятия решений.

Я поощрительно хмыкнул.

— В чем же именно вы налажали?

Фон Шнитце, еще раз откашлявшись и нервно пошморгав за окно, продолжил:

— Наша страна, как всем известно, состоит из семнадцати федеральных земель. Да, мы часть одной

из них, так уж сложилось, но у нас есть своя история и своя гордость! Вы, конечно, слышали о великой борьбе эсков за восстановление герцогства в его исторических границах?

— Ни разу.

— Как?! Это длится веками, нет ни одного человека в герцогстве, который остался бы равнодушен! Явка на референдум составила девяносто девять процентов, и мы знаем всех не участвовавших!

— Вы их спрашивали поименно?

— Конечно! Вдруг мы не учли какие-то пожелания наших соотечественников?

Вот и шути тут.

— Недавно мы все-таки нашли способ, показавшийся разумным и правильным. В одной из политических игр прошлых веков неудачливый претендент на владение нашей землей пытался провести референдум. В те времена и слова такого не знали, к тому же у других сторон было попросту больше грубой силы, поэтому идея с народным волеизъявлением не прошла. Но — предложивший ее в тот момент имел все права на это, поскольку формально считался главой государства! Мы подняли предложение двухвековой давности, проверили и установили, что оно в самом деле оказалось не отмененным, а отложенным в связи с известными событиями. К сожалению, в оригинальном тексте были некоторые... м-м... не совсем корректные формулировки. К примеру, там предполагалось отменить «чуждые законы», оставив только «исконные обычаи».

— Подразумевалось, что сверху укажут, какие из этих обычаев исконные?

— Вероятно, так. — Старик еще раз посмотрел за окно и вздохнул. — Тем не менее, текст был, до-

кумент все еще имел силу, и мы решили, что времени на обдумывание ушло достаточно, оставалось только возобновить процедуру, что в компетенции окружного фольксраата, и провести сам плебисцит. Но формулировка... Видите ли, господин барон, поскольку формулировку двухсотлетней давности не изменяли, то в результате получилось, что мы... В самом деле слегка поспешили. Видите ли, это довольно сложный вопрос, тут надо рассматривать разные стороны, к тому же...

— Конкретнее!

Он вздрогнул и, странно кося в сторону, полушепотом завершил:

— Получилось так, что мы отменили в стране все законы. Вплоть до того времени, когда наша страна еще была свободна.

Отменили. Законы. Дикая, блин, Европа!

— Ну отмените решение референдума, чего тянуть?

Старик вдруг гордо выпрямился и процедил через губу:

— Мы живем в свободной, демократической стране! Решение фольксраата невозможно отменить! — Но тут же обмяк. — К тому же теперь по закону правом принимать подобные решения обладают только бароны. Видите ли, в тексте обсуждаемого изменения было написано «Возвращение к законам, принятым во времена независимости», однако как-то забылось, что наша страна последний раз была полностью независима в одна тысяча сто седьмом году. Но поймите, нам очень хотелось наконец вернуть свое имя!

— Проведите еще один референдум!

— Если бы... — Он печально на меня посмотрел, подвигал бумаги и еще раз вздохнул. — Вот как раз этот закон все еще работает. Он, видите ли, записан в древнейшем рукописном своде законов страны. Право голоса теперь принадлежит только баронам! И лишить их этого права, передав его всем гражданам, может только герцог!

— А утвердить наследника герцога могут только бароны.

— Именно так. И произойти это, в соответствии с традицией, должно в последний день лета. То есть через два месяца.

— А до тех пор...

— Судебная, законодательная и исполнительная власть принадлежит вам, господин барон, и вашим... э-э... коллегам. Каждому в пределах своих земель.

— И ты заманил меня сюда, чтобы я работал судьей и мэром?

— Мэра вы можете назначить... — Быстро подняв на меня глаза, фон Шнитце поежился. — Но да. Я виноват, так как не раскрыл все подробности. Это моя вина, господин барон, только умоляю меня понять... Баронство Гравштайн — это одиннадцать тысяч человек, им нужна справедливая, а главное — законная власть! Конечно, кроме писанных законов, есть обычаи, здравый смысл наконец, жизнь продолжается. Через два месяца выбранный и коронованный герцог, в соответствии с заключенным с ним договором, подпишет свой первый указ, и все прежние законы снова обретут силу.

— А до тех пор?

Старик снова уставился куда-то в угол:

— До тех пор, я надеюсь, вы исполните свой долг перед подданными.

Молча встав, я подошел к сумке и вытащил из нее подаренную книгу. На обложке бородатый мужчина в странном наряде свысока наблюдал за столпившимися перед ним изможденными людьми. Услышав за спиной шорох, я обернулся — старик открыл свою папку и вытащил точно такую же книгу, только уже основательно захватанную и с десятком разноцветных закладок. Поймав мой взгляд, фон Шнитце печально посмотрел в ответ и пожал плечами. Мол, что поделывать, Шурик, такие дела.

— Завтра. Все — завтра! Кыш отсюда, господин барон изволят почивать!

— Да, господин барон! Ваша постель уже пригото-
влена.

Спальня, как оказалось, примыкала к кабинету. Кровать мелкая, неудобная, но я смог рухнуть на-
искосок, почти целиком уместившись под балда-
хином.

Итак, Александэр, что мы имеем?

Имеем головняк. Во-первых, ситуация стремная, во-вторых, если я соглашусь на мольбы этого интри-
гана, то получу массу геморроя с сомнительными
удовольствиями. А если выяснят, что никакого я не
боярского рода? Ну что же, бабушка намекала что-то
на татарские корни деда. Не выйдет с фальшивым
румынским боярством — буду настоящим татарским
мурзой!

Перевернувшись на отчаянно скрипящем ложе, я уставился в потолок, потом вскочил и подошел к окну.

Был у меня приятель, он с удовольствием купал-
ся в бассейне, неплохо плавал. Но когда во время
морской прогулки мы начали прыгать с яхты и ему
сказали, что здесь глубина почти километр — тут же

начал тонуть, причем не особо барахтаясь. Когда вытащили, даже не мог толком объяснить, что произошло. Только старался держаться подальше от борта. А казалось бы, какая разница, сколько до дна, если больше, чем твой рост?

Вот и сейчас — ну баронство, ну титул, и чего? Та же работа, глаза боятся, а руки уж как-нибудь. Только что же теперь мне делать? Что вообще положено делать в таких случаях? Я в самой-самой европейской дыре, где ни закона, ни нормальных людей, и мне надо как-то два месяца, пользуясь одной только популярной книжкой и здравым смыслом, прожить, занимаясь... да в общем все тем же.

Говорить с людьми, убеждать их, решать мелкие проблемы, судить мелкие дразги... ну что в этой унылой глуши может произойти серьезного? А в награду — целый замок! В самом деле, отпуск, еще и девчонок сюда привезу! А чего — море есть, живописные развалины — наличествуют, Европа опять же! Эльке нос утру, мол, барона бросила, коза! Митрича рассказом порадую, он такие закавыки любит. Вот только благородное поведение... ну да, буду кивать, что у меня на родине так принято, я их традиций не знаю, потому веду себя как привычно боярину!

Что, кстати, мне положено делать в подобных ситуациях? Припоминалось только одно — высушившись в окно древней башни и с удовольствием полной грудью вдохнув свежего воздуха с моря, я заорал:

— Таги-и-ил!

Полегчало.

Уже когда я закрывал старую деревянную ставню, откуда-то издалека донеслось:

— Кемерово-о-о!
Наши — повсюду.
Веселой ночи, зёма!

«В настоящее время отложены туристические экскурсии на знаменитые эскенландские ватты. Мы надеемся, что вскоре все желающие насладятся незабываемыми прогулками по этой местной достопримечательности!»

— Дештапто-те, ромене! — Грозная и печальная мелодия вырвала из сна вернее, чем пинок. — Дин сомнул чел де мо-арте!

Еще не успев сообразить, что происходит, я оказался на ногах, вертя головой в поиске источника звука и пытаясь распутать покрывало, которое намотал крест-накрест, спасаясь от сквозняка. Причина экстренного пробуждения обнаружилась на тумбе рядом с кроватью.

Будильник. Большой, тяжеленный, в прочном деревянном футляре.

С гимном Румынии в качестве сигнала. Нет, выбор, конечно, неплохой: первая строчка, «Пробудись, гордый румын, от мертвого сна», ну просто очень подходит к случаю, опять же музыка красивая, но... Там дальше слова про «варваров-тиранов», что в данной ситуации звучит весьма двусмысленно.

Так и не решив, было это изощренное издевательство или простодушная попытка польстить национальному чувству (от местных вполне можно ожидать, патриотизм тут в чести), я решил, что спать больше не буду. Тем более что великим предкам пока нечем гордиться. Пора уже заняться делом!

Для начала я умылся.

Парня из провинциального молдавского городка трудно удивить тазиком и кувшином с водой, но вот отсутствие нормальной сантехники... Хотя, вспомнив, как знакомый купил двухэтажную квартиру в километре от Кремля и жил там месяц без канализации, я порадовался — у меня-то горшок был. Большой, с аккуратной крышечкой. Я даже засомневался, но приложенный рулон вполне современной туалетной бумаги убедил, что так и задумано.

Покончив с этим, подошел к окну и выглянул, опершись на суровый камень древних стен. Все было как мне и описывал фон Шнитце — вид, воздух, красоты пейзажа. Вот только старый мошенник умолчал о некоторых подробностях.

Да, замок стоит на скале, а баронские покои к тому же на предпоследнем этаже основного строения. Это подразумевает ежедневное мотание на пять-шесть этажей вверх-вниз по сотне раз. Кстати, запах моря — это здорово, но в таких количествах он называется иначе! Другая сторона башни, по картам, выходит на живописный заливчик, где базируются местные рыбаки, но отсюда его не видно — крыши, крыши, крыши, много зелени, кусок крепостной стены и пустого замкового двора. Зашибись, до чего интересно! И в довершение всего промозглость: для теплолюбивого человека, вроде меня, местные шестнадцать-семнадцать градусов при повышенной (море ведь!) влажности создают довольно некомфортные условия.

Ну да хорошо, бывали ситуации и посмешнее. Итак, что у меня есть?

Я считаюсь бароном и хозяином замка, причем никого не настораживает, что я почти четверть века тут не появлялся. У меня имеется управляющий, до-

вольно пройдошистый старикан, местный краевед. Замок — моя собственность, на том основании, что я — из боярского рода Могил, угасшего, помнится, еще в восемнадцатом веке. Эти самые бояре там то правили, то воевали с правителями, черт с ними — как мне-то себя вести с народом? С учетом того, что я — варвар из далекой страны?

Ну, сначала надо посмотреть на сам народ.

Что Молдавия, что Румыния, что Россия — отсюда образы сливаются, поэтому на любую нестыковку просто говорю, что так у нас принято, пусть ищут, где это самое «у нас». Я вообще о Румынии знаю только, что там находится известный заповедник драконов — помню по книжке, которую старшенькой на ночь читал. Правда, книжка детская, но тут могут и не знать. Дракула — тот еще книжный персонаж, а лицо историческое, значит, и драконы вполне могут водиться. Бояре-то есть? Есть, я тому пример! Ну и с остальной мифической фауной так же. Поэтому дракона на личный герб!

Угу, вылезающего из ямы.

Самозванно присваивать настоящий герб рода Могил не буду — там стандартный для наших мест «молдавский бык», а быковать меня жизнь отучила. Ну что же, стану говорить, что в связи с временной оккупацией Бессарабии семье пришлось уйти в подполье и оттого многие знания потерялись. Только помню, что красное поле и девиз — «Не возьмешь!» или что-то вроде, а дальше сами пусть придумывают.

Придя к душевному согласию с самим собой, я оглядел комнату хозяйским взглядом.

Общее впечатление — чистенько, но бедненько. То есть в местных традициях. Пнув ногой дверь в кабинет, где вчера оправдывался фон Шнитце, я сделал

большой шаг вперед и оглядел примерно два десятка людей с фотоаппаратами.

— Год даг, ваша милость. — Поклонившись и тут же повернувшись ко мне спиной, старик продолжил экскурсию. — Это сам господин барон. Бояре рода Могила оказывали заметное влияние на юго-восток Европы в пятнадцатом-шестнадцатом веках, и мы рады, что столь древний род оказался владельцем наших мест. Господин барон этим летом постоянно проживает в замке, но не стоит ему мешать.

Мой суровый взгляд управляющий, естественно, не заметил и мог считать, что сказал все правильно. Несколько дам оценивающе прошлись взглядами уже по мне. Ну что же, стесняться нечего, брюхо не висит, трусы без дырок. Вот носки стоило бы надеть, но уже поздно.

— Год даг, Эгельберт, как закончите — с докладом ко мне.

— Да, ваша милость. Прошу всех следовать за мной, мы направляемся в трапезную. — Туристы послушно потянулись к выходу, приветливо кивая мне. Одна дамочка, уходя, на прощание вскинула дорогуший объектив, поводила вверх-вниз, примериваясь, и наконец щелкнула.

Судя по направлению прицела, ее интересовал мой пупок.

Хорошо, что у меня нет привычки ходить голышом после умывания. Хотя вряд ли этих можно пронять таким образом, они едут за впечатлениями, а тут — такое! Живой барон в естественной среде обитания!

Кстати, мне бы тоже в трапезную не помешало. Или, может, разрешить туристам меня подкармливать? Через прутья клетки?

Фон Шнитце вернулся, когда я, забывая голод, осиливал очередную главу из «Самоучителя для начинающих феодалов», и тут же заявил:

— Следующая экскурсия через три часа.

— Сколько в день?

— Две в будни и три по выходным, но можно заказать отдельно.

— Почему нынче эскенландская старина?

— Пять евро за часовую экскурсию. В Эскенборге берут десять, но там гораздо лучшая сохранность.

Старик удрученно вздохнул и покачал головой.

— Обед в трапезной платный?

— Э-э... там вообще никого не кормят. Уже примерно восемьдесят лет.

— Сувенирный магазин?

— Во дворе, рядом с мастерскими. — В голосе управляющего послышалась новая нотка. — Вы хотите что-то предложить?

— Пошли завтракать... Вы давно на ногах?

— Как всегда, с пяти утра.

Трудыга. Ничего, денег не просит — значит, пусть трудится!

— У нас есть национальные блюда?

Старик возмущенно набрал воздуха в грудь, но, прежде чем он что-то смог ответить, я перебил:

— Отлично. В трапезной продавать в дорогу завтрак, состоящий из местных деликатесов. Выберите пострашней. Побегав по лестницам, нагуляют аппетит, как раз и предлагать на дорожку. Продумайте упаковку, чтобы можно было есть в автобусе.

На обратном пути, когда уже нельзя будет предъявить претензии к оригинальному вкусу предложенного. Хотя, откуда тут разнообразие? Картошка и рыба, наверное?

Так и оказалось. Впрочем, все свежее, так что завтраком я остался доволен.

— Эгельберт, а почему никто за двадцать лет не спросил — где, собственно, барон?

— Зачем, ваша милость?

— Хватит уже «милостивкать». Вне рабочих ситуаций мы просто Александр и Эгельберт, идет?

Старик с достоинством поклонился.

— Благодарю, Александэр. Так вот — зачем? Я управляющий, я получил распоряжение, и я его выполняю. Какое дело всем до того, как я его получил? Это было бы вмешательством в чужую жизнь.

Блаженные места. Практически Райский Сад! У нас каждый дворник норовит узнать, что ты, как ты и зачем. И указать, в чем ты не прав.

— К тому же из двенадцати баронств земли эсков только три остались в руках местных уроженцев, остальные были куплены самыми разными людьми. Иногда весьма занятыми и потому не имеющими возможности... или желания... явиться сюда лично.

— Документы приготовили?

Документов оказалось восемь полок толстенных папок. Ничего, и не с таким справлялся!

Первым шоком стало то, что старик все двадцать три года ни разу не повысил себе зарплату! Нет, я бы мог с ходу назвать десяток подработок мимо кассы, но почему-то верилось, что ничем подобным он не занимался.

Затем — «поэтапное восстановление замка и территории». Какое, к черту, «восстановление» — на фотках начала девяностых видны лишь голые каменные стены! Точность отчетов доходила до «прокладки — 2 эре в год», с поименным перечислением, куда эта прокладка пошла, при какой

степени износа была заменена и во сколько встала утилизация.

М-да, вот где впору звезду «Героя труда» вручать. Придумать, что ли, награду для подобных случаев?

Час спустя я захлопнул очередную папку.

— Неплохо, Эгельберт, очень неплохо.

— Вы... уже?

Старик посмотрел на меня, на папки и намекнул:

— Может быть, вам стоит ознакомиться со счетами поближе?

— Фон Шнитце, если я говорю «уже» — значит, «уже». Последние годы я только такой возней с документами и занимаюсь. Даже надоело.

— Как скажете, господин барон! — Уловив тон, управляющий тут же вытянулся по стойке «смирно». — Желаете обойти замок?

— Давайте. Только не экскурсию, а полный осмотр владения.

Сам замок состоял из основного строения, донжона то есть, двух башен, пяти зданий поменьше, возрастом от двухсот до шестисот лет, хозяйственных построек, типа кузни или бывшей конюшни, и подземелий неопределенной протяженности. Все это было окружено капитальнейшей стеной с двумя воротными проемами.

Два дома занимали арендаторы, но у них даже вход был свой, отдельный.

Внутренности замка ничем особым не отличались — длинные коридоры, крашенные в два цвета, вытертый камень, никак не облагороженный ни портьерами, ни фресками. Местами и штукатурки не хватало, грубая голая кладка.

Завершили обход в местных застенках. Ничего так тюрьма, чистенько, просторненько. Нары удоб-

ные, в дверях решетки, пять камер по одной стороне коридора.

— Уютно, вполне можно сдавать небогатым студентам. Темновато, правда, но это ничего.

— Э-э... раньше тут был винный погреб, но я решил, что для большей наглядности туристам следует...

— Разумно, Эгельберт, разумно. Что ж это за древний замок без зловещей тюрьмы, набитой невинными узниками? Где, кстати, тюрьма была на самом деле?

Спустя пять минут, я тупо пялился перед собой, пытаюсь представить, как можно было жить в этом. Шкаф, натуральный стенной шкаф! Тут не то что подкоп копать, тут выпрямиться нельзя было. И я еще думал, что пятнадцать человек на восьмиместную камеру — тесно!

В пыточной, за тяжелой металлической дверью, обнаружился неплохой набор средств «углубленной работы с носителями информации».

— Сюда туристов водите?

Я погладил дыбу и мечтательно улыбнулся. Фон Шнитце отчего-то нервно поежился.

— Раньше водили, но департамент туризма потребовал...

— Разрешаю. Водите. Кстати, принесите сюда немного краски, пусть посетители за дополнительную плату мажут друг друга «кровищей». К тому же сделаем так...

Фон Шнитце, быстро выхватив блокнот, записывал мои предложения. Видимо, душа эскенландца радовалась каждой возможности заработать... ну да я тоже не против.

— Теперь главное — что у нас на счетах?

Старик замялся, хотя я уже понял — денег нет.

— Увы, как я и говорил, подобная собственность требует много...

— Да? Тогда с завтрашнего утра введите в программу экскурсии дополнительную платную услугу — завтрак с владельцем замка.

Заодно меня будут кормить вовремя.

— Я хотел это предложить, господин барон, но...

— Не нужно стесняться, особенно в подобных делах.

Вообще-то, мои мысли насчет того, куда пойдет выручка, наверняка отличались от фантазий управляющего. Но зачем огорчать старика, рассуждая об этом вслух? Хотя замок хорош! Этакое суровое древнее гнездо... как там, оно еще и пиратское?

Мне вдруг захотелось чего-то учудить.

Так, похоже, Сашка-Могила просыпается! Чур меня, чур... не те времена, призраков тревожить, я ж эту тихую глубинку вдребезги разнесу!

Уняв желание заулюлюкать и примерить найденные в рыцарском зале доспехи, продолжил:

— Кто сейчас в штате?

— Я и мой младший сын, ему помогает жена и дети — они в данный момент на каникулах. Наша семья, по договору с баронами, имеет право занимать всю южную башню. Договор подписан двести двенадцать лет назад, технически мы не вассалы баронов, мы управляющие замком. Смею надеяться, наша семья неплохо справляется?

Я только поднял бровь и согласно кивнул.

— Кто еще?

— Трое служащих музея — мужчины, изображают стражников. Повар, мадам ван Шторре. Раньше были два фермера, но после референдума уехали. У них

в стране тоже недавно прошел референдум, и они считали, что почему-то тут обязательно начнется стрельба.

— Фермеры? Чем занимались?

— У нас имеется хозяйство... Я рассчитывал, что удастся воссоздать полную картину жизни средневекового замка. Кузня и гончарная мастерская, с сувенирами, собственные продукты, огород, завести овец, свинок...

— У вас нет родни в Румынии?

— Простите? Нет, я коренной эск.

Странно. Показалось, наверное.

Оглядев двор — в углу мялись, не решаясь заговорить с начальством, двое служителей, на стене слышались звонкие голоса, где-то стучал молоток — я открыл было рот, но в этот момент через главные ворота в замок проник Враг.

Их можно узнать в любом обличье, их штампуют в глубинах ада, и эманация боли и ужаса окружает их навечно. Он шел, как злое умертвие из страшной сказки, где он проходил — исчезали улыбки, гасли огни, начинали плакать дети... Приблизившись ко мне, маленький плотный человечек в сером костюме приветливо кивнул и быстро вытер платком лысинку.

— Гот даг, господин барон! Позвольте представиться — налоговый инспектор Отто Шрайбер. У меня есть несколько вопросов к вам лично и к вашему... — он зловеще сверкнул глазками в сторону Эгельберта, — управляющему.

— Вопросов?

— О, тут нет никаких вопросов. Я, видите ли, неправильно выразился. Я твердо знаю, что за вами серьезная недостача!

Все желание оставаться простым замдиректора внезапно исчезло.

— Эгельберт, что там в законах по поводу налогов? Кто имеет право их собирать?

— Сложный вопрос. Определенно, вы должны будете отдавать часть доходов вашему сюзерену, только в данный момент...

— Этот тип может считаться слугой моего герцога?

— Ну что вы, это же...

— Стража!

Инспектор снисходительно улыбался, слушая нас.

— Боюсь, — змеиная улыбка скользнула на тонких губах, — мне придется доложить об этом своему начальству.

— Фон Шнитце, это была угроза?

— Ну что вы, господин барон!

— А я говорю — угроза. Стража!

Два мужика в ливреях приблизились, опасливо косясь то на меня, то на гостя.

— Этого типа, за оскорбление моей благородной особы, приговариваю к тюремному сроку на два месяца. В камеру его!

Опаска опаской, а ухватили они его живо и тут же поволокли, болезного. Инспектор, не понимая, что происходит, только разевал рот. Ничего, не все ж только им людей мучить? Когда-то должна и ответка прилететь. У самой двери в подвал чиновник наконец завопил, ухватился за дверной косяк и начал что-то требовать. Стражники обернулись, увидели мой подтверждающий кивок и, не обращая внимания, рывком затащили жертву произвола в замок. Звук закрывшейся за ними двери вызвал в душе непонятное удовлетворение. Пожалуй, стану-ка я на-

стоящим раубриттером! Даже не просто риттером, а целым бароном-разбойником! Буду проезжих грабить, крестьян тиранить и выпускать пиратские копии популярных альбомов!

Фон Шнитце, отойдя от шока, наконец воззвал к моему разуму:

— Но это же государственный налоговый чиновник!

— Не вопрос, старина. Как только явится человек от его господина, объяснит причину наглого поведения слуги и принесет необходимую виру, мы отпустим узника.

— Его господина?!

— Ну да. Того, кому этот тип приносил клятву верности.

— Может, у вас на родине так и принято, но в наших краях...

— Тогда будет сидеть.

Вытащив из-под мышки управляющего папку, я достал книгу, нашел запомнившуюся вчера цитату и зачитал вслух:

— Простолюдин при встрече с бароном обязан снять шапку и поклониться. Этот ваш инспектор имеет дворянские корни?

— Э-э...

— Иначе его могли ожидать штраф, плети, а порой и виселица. — Я повернул книгу текстом к ошеломленному старику. — Поймите, я же не зверь, отправлять человека... пусть даже мытаря, под плети или даже на виселицу. Это, согласитесь, чересчур, так?

Фон Шнитце нерешительно кивнул.

— А простить одного — завтра десятеро на шею сядут и ноги свесят. Куда мне деваться? Первое все-

таки нарушение, лучше просто запереть, чтобы подумал над своим поведением. Вот во второй раз — ну там уже и выпороть можно, за неуважение к власти. И только в третий, пожалуй, вешать. Даже если очень хочется сразу, в первый.

Эгельберт молчал долго, ища и опровергая про себя все новые и новые доводы, потом пожал плечами:

— Если рассматривать проблему с этой стороны, то все разумно. Только что скажут в его управлении? Там работают очень серьезные люди!

— Тогда сообщите им, что в результате нарушения инспектором одного из наших новых старых законов, пришлось, в соблюдение формальных процедур, предоставить ему возможность ознакомиться с работой музея более плотно. Пусть оформляют зарубежную командировку, поскольку мы настаиваем, что именно он должен заниматься этим. И добавьте, что мы не в претензии, даже предоставим ему бесплатное помещение и обеспечим питание, но просим впредь более серьезно относиться к факту независимости Эскенланда и уважать наши древние обычаи.

— Господин барон, а если он подаст жалобу? Это международный конфликт!

— Жалобу? Ну хорошо, сделаем вот что — во-первых, ему запрещено передавать какие-либо письма до окончания срока. Мобильник тоже отобрать. Во-вторых, объявите, что любой горожанин или турист может навестить замок и за небольшую плату кинуть в сборщика налогов чем-нибудь не слишком травмирующим или слегка огреть его палкой. За это пообещайте ему треть от сборов по

выходе из заточения. Но только когда отсидит весь срок!

— Он может не согласиться!

— Тогда мы повесим его как самозванца. Настоящий налоговый никогда не отказывается от денег.

Управляющий поморщился, но согласно кивнул.

— И кстати — раз мы ему платим, то пусть отработывает полностью! Например, громко жалуется, что мы кормим его одной селедкой и не даем пить!

— Вдруг он откажется?

— Откажется — в самом деле будем кормить и не давать. Пока не согласится.

— У вас очень странные методы убеждения деловых партнеров.

— На родине научился. В Румынии еще и не такое увидишь!

Черт, надо хоть что-нибудь прочитать об этой «стране предков». В замке же есть библиотека, я видел, когда проходили. Правда, новых книжек там не наблюдалось, но все равно, хоть от чего-то отталкиваться нужно.

— Хорошо. Фон Шнитце?

Старик, со странным выражением лица смотревший на дверь, ведущую в тюрьму, вздрогнул и повернулся.

— Вы говорили о фермерах? Зачем нам нужны фермеры?

— Да, действительно... больше не нужны. Я не справлюсь, а нанять новых сейчас довольно затруднительно.

Выяснилось, что сын управляющего подкинул идею реализовать не только визуальную, но и прочие картины былого. Вкусовую и, главное, обоня-

тельную — воссоздав в прямом смысле «атмосферу прошлого». Так что сейчас в конюшне находилось несколько единиц «запахоиздателей», привезенных с одной из окрестных ферм, а вот обиходить их было некому — все обитатели замка оказались закоренелыми горожанами, в лучшем случае — бывшими рыбаками.

— Эгельберт, я же в сущности деревенский паренек! Справиться с дойкой четырех коров...

— И еще — пять коз.

— И пяти коз, пару дней, пока не найдется замена — уж как-нибудь! Идем!

В себе я совершенно не был уверен, поскольку последний раз брался за вымя (коровье, конечно) еще в школе. Но почему-то вдруг захотелось!

Спустя десять минут струйки со звоном бились в абсолютно такой же, как был у нас дома, подойник, а непочтительная корова то и дело махала на своего барона хвостом.

— Помнят ручки-то! А?!

Именно в этот момент раздался звонок. Еще раз отмахнувшись от разошедшейся коровы, я вытащил мобильник, включил на громкую связь и...

— Па! Привет!

— Здорово, Ленок! Как там моя победительница?

— Клаааас! Я вторая приплыла!

— Молодец!

— Анька говорит, ты уехал куда-то?

— Да, на пару недель. — Стоящий рядом фон Шнитце душераздирающе вздохнул. — Мать вас везет куда-нибудь?

— Ма... Ма, отдай!

Ну вот. Она их под дверью караулит?

— Элька, зараза, дай с ребенком побеседовать!

— Наговоришься еще. Ты где? Ленку надо везти в санаторий, и ты мог бы...

И как раз в этот момент...

— Са-аша... что это за звуки?

Корова, как назло, мгновенно отозвалась очередным мычанием. Видимо, родную душу почувствовала!

— Да вот, замковый хлев инспектирую.

— Инспекти-ируешь? Докатился! На заработки отправился, коровам хвосты крутить? И дочерей хочешь забрать, по свежему навозу бегать?!

Дальнейший ее монолог прерывался только мычанием коров и блеянием коз. Мне было высказано все накопившееся за последний месяц (с прошлого раза), мне было указано на мое место в мироздании (невысоко, ну да никто не сомневался), мне было обещано подать в суд и отправить отрабатывать (уже на родной земле) и прочая, прочая.

Все это слушал то краснеющий, то бледнеющий Эгельберт и абсолютно безразличные коровы с козами. Я, как всегда, пропускал вопли бывшей мимо ушей. Наконец, после очередного взвизга я вставил «Ленка, я потом перезвоню», услышал далекое «Пока, папка!» и, наконец, закончив с последней, особо непоседливой козой, отключил мобилку, отлил в крышку одного бидона молока и кивнул давно наблюдающему из темного угла зверю.

Кошка настороженно уставилась на полную крышку парного молока, потом подняла взгляд на меня. Я разрешающе закрыл глаза. Когда открыл — крышка была уже наполовину пуста.

Через полчаса, проверив животных и удалив отходы их жизнедеятельности (правда, пришлось долго себя убеждать, что вот эта сверкающая чистотой

тачка — в самом деле для навоза), я вышел во двор, присел на скамейку у стены и начал чесать за ухом довольную кошку.

— Кхм?

— Эгельберт?

Управляющий, сбежавший, когда дело шло к третьей корове, смущенно застыл рядом.

— Мне показалось, что ваша бывшая супруга немного...

— Да, та еще стерва. Я считаю, Эгельберт, что все зло от баб!

— Но у вас же две дочери, насколько я знаю?

— Я выращу из них настоящих мужиков! — Если, конечно, смогу выдрать из цепких лап бывшей. Пока надолго не удавалось, но вдруг бароны в этом деле сильнее замдиректоров?

— Значит, ваш брак был неудачным?

— Ага. Хотя обычно девочки меня любят. Вот, к примеру, эта красавица. — Я почесал кошку за ухом. — Так и липнет, только вошел, сразу глаз положила. И хвост. И лапу.

— Мне очень жаль вас огорчать, господин барон, но это кот.

Я поднял разнежившегося зверя, заглянул под хвост. Действительно самец.

— И, кроме вас, вряд ли найдется кто-то, кто был бы в восторге от его существования.

— Что так?

— Он появился в замке месяц назад и уже успел всем насолить. Лишь поначалу он ласковый и мурлыкает...

— Со многими такая фигня. Как его звать?

— «Этот кот». Но чаще — «скотина мохнатая». Хотя, надо признать, вас он почему-то уважает.

Ну да, чует, что тапкой по морде не отделается.

Я посмотрел на жмурящегося кота, он ответил невинным взглядом, и мы одновременно отвернулись.

— Думаю, мы с ним сработаемся.

Тем временем за спиной послышалось звяканье. Я было лениво оглянулся и тут же подпрыгнул вместе с котом — фон Шнитце выливал, наклонив бидон, молоко!

— Что вы делаете?!

— Это молоко получено с нарушением санитарных норм Евросоюза, его следует уничтожить.

Я подошел, приобнял его за плечи и наемкнул:

— Фон Шницель, где этот чертов Союз, а где теперь мы? В холодильник, живо, завтрашней группе туристов предложите как «натуральный продукт»! Не забудьте добавить, что сам господин барон не гнушается принять участие в изготовлении! Да, и в ассортимент сувенирной лавки добавьте желудочных и чего-нибудь от поноса. По тройной цене.

Не всем молоко полезно. Горожане это не всегда знают.

День потихоньку клонился к вечеру, пора было ложиться спать. Ранняя утренняя дойка, похоже, на ближайшие дни моя неизменная реальность. Ну, лучше убирать навоз за коровами, чем стоять в часовой пробке... тем более что после коров меня будет ждать баронский замок, а не стройуправление.

Пужинав, я уже без сопровождения спустился в «тюрьму».

Шрайбер при виде меня вскочил и затряс решетку камеры.

— Это произвол и похищение!

— Имя?

— Эдгар Фиск, господин барон. Работаю тут, ну... — Здоровяк-«стражник» даже кепку стянул, навесив мять в руках.

— Капризничал?

Фиск оглянулся на возмущенно шипящего налогового и пожал плечами:

— Да не очень.

— Бандиты!

— Только шипел и пытался укусить, когда я ему одеяло принес.

— Не замерзнет?

— Убийцы!

— Я тут сплю иногда, когда... ну, у меня супруга... понимаете.

— Еще как. Вы сможете дежурить всю ночь?

— Насильники!

Мы с Фиском удивленно обернулись, и Шрайбер, сообразив, что крикнул что-то не то, смутился.

— Конечно. Я же тут, при замке, и живу. В доме слуг нам квартиру господин фон Шнитце выделил. В городе она бы куда дороже встала, выгодно. Опять же — замок.

Парень почему-то окончательно смутился. Ну что же, «несчастный пленник» накормлен, напоен, снабжен постелью и в случае чего без помощи не останется. Шикарные условия! Но почему бы не пожелать ему спокойной ночи?

— Вы бы, милейший, не шумели так! — Я оглянулся и с преувеличенной заботой, наклонившись к прутьям решетки, предупредил: — Осторожнее, тут ночью может быть неудобно.

— Я ничего не боюсь! Что тут может быть такого? Обычный туристический объект! Но учтите, когда я выйду...

Наклонившись к решетке и как можно шире улыбнувшись, я ответил:

— Выйдете? Когда вас вынесут, мой дорогой. Вы знаете такую страну, как Трансильвания?

— Ну да, конечно. Там правил когда-то Дракула, это все знают!

— А где эта страна, вам известно?

— Ну... в Венгрии?

— Почти правильно. В Румынии! Той самой, откуда пошел весь род Могила. Вам никто не говорил, как на местный язык переводится эта фамилия? Спокойной ночи, мой друг, мой сладкий, — я демонстративно принял, — полнокровный друг... Не все же вам кровь сосать, пришло и наше время! Спокойной ночи и дивных снов!

Когда я уходил, он мелко крестился. Кажется, стражник тоже был близок к этому. Ах эти северяне, они такие романтики!

Заглянувший в окно месяц я встречал, лежа на скрипучей кровати, снова по диагонали. Видимо, врут про гигантов-скандинавов, им тут можно было бы спать только сидя или, как я, наискосок.

Что же сегодня было хорошего? Да, в сущности, ничего. Денег нет, поработать придется, к тому же фон Шнитце весь день как-то ловко обходил вопрос о моих судебных обязанностях.

С мытарем я, конечно, погорячился, но в том-то вся прелесть, что ничего мне предъявить нельзя. Если, конечно, я правильно понял суть происходящего. Но официальные структуры проявят свое присутствие дня через два-три, а до тех пор...

Насторожившись и протянув руку к будильнику, я взглянул в сторону дальнего угла. Что-то темное, мрачное со злобещей медлительностью приближа-

лось ко мне, готовясь прыгнуть. Вот непонятная тень сжалась для прыжка и спустя мгновение...

— Мяу?

Я отпустил «оружие». Утром расколошмачу.

Кот мягко прыгнул на кровать, прогулялся от ног до головы, ничтоже сумняшеся потоптался у меня на груди и улегся, щекоча лицо усами.

— Что, дикая тварь из древнего замка, к шее тынешься, под покровом ночи? Ну, подобное к подобному. Будешь... Упырем. Согласен?

— Мррр.

Прижав мурлыку рукой, я снова расслабился.

В щелях ставен чуть шуршал ветер, тишина стояла такая — горожанину не поверить! Последней мыслью почему-то было «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря. Повезло».

«В книжных магазинах Северной Европы наблюдается повышенный спрос на историческую тематику. Особый интерес у читателей вызывают книги с описанием древних обычаев и легенд...»

Das Bokanmeldelse.

Следующий день начался скучно. Утром привычная побудка, завтрак (пока еще в одиночку), шныряющие по всему замку галдящие экскурсанты, довольный кошка, получивший кусок жареной рыбы, и... скука.

Участвовать в управлении баронством я не собирался. Во-первых, в мэры провинциального райцентра лезть не хочу. Во-вторых, фон Шнитце подsunул мне на подпись два документа, по которым полиция и служащие муниципалитета теперь работали на ме-

ня, точнее, от моего имени. К счастью, на эти два месяца у города вполне хватало денег на текущие расходы и оплату служб, и вдвойне счастье, что необходимости принимать у них присягу не было — с той серьезностью, с какой все служащие замка-музея воспринимают мой баронский статус, могло бы стать, что и после возвращения в состав Федерации ребята вполне серьезно стали бы считать себя моими вассалами.

Полагаю, сам Эгельберт об этом подозревал, и не будь необходимости в моем присутствии на совете баронов, ничего бы я так и не узнал об этой милой, но несуразной стране. Ну, раз уж все делают вид, что все идет совершенно как должно, я тоже попытаюсь. Поэтому во время встречи барона, начальника полиции и мэра никто не стал поднимать вопрос «Чьи в лесу шишки?»: все дружно сделали вид, что у меня все необходимые полномочия, я попросил присылать мне ежедневные отчеты, но сверх того обходиться собственным умом. «Старшина городской стражи» и «милостью барона управляющий владением Гравштайн» облегченно вздохнули, заверив, что все будет просто замечательно! Видимо, такое «конституционное баронство» их устраивало полностью. Единственный изданный мной указ гласил, что все должно идти так, как должно идти. Его вполне хватило для обеспечения моего незримого присутствия в делах административных.

Местные понимали, что с этим референдумом попали впросак, но признаться вслух? Никогда! Насколько эти ребята могут быть упертыми, я смутно подозревал и решил, что хорошенько развлекусь за их счет, не залезая в мелкие подробности их жизни. Нет уж, мы, бароны, и без управления своими земля-

ми народ очень занятой. Если не в крестовый поход сходить, то в библиотеке посидеть хотя бы...

Ничего более-менее интересного в книжных шкафах не оказалось. Из исторических трудов — только «Айвенго» и другие рыцарские романы, по Румынии — все тот же Брем Стокер и тоненький сборник «Традиции и суеверия Восточной Европы». Большая часть остальной библиотеки — альбомы, альманахи и подшивки журналов полувековой давности. Что ж поделывать, выбирать не приходится, придется кушать что дают.

— Господин барон?

— Эгельберт, ну сколько повторять?

— Простите, Александэр, привычка.

Ага, четверть века никого так не называл, небось отводит душу.

— Ну так что?

— Помните, вы говорили о местных деликатесах? Я готов продемонстрировать... — Он еще договаривал, а я уже неся к двери. Нет, есть не хотелось, но скука может быть развеяна!

Мадам ван Шторре пустила меня на свою территорию с настороженностью. Мол, барон-то он, может, и барон, а вдруг варенье украдет? Пожилая, но весьма деятельная дама. Как выяснилось — превосходно кидающая ножи. Собственно, когда я ворвался на кухню, пришлось быстро оттуда выскакивать — нож, пролетающий перед лицом, заставил немного понервничать. В последующей беседе извиняющаяся кухарка объяснила, что видела какой-то фильм, где какой-то повар вот так кидался заточенными предметами, загорелась идеей и уже лет десять принимает участие в ежегодных ярмарочных представлениях в качестве «Прекрасной амазонки, способной

метнуть любой клинок». Эти мне эскенландские пенсионеры с их увлечениями! Пришлось хвалить и смотреть короткую показательную программу — портить отношения с женщиной, которая готовит мне еду, я не собираюсь. Вполне ловко метнув подряд пять кухонных ножей, вилку и топорик для мяса (последний с закрытыми глазами и стоя спиной к мишени), повариха, мило краснея, присела в книксене. Я поаплодировал.

В следующий момент, взвизгнув, старушка кинулась из кухни наутек.

Посмотрев ей вслед, я перевел взгляд на стоящего у выхода из подвала управляющего. Тот с торжественным видом прошел к столу и водрузил на него странный сверток, который нес в руках.

— Самое узнаваемое блюдо эскенландской кухни, можно сказать — символ страны! Прошу, вот. — Он развернул ткань и снял крышку с трехлитровой кастрюли. — Сягдимирль!

Я попытался отвернуться, потом задержать дыхание, но все было бесполезно!

— Кажется, он испортился, — предположил я.

— Нет-нет, он всегда так пахнет. Этот — свежий. Вот настоявшийся, как положено, в самом деле пахнет. Для ценителя это... очень, да. Весьма!

Я пытался проморгаться. Запах... очень, да. Именно что — весьма! Невольно попятившись, задел мишень и подумал, что если мне поднесут кусочек, схвачу топор и буду отбиваться!

— Готов спорить, что тут у вас чертовски мало краж из домов.

— Да, действительно, мы на предпоследнем месте в регионе!

— Еще бы. Не дай бог в темноте на себя кастрюлю с этим опрокинешь, потом не то что жена домой — полиция в тюрьму не пустит!

— Вы преувеличиваете, господин барон. — Старик явно обиделся. — Это обычный деликатес! Раньше в любом доме любого эска стояла в погребке кастрюлька с сягдимирлем, теперь он не так популярен, но это символ страны! Каждая местная домохозяйка умеет его готовить! Это самый старый из наших деликатесов! — И он, пододвинув кастрюлю и нарезанный хлеб ко мне, начал объяснять подробности процесса приготовления.

Раз пять за время произнесения этого монолога я попытался донести до рта бутерброд с наложенной на него серо-буро-зеленой комковатой массой, но каждый раз меня начинало мутить. Иногда переспрашивал, пытаюсь показать внимание к национальным традициям:

— Значит, пока не заведутся личинки? А если водоросли недостаточно пролежали на солнце? Что, всего трех недель хватает? — И в таком духе, стараясь пореже дышать.

Фон Шнитце заливался соловьем:

— Вкус? О, этот незабываемый вкус! Он очень... специфический.

— Вы этот уже пробовали? Он точно не испортился?

— Увы, у меня больная печень, деликатесы — это не для меня!

Ну да, а жареную ветчину на ужин жрать полукилограммовыми кусманами — это такая специальная диета? Посмотрев на «деликатес», я решительно закрыл кастрюлю и отодвинул подальше. Ну ее к черту, вежливость, мне здоровье дороже!

— Как вы думаете, Эгельберт, откуда возникла вообще идея такого блюда?

Старик пожал плечами:

— Наверное, оттого, что уж ракушек и водорослей у нас тут всегда полно.

Понятно. У нас-то слишком много умных, поэтому любимое занятие — выжирать мозг ближнего, а тут мирные люди живут, ракушками обходятся.

— Почему кастрюля полная?

— М-м-м... я хотел приберечь его к праздникам. Достоинство сядимирля — возможность долго хранить!

— Ценно. Храните дальше, и так, чтобы подальше от меня! — Старик печально вздохнул и убрал свой «незабываемый» деликатес. Да, штучка действительно экзотичная и запоминающаяся, но зачем мне слава отравителя? Надо придумывать что-то попроще. — Знаете, Эгельберт, пожалуй, это слишком... экстремально. Оставим для особых гостей, отнесите потом куда-нибудь... в подвал, например. А вместо этого сделаем кое-что попроще.

Привет из детства — простейший чесночный соус, который каждая хозяйка готовит по-своему. Я машинально резал, тер, смешивал, посмеиваясь про себя. Местная кухня пресновата, что ни говори, вот и побалуем эсков остреньким.

Наконец все было готово. Старик положил немного на хлеб, откусил, прислушался к ощущениям и медленно начал краснеть.

— Нравится?

— Хм-хххх!

— Странно. Ведь рецепт от ваших соседей...

— Да-а?

Пришлось пододвинуть ему стакан воды. А нечего было своего барона неизвестной гадостью потчевать!

— Вы пейте, пейте... Знаменитая фрекен Бок готовила что-то подобное. Я только некоторые ингредиенты поменял и чуть поменьше взял перца.

— Ме-е?

— Да, пресновато. Как вы думаете, это запомнится посетителям?

Управляющий тут же закивал. И налил еще стакан воды. Неужели я что-то не так сделал? Ну, зато впечатление у туристов останется надолго.

Проведя под пристальным, запоминающим все тонкости взглядом вернувшейся поварахи еще полчаса, я выложил на тарелку национально-ностальгическое блюдо.

— Мам-ма-лы-ха? Какое странное название. Но мама-лыха не может быть нашим национальным блюдом. Кукуруза появилась в Европе с семнадцатого века, это факт. Кухня эсков гораздо старше!

— О, Эгельберт, тут все очень интересно! Видите ли, древние эски знали кукурузу задолго до того, как ее распробовали варвары. Увы, поскольку каждый, кто ест мамалыгу с чесночным соусом, продлевает себе жизнь на десять лет минимум, все завоеватели запрещали это блюдо, и в результате, сами понимаете, рецепты остались лишь в нескольких семьях. А в действительности это самое что ни на есть эскенландское блюдо!

Фон Шнитце задумался, машинально лизнул испачканный в соус палец, снова выпучил глаза и, отдышавшись, спросил:

— Откуда вы это знаете?

— Старики рассказывали. Так что смело вводим мамалыгу в состав сувенирной корзинки. Немного соуса, рыба, мамалыга и зелень... Это и будет «Традиционный гравштайнский перекус»! Не забудьте заказать упаковку с логотипом замка.

— Лучше предложить что-то более привычное.

— Угу, как на тысячу километров вокруг — все та же картошка, рыба и сосиски? Нет уж, кто рискнул сунуться в наше жилище, должен получить впечатления по полной!

Ну не говорить же ему, что мне уже надоела рыба, да и просто скучно?

Эскенланд — прекрасное место, если не обращать внимания на погоду, и сон под шум моря тут замечательный, и люди тут простые и приятные... даже чересчур. Но всего двух дней хватило, чтобы я начал искать повод что-нибудь учудить.

Скука плюс воспоминания из прошлого... нет-нет-нет, лучше уж изводить бедного управляющего, чем устроить что-то в самом деле неразумное. Держись, Шурик, держись! Не время шалить всерьез!

— Эгельберт, я вот вспомнил — у меня на родине бытует мнение, что без законов люди сразу кинутся крушить и ломать все вокруг. Как там горожане?

Старик нахмурился, виновато посмотрел на меня, отвел глаза.

— Боюсь, это в самом деле так, господин барон. Три дня назад кто-то оставил пакет с мусором на улице. Дважды за неделю неизвестные передвинули скамейку в сквере у ратуши, а кто-то написал всякие глупости на стене — краской!

— Ужас! Бесчинства прокатились по мирному городу. Неужели так резко пала мораль горожан?

Управляющий помялся, но кивнул с серьезным видом:

— Признаться, это затронуло и меня. Вчера я, — он оглянулся и понизил голос, — слушал музыку в одиннадцать вечера! До сих пор чувствую себя как-то... Приподнято, что ли? С детства так не шалил.

— Эскенланд погружается в пучину анархии.

— Возможно, мы сами этого хотели?

— Ничего, вот не привезут вам однажды утреннюю газету, тогда поймете, как много вы потеряли.

— О, вы, конечно, шутите, Александэр? Как ее могут не привезти?

Нашу беседу прервал звонок.

Спустя минуту фон Шнитце повернулся ко мне и с какой-то детской обидой сообщил, что счета замка и его самого — заморожены.

И я понял, что больше удерживаться не смогу. Кто-то очень хочет, чтобы я начал безобразить? Ну так я готов!

Что же я могу придумать?

Посвягать на собираемые муниципалитетом деньги я не собирался, хотя, в принципе, мог. Но проще и разумнее заработать самому. Формально я, конечно, повелитель этого городка и окрестных земель — пока нет герцога. И считаюсь владыкой по решению как раз этих людей, но одно дело считаться, а совсем другое пользоваться случайно полученными правами. Могут ведь вспомнить, что не так далеко отсюда крестьянская армия когда-то вполне успешно разбила рыцарское войско. И даже нового барона пригласить... ввиду естественной убыли старого.

То есть тут я, как дома президент — номинально самый главный и самый страшный, и законы все за меня, и все мне кланяются, только в случае че-

го исполняться будут процентов пять моих указов. Ну, с поправкой на ментальность, возможно, и чуть больше, но только если они не будут иметь отношения к деньгам и слишком сильно затрагивать местную жизнь. Поэтому...

Остановившись у окна, я всмотрелся в городские крыши и вдруг вспомнил напутствие Митрича.

— Я вот думаю, Эгельберт, а не ввести ли нам для горожан практику обязательных сексуальных отработок, скажем, по субботам?

— А-а... Э-э... — Каким бы просвещенным европейцем ни был мой управляющий, но сейчас я видел, что в его несчастной голове шестеренки мыслей теряют соприкосновение с реальностью, проворачиваясь вхолостую. Пришлось сжалиться:

— И разрешить откупаться от них.

— О! — Шестеренки мигом обрели сцепление и завертели в положенном им ритме. — Вообще-то, подобные законы, хоть и не столь радикальные, принимали многие правители, но, боюсь, это вызовет ненужную напряженность в обществе. Думаю, нам следует поискать что-то менее непривычное.

— Да, пожалуй... опять же вдруг кто-то не захочет откупаться? Нанимать специалистов, готовить помещение, составлять списки, вести учет... Ну его, Эгельберт, обойдемся традиционными методами.

— Очень разумное решение, господин барон!

Черт! Ну как ему привить чувство юмора? В смысле — человеческое, а не европейское?

— Тогда давайте думать, как нам заработать денег на оперативные расходы. Кстати, мне нужен значок с определенной символикой. Где бы раздобыть? — Управляющий тут же позвонил куда-то в город. — А пока ждем, давайте прикинем, сколько нам нужно.

Выяснилось, что сравнительно немного. Только вариантов заработка было еще меньше.

Замок, как меня уверял старик, заложить нельзя, трясти горожан не стоит — мои проблемы, мне и решать. Идею повысить арендную плату программерской компании, арендующей помещение, я с печалью отложил, аренда оформлена на несколько лет, и под этот договор фон Шнитце уже что-то взял в кредит. Так что я пока видел только одно решение — туристы. «Завтрак у Могилы» — первый послезавтра, коробочки с «традиционным перекусом» уже готовы, но это копейки, управляющий не зря свой хлеб ел, все что можно уже сделано. Нужно что-то еще!

— Эгельберт, как мог получить деньги мой предшественник лет этак восемьсот назад? Законным путем.

— Может быть, возвести желающего в рыцарское достоинство?

В голове мелькнули слова из читаемой книги — «щитовые деньги». Так, это уже интереснее!

— И зачем нормальному человеку становиться рыцарем?

— Во-первых, титул. Во-вторых, рыцари не платят налогов.

— Как... совсем?!

— Да, господин барон.

— Я стану миллиардером!

— Боюсь, это лишь кажущаяся выгода. Вряд ли правительства других стран...

— Эгельберт! Ты только представь, сколько на свете людей, готовых на что угодно ради возможности сказать при случае «Я, по праву благородного происхождения, могу не платить налоги!» — и плевать, что не платят только здесь.

— Есть, правда, условие — только сыновья рыцарей могут стать рыцарями!

— Черта с два! — Я уже листал заветный томик. — Вот, глядим — «приняты за доблесть и привычку сражаться», значит, выбор кандидатур не так уж мал.

— Но в «Конституциях Мелфи»...

— Отмененных месяц назад?

— Черт бы побрал этот референдум!

— Согласен. Тем не менее, я могу даровать рыцарство вполне однозначно. Вот еще одно условие: «Посвящаемый должен владеть благородной землей». То есть у кого имеется земля, дающая право на дворянство, того я просто обязан зачислить в рыцари. Отрежу кусок своей...

— Невозможно! Все площади уже используются!

— Фон Шницель, не зли меня! Что тут, нет ни клочка свободной земли?

— Есть. У самого замка, площадью чуть больше половины акра.

— Хватит. Нарезем на участки два на два метра, будут ленными владениями.

— Лен должен обеспечивать рыцаря!

— Если он неспособен выкрутиться на четырех квадратных метрах — мне такой вассал не нужен!

— И все-таки я обязан настаивать! По закону... нет, вы не смейтесь, господин барон, это очень умный закон, и к нему стоит прислушаться!

— Ну, говори.

— Предлагаю нарезать по четыре сотки — таков минимальный размер дачного участка в Федерации.

— Хорошо, согласен. Потом станут нормальными дачниками. О, вот же: «Требуя от претендентов дохода не меньше двадцати фунтов в год с принадлежащей ему земли». То есть тридцатку евро в год

— Да? Ну и отлично. Готов поспорить, что позже выяснится невозможность послать к нам нового инспектора, поскольку бюджет на зарубежные поездки исчерпан, или потому что попадание в средневековую тюрьму запрещено профсоюзом... не важно. Разместите объявление, вот текст. — Я быстро набросал рекламку.

— И все-таки, господин барон...

— Эгельберт! Во-первых, мы настрижем денег за каждого желающего, как за самый лучший курс выживания. Во-вторых, у нас будет сотня-две, вместе с родителями и друзьями, бесплатных рекламных агентов, рассказывающих о музее ежедневно. В-третьих, мы устроим состязания и настоящий турнир!

— Где взять столько участников?

— Были бы зрители, а участников найдем!

Не убежденный до конца, но переставший спорить управляющий ушел, так и не убрав с лица выражение глубочайшего сомнения, а я подбросил значок с флагом Северной Кореи, тот, что нацепил для первой фотографии, и положил его в ящик стола. Все мы тут люди взрослые и понимаем, что за слова придется держать ответ, особенно в такой двусмысленной политической ситуации, но что мешает обойтись без слов? Тем, кто намеки понимает, хватит и пары фоток. А если нет, то придется идти дальше... к примеру вывесить над башней флаги всех стран, которые когда-либо эсков завоевывали. И при этом забыть про флаг Федерации. А то ишь — счета они заморозили!

Насвистывая, спустился по лестнице, машинально пробегая пролеты, и спохватился, только когда понял, что отмотал уже несколько лишних. Кажет-

ся, вот тут был проход в «пыточную». Одна ступенька оказалась слишком выщербленной, я сделал шаг в сторону, оперся на стенку...

Последней мыслью барона, улетающего куда-то вниз, вслед за провалившимися камнями, было: «Теперь в замке появится привидение!»

«Только этим летом! Невероятный шанс отправить вашего сына в век рыцарства и приключений! Баронство Гравштайн объявляет набор пажей!

Посвящение в оруженосцы с выдачей сертификата от владельца древнейшего баронства герцогства Эскенландского! Полное обучение длится шесть недель, по окончании обучения лучших выпускников сам барон посвятит в рыцари!

Спешите, количество мест ограничено!»

Так.. это моя рука. Болит. Это.. еще одна моя рука. Тоже болит. Это моя нога. Шевелим — двигается. Не болит! Это мой череп. Нет, не мой... Мой должен быть волосатый, вот он... стоп, тогда это чей?

С кряхтением поднявшись с груды земли, наспигованной камнями, поднял голову. Высоко-высоко надо мной еле светила дыра, в которую я провалился. Чертов фон Шницель, предупреждать надо!

Хотя там, кажется, были какие-то надписи. Наверное, иногда не стоит заходить за ограждение.

Череп в самом деле оказался не моим. К тому же, кроме черепа, больше ничего вокруг не наблюдалось, и надо было решать, что делать. Вариант первый, позвонить наверх, сразу отпал — телефон в кармане не обнаружился, да и сам карман, вместе с куском штанины, тоже. Вариант второй, залезть туда, откуда я упал, тоже пришлось отложить как невыполнимый.

Слишком высоко, я упал в какое-то подобие трубы или скорее тайного колодца, и очень повезло, что успел схватиться за какие-то выступы, высота здесь метров пятнадцать.

Правда, часть этих выступов потом упала на меня, ну да ладно.

Вариант третий, самый разумный — сидеть здесь и орать время от времени. Сейчас день, максимум к завтрашнему вечеру кто-нибудь догадается проверить всю башню. Или нет? Я еще раз ощупал себя — ушибы, пара ссадин, десяток синяков. Удача дураков любит, и судя по соотношению высоты падения и полученных травм — научная карьера мне не светит, разве что административная. Ну, раз я не такой уж и умный, то хоть пройдуся, посмотрю, что тут есть. Точнее, пощупаю — если на месте падения была полумгла, то уже в трех шагах начинался настоящий мрак.

Взявшись за стенку левой рукой и следуя правилу прохождения лабиринтов, я осторожно отошел шагов на десять, оглянулся — нормально иду. Еще десять шагов — длинный коридор, однако! Но пятно света все так же виднеется. Продолжаем...

Я осторожно нащупывал дорогу перед собой. Камни сухие и прохладные, кладка старая, но прочная, на полу почти нет мусора. Пожалуй, имеется шанс на то, что здесь проводились какие-то работы по реставрации, а значит... я оглянулся, свет пропал. Ага, возвращаемся, и покричим, для начала минутную.

Десять минут спустя, я без всяких криков признал, что удача меня, может быть, и любит, но какой-то странной любовью, потому что поменяв левую на правую руку, и все по-прежнему держась

за стену, я так и не пришел к месту «приземления». Еще полчаса спустя (а может, и пять минут, трудно следить за временем, шатаюсь по древним подвалам в полной темноте) я таки начал кричать. Звуки эха, прилетавшие в ответ, были настолько жуткими, что я быстренько заткнулся. Признав, что заблудился окончательно, присел у стены. Под рукой звякнуло, я машинально нащупал что-то металлическое — монетка. Так, должно быть, сидел мой неведомый предшественник, попав в подвал пару веков назад, умер, кости истлели, только череп да содержимое карманов осталось.

Глупо как-то. Вот помру тут от голода... хотя нет, сначала от жажды, потом от голода. Буду лежать тут, гнить потихоньку, никому не мешая. Мумифицируюсь, из карманов мелочь просыпется. И лет через триста новый владелец замка пойдет исследовать подвалы, заблудится, упадет без сил, нащупает монетку и умрет, а труп будет лежать, вот так же воняя...

Стоп!

Я с шумом втянул воздух носом и вскочил — запах был знаком! И не труп это вовсе, а совсем даже вкуснятинка! Кастрюля с сягдимирлем, которую фон Шнитце унес куда-то в подпол рядом с кухней!

Потерев еще одну шишку на лбу (нечего подпрыгивать в темноте!), я глубоко вздохнул, успокоился и аккуратно принюхался.

Воняло справа. Значит, нам туда дорога!

Следующие метров триста извилистых коридоров, странных залов и полурассыпавшихся лестниц я прошел исключительно носом. Что-то хрустело под ногами, кажется, один раз я чуть не провалился в ловчую яму, и вообще, Индиана Джонс был бы мной доволен, но я шел, и полз, и лез! И наконец,

уперся в дверь. Простую, деревянную, с двумя железными полосами. Запертую, конечно.

Еще немного поорав для приличия — вряд ли кто-то сунется в подвал с Этой кастрюлей даже на самые жалобные вопли! — я стал прикидывать, где нахожусь. Еще раз прогулялся взад-вперед, добыв еще два синяка. Черт побери, когда старик водил меня здесь, то все коридоры были гораздо прямее, а потолки выше! Подобрал камень, начал обстукивать стену на предмет пустоты. Наконец, в одном месте кладка на стук отозвалась чуть по другому. Решив, что лучше рискнуть еще раз упасть в какой-нибудь колодец, чем остаться у запертой двери, как несчастный индеец Джо, я разбежался, и...

Никогда больше такой глупости не сделаю. Тем не менее, когда я откашлялся от облака пыли и перестал подвывать от боли в ушибленном плече, то смог нащупать еще одну дыру. Из-за которой не тянуло сядимирлем, а вовсе даже чуть заметно тянуло свежим ветерком!

Лаз оказался очень узким, но неизвестное количество времени и примерно две тысячи проклятий спустя я протиснулся мимо каких-то досок и костей, нащупал над собой еще один каменный потолок и с отчаяния попытался приподнять его, как крышку.

Скрипнуло.

Взвизгнуло. Взвизгнуло еще раз и забормотало по-английски. Я поднатужился...

— Эгельберт, разве еще день?

— Д-да, господин барон.

— Тогда я здесь посижу. — Я плюхнулся на теплый камень и с шипением посмотрел на яркие солнечные лучи, после чего попытался зажмуриться. Глаза

после трех часов полной темноты никак не хотели привыкать к свету.

Туристы, столпившись в сторонке, что-то оживленно обсуждали.

Наверное, не каждый день им доводится видеть, как кто-то вылезает, приподняв могильную плиту, и начинает вести непринужденный разговор с экскурсоводом. Похоже, тут был потайной ход...

— Господин барон, я никак не мог найти вас, чтобы сообщить — власти Федерации заявили, что намерены жестко пресекать любые посягательства на свободу волеизъявления эскенландцев. Из налогового управления прислали извинения, но сказали, что ничего не могут сделать — именно по приведенным вами причинам.

— Вот как? Тогда снимите на сайте мою первую фотку и поставьте вместо нее вторую. И снова пошлите уведомление об обновлении по тому же адресу.

— М-м... я не совсем понимаю смысл.

— Не важно. Первую все равно оставьте... вдруг еще пригодится. — Я попытался отстраниться от яркого, после потемков подземелий, света, в тень замковой стены. Туристы, похоже, не поняли, почему это барон жмет к камню, стараясь избежать солнечных лучей. Теплый он, вот и жмусь! — Знаете, Эгельберт, я, пожалуй, пойду. Самое время немного подкрепиться.

От взгляда, каким я обвел туристов, те попятились. Немного подумав, я сдвинул каменную крышку обратно — еще поналезут, любопытные такие, потом ищи их, — и пошел в направлении хозяйственных построек. Жрать хотелось, но сначала надо умыться и переодеться.

«— Черт побери, я думал, это все сказки, но ведь видел своими глазами! Впрочем, он вполне адекватен, сотрудники музея ничуть не боятся, а как только можно было, избегая солнца, пройти по двору, он направился в коровник, видимо, там и кормится. Значит, не какой-то там безумный монстр. Хотя выглядит внушительно и жутковато. Зато запашок от него! Слабый, но отвратительный!

— Чего ты хочешь? Он, небось, родился в те времена, когда о дезодорантах даже и не слышали! Фотки есть?

— Только со спины!

— Ого, в самом деле крупный. Где, говоришь, это было? У меня скоро отпуск...»

С туристического форума.

— Господин барон?

— Что, Эгельберт?

Судя по официальности обращения, я был нужен управляющему как высшая власть.

— Возникла небольшая проблема.

— Да? И какая?

Я сидел у окна в своем кабинете, задумчиво глядя в прозрачно-синее небо. Упырь разлегся на коленях, подставив уши под мою руку, рядом на столике дымила чашечка кофе... Принести ее сюда из кухни еще горячей было логистическим подвигом. В голове громоздились планы, и я чувствовал себя настоящим Доктором Зло. Ну или хотя бы Санитаром Неприятность. У меня отпуск, имею право!

— Один из беженцев...

— От кого — куда?

— Откуда-то из Африки в Федерацию.

Кое-кто не успел уловить момент, когда вокруг него поменялась страна и законы. Некто в национальной цветастой одежде пришел за пособием, обнаружил, что контора закрыта и, выражая свое искреннее возмущение, взялся за привычное орудие... нет, не за «калашников», за камень. Им он выбил все стекла в конторе, потом побуянил и даже слегка сопротивлялся страже. И возник казус — с одной стороны, он испортил имущество, но оно принадлежит не городу. С другой стороны, все находящееся в округе и не имеющее прямого владельца — мое. Стража, которой слишком активный задержанный успел наставить синяков и пару раз укусить, тоже моя. Надо что-то делать, только, что именно? Да и нужно ли?

— Эгельберт, мне и такую мелочь самостоятельно решать? Посмотрите свои мудрые книги и распорядитесь. Что там требуется, наверняка же хватает прецедентов? Вот и выполняйте.

Кофе остывал, вместе с ним уходили остатки любви к человечеству. Беженцы, пособия... Я бы занялся благотворительностью. Человек десять точно бы облагодетельствовал: мужиков, лет сорока, штук шесть, и женщин с детьми, три-четыре. И кормежка бы нашлась, и крыша над головой, и занятие — этот замок еще чинить и чинить! И работали бы они не постоянно, а только шесть дней в неделю! Скоро сюда слетятся кандидаты в оруженосцы, мне за неделю нужно получить из музейного здания нормальное помещение.

Эх, королевство маловато, разгуляться негде! Может, захватить пару соседних баронств? Федераты решили не вмешиваться, так что «с опорой на внутренние силы» можно слегка пошалить. Завоевать, насадить везде истинную веру... кстати, надо поин-

тересоваться, какая именно у нас сейчас вера — истинная? И что с этого можно получить.

Александр Эскенландский! Звучит же?

— И потом, конечно, стану я тираном, старая, простая, верная стезя... — Песенка сама выползла из глубин памяти. Подходяще, что уж тут. — Ёц-тоц, хорошо, буду самым главным. Будет голос зычен, а рука тверда, ага.

И все же как тут с религией? Какой именно «боже» храни Шурика Наипервейшего? Эх, будь это сказка, я бы еще и домой приехал, как новый Рюрик. Прямо вижу, как захожу в Кремль под ликующие вопли народа, бояре кланяются, нынешний Местоблюститель шапку Мономаха подсовывает, и все кричат «Слава, слава!» — а я такой...

Что именно я сделаю — домечтать не удалось. Со двора уже минуту доносились какие-то странные звуки: скулеж — не скулеж, крик — не крик — что-то среднее. Пришлось поднять недовольного кошака, вставать самому, выглядывать в окно... и вся томность момента пропала! Внизу, как раз под окнами баронских покоев, мои верные слуги настойчиво совали головой в петлю какого-то африканца, видимо, того самого «политического беженца».

— Немедленно прекратить!

Не люблю подобных типов, но не настолько же! Хотя... да нет, все же... с другой стороны... ладно, потом подумаю. Не вешать же? Или все-таки стоит?

Чересчур усердные исполнители с явным облегчением прекратили. Полуобморочный негр, дергая связанными за спиной руками, вывернулся из их хватки, отполз к стенке, в ужасе подвывая. Так, запомним исполнительность, позже похвалить надо за старание, а еще зарубим на носу — впредь никаких

двусмысленных высказываний и постоянный контроль за исполнением! Ну фон Шницель ну я тебе сейчас покажу!

Показать не удалось — управляющий, предчувствуя нагоняй, заранее отгородился протоколом задержания и ксерокопией старого текста с подчеркнутым пунктом. «Покушение на имущество господина — вира со свободного человека, раба же следует повесить.» Н-да...

— Почему он — раб?

— У него нет имущества на продажу, значит, он не купец. У него нет инструментов, значит, он не ремесленник. У него нет оружия...

Фон Шнитце методично перечислял признаки социальных групп, и по всему выходило, что данный индивидуум подходит под единственное определение — раб.

Ну вот, а я как раз думал о том, где взять рабочих для очистки рва.

— Эй, чернобровый-белозубый, ты зачем бил стекла?

— Дэнэг нет, семья голодный, сам голодный! Они виноват! — Жертва судебной системы, нутром поняв, что мне не хочется его вешать (я все-таки определился), быстро осмелел. — Законав нэ-эт? Можно всо! Я дом биль, патаму чта дэнэг не даль!

— Закон — это то, что признают законом люди.

— Чэ-е?

— Чего-чего... Говорю, что закон тут я. Зачем ты моего стражника укусил?

— Кушать хотель, денег нэт, пасобия нэт, пачему не даваль? Буду жаловаться!

— Кому?

— В ООН! Ми бэженец!

— Ребята, вы неправильно вешаете. Сначала петлю на шею, а уже потом перекидывать через крюк и подтягивать.

— Э-э! Тут пырава чилавэка!

— Так они для человека, ты-то при чем?

— У меня дэты!

— Значит, будет кому тебя похоронить и оплакать.

Чернокожий, разинув рот, посмотрел на стражника, деловито снимающего веревку, и снова печально заскулил. Со стороны двухметрового плечистого негра это выглядело странно. Видимо, в его картине мира подобное наказание за подобный проступок было вполне естественным.

— Эй ты, молчать, слушать!

— Э, ничиво нэ делаль, я...

— Молчать!

Вытянулись по стойке «смирно» все, даже стражник с поднятыми вверх, к веревке, руками.

— Приказываю — сего человека для возмещения убытка определить в замковые рабы.

— Господин барон, по «Правде эсков» от одиннадцатого века никакой приговор не может быть отменен раньше, чем через сутки после вынесения решения суда. И по той же «Правде» сей человек должен быть повешен до смерти. — Фон Шнитце неопределенно пожал плечами и перешел на «низкую речь»: — Не очень хочется, но у нас тут три тысячи его соплеменников, нужно твердо указать на нашу готовность сохранить порядок!

— Суд был?

— М-м... формально — нет. Только ваше распоряжение.

— Найди статью, по которой ему причитается срок. Вот по ней он и виноват — заранее пригово-

риваю к двум месяцам исправительных работ, или пока приносимая им польза не перекроет нанесенный ущерб.

— Слушаюсь, господин барон.

— Этого — в камеру!

Стражники и два полицейских подхватили негра и быстро поволокли в подвал. Надо нанять хоть одного нормального человека, транслирующего местным мои задумки, а то эти суровые ребята, слабо понимающие человеческие шутки, тут натворят еще...

— Объясните ему, что кто не работает, тот не ест.

— Будет выполнено. Да, герр Шрайбер жаловался стражнику, что вчера кто-то был в подземельях.

Ну, это я был. Когда плечом ушибленным да каменную кладку рушить — такие звуки издаешь, самому страшно!

— И ночью тоже кто-то был, это уже сам Эдгар подтвердил. У него опять... маленькие неприятности с женой, и он ночевал в комнате тюремщиков. Сказал — было далеко, но жутко.

А это точно не я. Или придется признать, что по ночам я лунатиком брожу по замку.

М-да, веселый у меня домик.

Стоило повернуться к башне с оставленным кофе, как за спиной кто-то откашлялся.

— Господин фон Гравштайн?

Черный костюм-тройка, безукоризненный галстук, белоснежная сорочка, запонки и блестящие туфли. Не, это не рабочий человек.

— Я Давид Блюмшилд, представитель банка «Блюмшилд и сыновья».

Ну точно, не рабочий.

У ворот мялся какой-то жалкий мужичок, но было ясно, что они не вместе. Тот, что мялся, — мелкий, шустрый и принюхивается, словно кот дворовый, а этот — породистый. Вражина.

— Барон Могила фон Гравштайн. По какому делу вы прибыли?

— Видите ли, наш банк уже двести лет занимается кредитованием землевладельцев под залог их собственности. Бароном Элиасом фон Гравштайн сто сорок два года назад заключен договор на предоставление долгосрочной ссуды. С тех пор он многократно переоформлялся, но в данный момент...

Я вздохнул. Уж очень это вступление напоминало пару эпизодов из моей деловой жизни, продолжение я мог предсказать заранее.

— Давайте короче.

— Короче? Как хотите! — Он открыл папку, такую же, как была у фон Шнитце, только гораздо... гламурнее, что ли. Вытащив из нее лист, состроил деловое выражение лица и зачитал: — В соответствии с подпунктом семнадцатым девятого параграфа дополнительного приложения к договору об условиях займа, при блокировании счетов барона, мы имеем право арестовать имущество для обеспечения возврата наших денег.

Эгельберт подпрыгнул:

— Это незаконно! Вы не имеете права требовать исполнения...

— Теперь — имею. — Банкир перебил вмешавшегося управляющего и развел руками. — Конечно, закон о регулировании обязательных гарантий при займе, принятый восемьдесят лет назад, не позволял прибегнуть к данному подпункту, но вы отменили

и его тоже. Так что я заявляю права на этот замок и земли вокруг. Разумеется, от лица банка.

Он с очевидным удовольствием закрыл свою папку и уставился на меня.

И почему-то увял, когда я ему радостно улыбнулся в ответ.

— Эгельберт, я понял!

— Что вы поняли, господин барон?

— Понял, чего не хватает! Все просто и давно описано классиками! Вот этот тип, он же еврей?

— По некоторым признакам я мог бы заключить, что...

— Богатый?

— Вероятно, господин барон.

— Тогда почему все еще на свободе? Я вчера читал «Айвенго», там есть точная инструкция, как положено поступать в данном случае.

— Э-э... я хотел дождаться вашего решения, господин барон.

— Хорошо. Оно таково — этого за решетку!

Блюмшильд, почувствовав, что шутками здесь не пахнет, начал пятиться к воротам. И в этот момент второй стражник их закрыл и заложил засов.

— Я гражданин Федерации! Только посмейте, и к вечеру здесь будет вся армия и полиция!

— Газеты читать надо. Никого здесь не будет.

— Мое руководство этого не потерпит! Вы будете иметь серьезные неприятности!

— Стража! — Я махнул рукой, подтверждая цель, и повернулся к банкиру. — Благодарю вас, мой дорогой, вы станете жемчужиной экспозиции! Мытарь уже сидит, людоеда поймали утром, теперь будет настоящий еврей-ростовщик! Черт побери, да я на одном вашем показе отобью все затраты на ремонт!

Блюмшилд еще протестовал и махал договором, не понимая, к чему идет дело, а к нему уже со странно просветлевшим лицом направлялся прислушавшийся Фиск.

Через минуту я наблюдал выполнение знакомого приема — вопящий и негодующий узник хватается за косяк, его уже привычным рывком отдирают, и он под скрип закрывающейся двери скрывается из вида.

М-да, беспорядок. Надо дверь смазать.

Или оставить, для пущего драматического эффекта?

— Александэр?

— Что, Эгельберт?

— Вы сказали — людоеда?

— Полагаете, тот здоровенный чернокожий не людоед?

— Ну-у, я не уверен, но думаю...

— Правильно, тут никогда нельзя быть уверенным окончательно. Давайте так — пока наш политэмигрант не начнет выполнять всю норму до конца, пайку ему давать половинную. И посмотрим, как он станет реагировать на соседей. Кстати, разместите на сайте баронства вакансию «Тюремщик для еврейского ростовщика». Требования — жестокость, непримиримость, готовность работать в пыточной.

— Какую прикажете установить оплату?

— Сколько у этого гонорар? В час?

— Александэр, мы не можем себе позволить такие расходы!

— Расходы? Это нам будут платить!

— Боюсь, господин барон, вы...

— Просто сделайте.

Старик сморщился, но кивнул и быстро зашагал к своей башне. Во дворе остались лишь я и еще один тип, все это время пытавшийся слиться со стенкой. Он, похоже, значительно умней предыдущего требователя. Хотя что-то в их физиономиях очень совпало. Я поманил пальцем, и пытавшийся незаметно добраться до закрытых ворот человечек приблизился.

— Ну-с, кто же вы такой, любезный?

— Я-а?

— Вы, вы.

— Хотел предложить вашей милости свои услуги.

— Портной? Скрипач? Математик? Дантист?

Он закрыл глаза и отрицательно помотал головой:

— Нет, ваша милость, я думал, что вам, может быть, понадобится управляющий?

— Уже есть. Фамилия?

— Кац... Кацмант... т. — Он обернулся на дверь в подвал и повторил на французский манер: — Кацмантт. Из... Исабель.

— Исабель Кацмантт. И откуда же вы?

— Гасконец, ваша милость.

— Гасконец?

— Именно так, ваша милость! — Он несколько раз решительно кивнул, подтверждая слова.

Я посмотрел на кругленького, низенького, с длинным кривым носом и красноречиво печальными глазами собеседника:

— Франция прекрасная страна, у меня с ней связано столько воспоминаний! Вы были на Монпарнасе?

— Я там довольно долго прожил.

— В Сантэ? — Одну из самых знаменитых французских тюрем нам показывали местные коллеги. Как достопримечательность, снаружи.

Видимо, она «гасконцу» тоже была известна, судя по тому, как вильнул его взгляд. Возможно, даже изнутри.

— Так, Изя, сколько ты прожил в Союзе?

— Не понимаю, господин барон, я живу в прекрасной Франции с самого...

— Тебя к людоеду на постой определить?

— Мне было шестнадцать лет, когда родители эмигрировали.

— Значит, еще кое-что помнишь. Это из памяти не вытравить. — Я прикинул все плюсы и минусы, подумал о последствиях и сложностях, а потом кивнул: — Вы приняты, если отрастите усы. Начальник стражи без усов — это как-то неправильно.

— Но это долго, ваша милость! Может, я в процессе?

— Вот отрастите, тогда и ищите место! Мне нужен бравый усач-вояка, а не брюхоногий клерк с трехдневной щетиной.

Кацмант, на мгновение став очень похожим на Шефа, задумчиво прищурился, оглянулся на дверь и спросил:

— Александр Николаевич?

— Ась?

— У вас тут... в самом деле людоед?

— Ты ему в пасть загляни. Такими зубами только берцовую кость разгрызает! И в глаза посмотри, потом скажешь, что в них увидел. Он у меня сегодня утром двух стражников чуть не сожрал!

Любопытно, что он увидит. Как говорила одна

моя романтическая подружка — в чужих глазах мы видим чаще всего свое отражение.

Два часа спустя у нас было семь тысяч претендентов на роль тюремщика, пришлось устраивать аукцион. Еще через три часа прилетел победитель, дрожащими руками принял от меня плеть и связку ключей, заорал «Вот теперь пусть объясняет о подпунктах в договоре!» и убежал в подземелье. Кажется, у него схожие с моими проблемы. Ну, пусть хоть тут душу отведет.

Посмотрев вслед радостно орущему палачу-любителю, я попросил фон Шнитце:

— Давайте только без особых жестокостей. Объясните, что бить заключенных можно лишь при попытках к бегству.

— Тогда этот меняла из камеры не выйдет.

— В том-то и дело, Эгельберт, в том-то и дело. Добровольно — и с песней!

Интересно, хитрый старикашка специально стал вешать несчастного негритоса под моим окном? На заднем дворе есть вполне рабочая пара колодок, в которых любят фотографироваться туристы, и почти настоящая виселица, рядом с почти настоящей плахой, а они сюда его притащили. И только-только собравшийся расслабиться барон добровольно и с песней побежал решать проблемы. Что же, никто не назовет меня неблагодарным и зажавшим ответный подарок!

— Эгельберт, вы сказали, что тут еще три тысячи иностранцев? Обойдите-ка тех, что у нас в баронстве, и предупредите: те из них, кто не занят каким-либо ремеслом, будут направлены на общественные работы, с обеспечением горячим трехразовым

питанием и местами для ночлега в подвалах замка. Ну и списки желающих составьте. Управитесь до ночи?

Справится — дам еще работу, например переписать всю «мою» собственность. Лично и от руки.

Ибо нефиг тут интриги разводить!

«Отмечается массовая паника среди оставшихся на территории округа Эскенланд политических беженцев, многие, бросив все, перебираются в другие округа Средней Вендии, что вызывает серьезную озабоченность у департамента эмиграции и правозащитных организаций».

Daglig Freiheit.

«Кто-нибудь знает, как эски этого добились? У нас сработает?»

Комментарий к статье.

Не то. И это не то. А это вообще словно из магазина сельхозинвентаря...

Может, это? Я с сомнением покачал в руке шпагу. Нет, не подходит под образ, это семнадцатого века фасончик, хоть и новодел, а мне что-нибудь подревнее нужно, для авторитета. Меч... не знаю, что в этой железяке люди находят. Длинное неудобное пыряло, нож-переросток. Не мое! Топор... хм, вещь, однако. Только опять же в руке не лежит. Длинноват. Что еще?

И тут я увидел Ее! Длинная ручка, темляк, грозное мерцание наверху.

Подхватив со стойки булаву, я прикинул вес, махнул крест-накрест... Вещь! Вот это по мне!

— Александэр? Что случилось?

Я машинально спрятал булаву за спину и оглядел порушенный стеллаж. Надо же, а ведь только слегка уголок задел.

— Все в порядке, Эгельберт. Оно просто почему-то упало.

Управляющий, нахмурившись, оглядывал разрушения, а я тем временем проскользнул мимо него в дверь. Оружие я выбрал, теперь пора одеваться для церемонии. За окном светало, скоро откроют двери замковой часовни, в которой Ульффрик сын Эсара и Эррайн сын Эдгара провели ночь. Предполагается, что в молитве, но я бы поставил на нескончаемую ссору.

Когда вчера вечером закрывали двери, то эти двое спорили о порядке возмещения разрушенной до основания бушующими варварами (версия мэра) и слегка поцарапанной при патрулировании (версия полицмейстера) ограды в городском саду. Поскольку оба они были местными уроженцами, то вряд ли спор уже закончен, тут все делают основательно и от души.

— Ваше платье, господин барон.

— Спасибо, Эгги.

Младший сын управляющего, двадцативосьмилетний Эгельберт-младший, или просто Эгги, кивнул, уносясь куда-то по лестнице. Мы с фон Шнитцестаршим, не сговариваясь, спихнули на парня всю организацию торжеств, а главное — освещение происходящего, так что заняться ему было чем.

По зрелом размышлении я решил не лезть в политику. Эти двое — мои «подданные», их возведение в рыцарское достоинство еще как-то можно обосновать, но мечты о толстых пачках банкнот, которые мне суют жаждущие приставки «сэр» миллионеры,

так и останутся мечтами. Формально, до Совета и передачи всех прав обратно эскам, я какой-никакой, но «источник чести», только... большие ребята могут неправильно понять такие намеки. С другой стороны, я могу и пажей заводить, и оруженосцев принимать на обучение, с выдачей сертификатов. Главное — не зарываться, тут копеечку ухватил, там фартинг, здесь эре — глядишь и скопилось чего-то. Правда, по составленному фон Шнитце плану реставрации замка до ее завершения еще двадцать три года, а до тех пор все прибыли будут уходить на эту древнюю груду камней исторического значения, но... куда, собственно, спешить?

Подобрав с подставки два клинка в ножнах, я двинулся во двор.

Вот еще забота — рыцаря надо опоясать мечом и нацепить ему золотые шпоры. По классической церемонии, он должен тут же вскочить на коня и доказать, что весь из себя отважный наездник... Ага, как же.

Мэр, Эррайн Эдгарович, килограммов сто тридцать весит, добавить доспехи, и вскакивать будет смысл только на бегемота, потому что лошадку он раздавит. Полицмейстер, Ульффрик Эсарович, наоборот, из тех мелких шустрых парней, что перестают живчиками бегать по стенам и потолку только в седой и дряхлой старости. Кстати, мои рыцари неплохие бойцы, оказывается, чемпионы местные. В прошлом — обоим по пятьдесят, так что порывистой юностью тут и не пахнет.

Зато профессионализма и жизненного опыта хватает, а мне именно этого от них и нужно.

Тем не менее, я должен их опоясать и даровать мечи. В замковом «рыцарском зале», куда для антура-

жа стащили все острые ржавые железки, нашедшиеся в округе, была пара неплохих клинков, но я, подумав, решил дарить что-то попроще. Жирно будет, да и туристам надо же на что-то глазеть с вожделением. Так что вчера, еще до запираания дверей часовни за двумя претендентами, мне привезли заказанные по каталогу новodelы. Для одного меч будет слишком коротким, для другого тяжеловатым, но кто сказал, что рыцарем быть просто?

— Все готово, господин барон.

— Вижу.

Во дворе, несмотря на раннее утро, было битком. От запертых дверей маленькой церквушки раскатали длинную красную дорожку до самого входа в донжон. С одной стороны стояли чиновники, все в национальных, глаза б мои их не видели, костюмах (шляпа-жилетка-круглые штаны-деревянные башмаки), с другой — полицейские в парадных мундирах. И тех, и других всего человек сорок, так что между стоящими вполне можно было пролезть, но все остальные дисциплинированные подданные стояли ровно на метр за спиной почетного караула, приблизиться не пытались, перешептывались и помахивали флажками, подглядывая то на меня, то на часовню.

— Скоро?

— Думаю, уже пора, господин барон.

Замковая церковь, оказывается, тоже достопримечательность.

Был тут месточтимый святой, почтивший десять веков тому своим присутствием барона Гравштайна, моего предшественника. Почитал он его аж три года, сидя в темнице, превозмог массу неудобств и, наконец, помер, отчего сразу был признан святым —

других чудес за ним не значилось. Тем не менее, уважали святого Эгберта крепко. Та, первая темница давно разрушена, а на ее месте возвели церковь, злые завоеватели ее тоже разрушили, местные опять отстроили, и так шесть раз подряд — эски ребята упорные. В результате церквушка заслуженно именовалась памятником архитектуры XII—XVIII веков и выглядела подобающе.

Кстати, стояла она в том месте, где, по преданию, некогда был языческий жертвенник.

В стороне вдруг нервно заперхали, покашливания волной прошли по толпе.

Я повернулся, и начальник стражи смущенно потупился. «Исабель» появился на следующее утро. Усы были шикарные, маршал Буденный обзавидовался бы! Клей тоже оказался качественным, так что я, в попытках определить его прочность, чуть не приподнял бедного гасконца в воздух. Такая оперативность и радовала, и огорчала — с одной стороны, все мои распоряжения будут выполнены быстро и креативно, с другой стороны, на этого типа хотелось надеть наручники заранее. Ну, бачили очи, що куповали...

— Претендентов проверил?

— Да, Александр Николаевич. Почти сотня человек, после обеда, как мы и собирались, начнем отборочные состязания.

— И не забудь отдать управляющему половину тех денег, что возьмешь за подсуживание.

— Александр Николаевич! Как вы могли подумать, что я буду брать...

— Если бы я подумал, что ты не возьмешь, я бы тебя еще вчера уволил.

— Наговариваете вы на бедного... — он кашлянул, — гасконца.

— Все вы бедные, как в столицу приезжаете. Что д'Артаньян, что ты... Программу состязаний проработал?

— Скачал типовой сценарий детско-юношеского праздника. Только вместо коробки конфет и вымпела — приглашение в личные пажи вашей милости.

— Дипломы об участии?

— Все готово!

Пусть я и решил, что штамповать сэров не буду, но это же не повод отказываться от дополнительного заработка? Претенденты в пажи получают за свои деньги и старания красивые дипломы на память. Ну и пускай этот диплом раз в двести дешевле места участника? Зато он красивый. А с теми, кто хитростью или силой пробьется в финал, можно будет уже и поработать. У меня тут целый замок, ему нужны рабочие руки, желательно бесплатные. Хотя все равно придется персонал увеличивать, вчера экскурсантов набралось на три полноценных захода, и могли бы еще один провести. Эгельберт был счастлив. Ну что же, сейчас лето, каникулы, почему не поднать студентов? Хм, или взять тех, кто не сможет быстро бегать или что там задумал мой главстражник? Пообещать им не пажеское место, а министеральское?

Скрип распахивающихся ворот оборвал размышления.

Я попытался представить, что эти двое сейчас видят. Вот они всю ночь провели в споре об этой несчастной ограде и редких молитвах. Вот открывается дверь, и Эгги отступает в сторону, а за ним — коридор в плотной толпе и красная дорожка. Сто-

ят напротив друг друга полицейские и чиновники, у каждого в руке факел (городской пожарный инспектор чуть инфаркт не получил, когда увидел), не слишком яркий в предрассветных сумерках, все молчат, легкий прохладный сквозняк проносится по двору. Вот всхрапывает лошадь, какой-то ребенок тихо канючит, чтобы его взяли на руки, а то не видно. И на другом конце двора, чуть-чуть (на три ступеньки, если точнее) над толпой стоит странный тип, их барон.

Высокий мужик, слегка небритый, в старинном, но явно не здешнем платье, в высокой меховой шапке. И в левой руке у него два меча.

Непорядок, однако. Мечи должен был подать один из стражников, я просто забыл их ему отдать. Ладно, сейчас что-нибудь придумаем.

Высокая толстая фигура в национальном костюме и маленькая тонкая фигурка в мундире вдруг, не сговариваясь, выпрямились, выставили подбородки и, явственно чеканя шаг, прошли под восхищенными взглядами подчиненных ко мне.

— Вы хоть молились?

— Конечно, господин барон! Каждые полчаса, как подобает.

Мэр грузно опустился на колено, полицмейстер сделал это гораздо изящнее. Оба ревниво косились на соседа — тот, кого я сейчас назову, станет первым рыцарем Эскенланда за много-много лет! Пусть на пять минут — но पहले! Я узнавал, остальные бароны еще хаяву не прочухали, да и не все еще приехали даже.

Эррайн сурово шмыгал носом, Ульфрик нервно тербил обшлаг.

Ну что же, хватит тянуть. Посмотрев на толпу, я на секунду задумался, взглянул на мечи. У меня с координацией все в порядке, и нигде не сказано, что...

Мечи легли на плечи коленопреклоненных одновременно.

— Подданные баронства Гравштайн! Я, Александр Николае Могила, барон фон Гравштайн посвящаю этих людей в рыцарское достоинство, дабы они могли и впредь служить нашей земле. Есть ли среди присутствующих кто-то, знающий причины, по которым эти двое не могут быть рыцарями?

Горожане всерьез задумались. Вообще-то я затеял это отступление от протокола, чтобы еще раз напомнить, кто тут барон, но почему бы в самом деле не спросить аборигенов, хочется ли им таких рыцарей? Дело серьезное, между прочим. Не каждый век власть всерьез интересуется, хотят ли люди таких начальников над собой.

Не уловив ни одного решительного возражения на лицах, я трижды плашмя ударил мечами по плечам:

— Да будет так! Посвящаю вас, дети Эскенланда, в рыцари. Встаньте!

Обескураженные одновременным посвящением, претенденты поднялись с колена. Очень хотелось почудить, к примеру, вместо традиционной пощечины — ущипнуть, но я понимал неуместность шалости и просто притянул их обоих, одновременно, для ритуального объятия. Потом душу отведу, а сейчас — изволь тащить лямку, Шурик! Раз уж согласился начальствовать, то будь любезен оправдывать доверие. Бароном работать — это не только кофий кушать да бесчинствовать, это еще и церемонии выстаивать, от и до, причем именно так, как ждут от

меня вот эти смешные люди, старательно делающие вид, что все идет именно так, именно по их личному выбору. Впрочем, это занятие нравится не только им.

Эгельберт и Эгги вынесли на подушечках пояса и шпоры, тут же подскочили еще какие-то типы и закрутилась ритуальная неразбериха. Наконец, оба свежеедостоянных сэра снова встали передо мной на колени, переглянулись и протянули сложенные лодочкой ладони. Кажется, ребятам понравилась идея одновременной присяги. Я взял их руки в свои, спустя минуту, оба встали уже будучи моими вассалами. Замечательно, теперь они имеют и право, и возможность служить мне так, как должны!

— Сэр Ульффрик, я, как ваш сюзерен, требую исполнения службы — вы возьмете под свою руку полицию и будете хранить порядок в баронстве.

— Благодарю вас, барон, и клянусь приложить все силы.

— Сэр Эррайн, я, как ваш сюзерен, требую исполнения службы — вам поручено управление городом Гравштайн.

— Благодарю и клянусь...

Толпа, уловив, что церемония закончена, радостно заорала, за воротами что-то блямцнуло, и сразу два оркестра заиграли сразу две мелодии, явно соревнуясь. Сэры, странно косясь по сторонам, привыкали к тому, что они теперь рыцари, их подчиненные гордо глядели на тех, у кого не было таких замечательных начальников. То, что по сути ничего не изменилось, замечал только я.

Вот она какова, печать власти...

Вассалы, рыцари, бароны... Дикое Средневековье!

Словно отвечая моим словам, свистнули, фоя, динамики в замковом дворе, и тут же из них понеслась какая-то лихая местная мелодия, мгновенно заглушившая оркестры. Я сразу начал зевать, очень уж напоминало колыбельную. Но здесь это считалось маршем.

Полицейские привели своему шефу настоящего коня, на которого сэр Ульрих молодцевато вскочил, не используя стремян, магистратские, как, впрочем, и положено, подошли к делу солидно — сэр Эррайн был водружен на декорированную платформу, получил в руки знамя и тут же стал им размахивать под музыку. В общем, гулянка начиналась весело — с учетом того, что по совету управляющего мы подгадали посвящение в рыцари к выходному дню, здоровье горожан сегодня подвергнется серьезному испытанию.

Спустя десять минут замковый двор опустел, все дружно кинулись в зал городской ратуши, где намечалась совместная гулянка, точнее — ее официальная часть.

Мне на память оставили только кучку навоза от «рыцарского скакуна».

Впрочем, от хлева уже спешил с тележкой молодой парень...

Эх, вот так стараешься, придумываешь им впечатляющую церемонию. Чего только стоило выбить из Эгельберта «настоящий румынский костюм» — старик почти кричал и пытался выброситься из окна, когда я показал ему примерного боярина — в кафтане с золотой вышивкой и в высокой меховой шапке.

И зачем было так нервничать? Эгги решил все за десять минут, сделав заказ в магазине театрально-

го реквизита. Вместо сюрко — нормальный кафтан на меху. Шапка — натуральная волчья. Осталось от съемок исторической драмы в шестьдесят втором году, тогда носители меха еще не истреблялись фанатиками матушки-природы, так что наряд выглядел вполне достойно.

Странное ощущение легкой не обиды, а скорее — досады на верных подданных. Не то чтобы я сильно хотел сидеть в тесном, как тут ни крути, зале ратуши и слушать разговоры о местных событиях, интересных лишь самим гравштайнцам, но могли бы и пригласить...

— Господин барон? Завтрак готов, прикажете подавать?

С другой стороны, пусть сами там сидят! Видел я смету этих посиделок, пакетик сухариков и банка пива, вот максимум, что достанется при такой бережливости каждому гостю! А у меня будет нормальный...

— Туристы уже ждут, прикажете запускать?

М-да. Первый «Платный завтрак туристов». Забыл.

— Запускайте, Эгельберт.

Черт, сходить переодеться я уже не успевал. Ладно, будем делать вид, что так и нужно.

Странное дело, казалось бы, я давно потерял все остатки смущения или неуверенности, но сейчас у меня что-то екнуло в животе. Вдруг не справлюсь... хотя что тут справляться, бери да ешь. Подавив панику я доброжелательно покивал на приветствия, широко повел дланью, призывая всех занять места, мол — хозяин усаживается последним, и, наконец, плюхнулся на свой стул.

Стол был накрыт по-эгельбертовски. То есть рядом с каждым блюдом виднелась аккуратная таблич-

ка: «Соус традиционный», «Эскенландская маммалыха» и прочее поясняющее. Я, правда, пригрозил отречением и бегством, поэтому сягдимирия не было, его будут давать только тем, кто приезжает на личном транспорте, а то провоняют автобусы, и к нам больше никого не затащишь.

А так было все. Рыба, пироги, картошка, подносы с нарезанной «маммалыхой», высокие кувшины с морсом. Тот еще завтрак, если честно, но жратвы хватало. Мандраж, наконец, прошел, и я принялся насыщаться, поглядывая на сотрапезников.

Большинство делало вид, что им завтракать в присутствии всяких там баронов приходится так часто, что уже и как-то поднадоело. И лишь из-за своих хороших манер они согласились проделать это еще раз, уже в моей компании. Человек пять неуверенно косились по сторонам, пытаясь понять, все ли они правильно делают, и лишь двое-трое приветливо поздоровались со мной и сели просто позавтракать. Опыт — великое дело, именно двоих таких управляющий и посадил рядом со мной, сделав этот странный аттракцион похожим на нормальное принятие пищи.

Наложив на тарелку всего и побольше, я взял кусочек вилкой, сунул в рот и застонал. Еще бы я не закатывал глаза! Чесночный соус — вершина моих кулинарных талантов, да и то лишь потому, что там трудно что-то сделать не так. Поэтому последние пять лет я питаюсь или в столовых, или полуфабрикатами, что совершенно не улучшает характер. А тут — настоящая вкусная еда! Следующие минут пять прошли в чавканьи и примечании следующего кусочка, который обязательно надо успеть схватить первым, потому что он самый вкусный. Наконец на-

сытившись, я смог рассмотреть сидящих за столом как следует.

Каждого можно узнать по его поведению.

Вот англичане — вилка в левой, ножик в правой и зыркают на остальных, убеждаясь, все ли поняли, что им не впервой завтракать в присутствии аристократов?

Это — американцы. Им точно пофигу все, они заняты в основном собой, от чего англичане то и дело нервно закусывают длинными зубами вилки: скрежет слышно через весь зал.

Японцы, две пары. Сухонькие старички и старушки, непрерывно извиняясь и кланяясь, запугали своими улыбками окружающих, подгребли к себе все, до чего можно было дотянуться, и методично поедают, не забывая восторгаться экзотическим вкусом мамы-лыги.

Итальянцы. Так жестикулируют, что сквозняком салфетки колышет, и не замечают ни англичан, которые от этого еще больше желтеют, ни американцев, ни проходящей мимо официантки... Зато как пламенно извиняются за опрокинутый поднос!

Семья из Южной Америки. Точно разобрать откуда, не возьмусь, но, судя по тому, что они даже сладкие сухарики едят с чесночным соусом — латиносы, однозначно.

Индиец, одна штука, молодой. Этот чеснок не мажет, просто поставил соусницу перед собой и ест, как суп, гипнотизируя англичанку. Англичанка этого, конечно, не замечает, но старается не замечать так, чтобы ее можно было рассмотреть со всех выгодных сторон.

Непонятные девушки в количестве трех экземпляров. Сидят вместе, почти не едят, смотрят на меня.

Особенно одна уставилась, за каждым кусочком пищи следит! От пристального напряженного взгляда я поперхнулся, подхватил стакан морса, быстро отпил, проливая. Несколько капель покатались по подбородку, упали на салфетку.

Девушка прерывисто вздохнула, расширенными глазами глядя мне на грудь, и...

— Эгельберт! Тут гостье плохо!

Черт, может, аллергия? Подскочив я столкнулся с одним из американцев, мы быстро подняли девицу, вторая, странно на меня глядя, протиснулась к двери и оттуда, прижавшись спиной к каменной кладке, наблюдала, как я... черт, тоже обморочная. Я же просто проверил пульс у первой?

Третья сидела тихо, уставившись в пространство перед собой, и только вздрогнула, когда я ее окликнул:

— У вашей подруги все хорошо со здоровьем? Она ничем не больна?

Девушка затрясла головой, почему-то с ужасом на меня глядя. Черт, странные какие-то.

Прибежал Эгги с официанткой, я отошел. Завтрак неожиданно закончился, туристы потянулись к выходу. Не желая привлекать излишнего внимания, и так рубашку под кафтаном выжимать можно, я спустился вниз.

Фон Шнитце стоял у лестницы, лично прощаясь с каждым гостем. Увидев меня, он подошел, мечтательно улыбаясь, взял меня за отворот боярского кафтана:

— Я думаю, Александэр, что вам, молодому и полному сил мужчине, следует больше и чаще питаться. Второй завтрак, ланч, обед, пятичасовой чай, ужин... и каждый с туристами! — Старик окончательно ото-

рвался от реальности, пресловутый бриллиантовый дым переливался в его глазах.

Вздохнув, я молча отцепил его руки и пошел в башню переодеваться.

«ДА, ОН НАСТОЯЩИЙ! Точно как в книге! Как он пил! Не знаю, что это было красное — НО ДОГАДЫВАЮСЬ!!! Минни упала без сознания от одного взгляда в ее сторону, я тоже хотела, но не упала!! Он, душка, подошел к нам и говорил. ДЕВОЧКИ, КАКОЙ У НЕГО ГОЛОС!!!! Записалась на еще одну экскурсию, но она только через две недели, какие-то сволочи разобрали все билеты! Ищу планы музея. КТО ЗНАЕТ, ГДЕ ОН СПИТ?!!!!»

С одного из форумов.

— Эгельберт, что в городе?

— Празднуют, Александэр. Я все-таки полагаю, что следовало перенести посвящение на другой день. Мы могли бы построить дополнительные трибуны для туристов, установить ларьки, заготовить сувениры... — Старик перечислял со все тем же воодушевлением. Видимо, идею с многократной кормежкой своего барона на потеху публике он так и не оставил.

— В следующий раз, может быть. Мой мобильник не нашли?

— Увы. Странно, как вы ухитрились ничего не сломать, падая с такой высоты...

— Там чистое место, камни и песок, нечего ломать.

— Я имел в виду — не сломать у себя.

— Я везучий.

— Определенно! Тем не менее, рядом с проломом ничего нет, а дальше я пока никому не разрешаю ходить, там, знаете ли, совершенно неизвестные проходы.

Я вздохнул. Третий день без связи, надо, что ли, хоть по скайпу побеседовать. Дочек вниманием порадовать, бывшую позлить. С другой стороны, отпуск же, можно расслабиться.

С боярской униформой оказалось неожиданно трудно расстаться. Во-первых, сшито было во времена не столь халтурные, как нынче, так что носить можно без опаски, что развалится прямо на мне, а во-вторых, стоит зайти в тень, и сразу становится значительно прохладнее.

— Эгельберт, у вас тут лето чем-нибудь от зимы отличается?

— М-м... да, конечно. — Старик утвердительно закивал. — Дожди летом обычно теплее зимних.

На мой мрачный взгляд он не отреагировал, считая, что сказал все верно.

— Ну хорошо. Теперь поясните, мой дорогой управляющий, почему это некоторые гости вели себя так странно?

Фон Шнитце закулил. Говорить ему не хотелось, он теребил папку, поправлял манжеты и воротник, смотрел по сторонам в поисках спасения, глубоко-мысленно мычал — в общем проделывал все то же, что и большинство сотрудников стройуправления, которых я поймал на горячем. Наконец, решившись, он еще раз откашлялся и, убедившись, что я не растаял в воздухе, соизволил ответить:

— Ну, видите ли, после той вашей шутки, с налоговым инспектором... Ну, о Трансильвании. Почему-то она прижилась. К тому же кто-то услышал, как

герр Шрайбер жаловался на ночной вой и шум. Одно за другое... в общем, теперь считается, что... м-м... в замке водятся потусторонние существа. Я подумал, что это нисколько не повредит нашей репутации... О, не надо так хмыкать, Александэр, я не в том смысле! Но смотрите — у нас уже три ежедневных экскурсии, и я получил предложение ввести еще! Полагаю, стоит увеличить ассортимент сувенирного магазина. Мы даже сможем себе позволить нанять новых служащих! — Он огляделся по сторонам, поправил под мышкой папку и спросил: — Вы не сердитесь?

— А почему я должен сердиться? Старинный романтический замок с потусторонней чертовщиной гораздо лучше слегка облагороженной груды скучных камней.

Управляющий посмотрел на меня, потом снова как-то ерзнул взглядом. Вот готов поклясться, что-то он скрывает! Только что? Сам слухи распускал, что ли? Ну это правильно, кассу нужно увеличивать, а чем больше мистики, тем больше заманухи для туристов. За эти два месяца надо создать приличный задел на будущее, чтобы поток посетителей не ослабел с возвращением под крыло Федерации.

Гхм... я что, в самом деле решил остаться тут до выборов? С чего бы это?

Рассуждая о своем неожиданном порыве трудового энтузиазма, я подумал, потом подумал еще и приказал:

— Введите в список предоставляемых услуг ночевку в замке с привидениями.

Старик возмущенно выпрямился:

— Господин барон, в Гравштайне привидений нет! Я бы знал, будь это иначе! Мы не должны обманывать посетителей!

— В самом деле нет? Ничего, скоро появятся!

Кажется, он меня неправильно понял, слегка побледнев. Пришлось пояснить:

— Два-три десятка молодых людей да столько же туристов, плюс придуманная вами «репутация» — тут не то что привидения, тут драконы в подвалах заведутся!

— Кстати о молодых людях — несмотря на ремонт, у нас не так много подходящих мест для гостиницы, а ведь надо еще поселить и ваших пажей!

— Столько зданий и нет места? Что-нибудь перестроим по-быстрому. Кто по конкурсу не пройдет, тех припречь можно, не хуже таджиков получится.

— Боюсь, господин барон, вы не можете перепланировать замок.

— Да? Почему же?

— Потому что по отношению к историческим объектам закон... — Старик осекся.

— Да-да? Продолжайте.

— Это очень нужный закон!

— Вот как? Дайте мне листок бумаги.

— Господин барон, не стоит этого делать!

— Дайте сюда.

Выхватив у него из рук папку с бумагами, я на первом попавшемся листе начеркал два абзаца, расписался.

— Вот. Первый абзац — это отмена старого закона, второй — новый закон на эту тему. Не забудьте поставить печать!

Фон Шнитце завис, печально глядя на мои каракули, я похлопал его по плечу.

— Молодежь Эскенланда с удовольствием ломает традиции! Так что начинайте думать, что будем перестраивать... пока я еще чего-нибудь не отменил!

Эх, а мне понравилось! Дома бы так — запрещает что-то закон, а ты его р-раз! — и переписал, вместо того чтобы нарушать. Прямо вижу, как все сто сорок миллионов ежедневно, по десять раз на дню, всю конституцию переписывают, ага. Нет уж, должно быть единовластие! И желательно, со мной во главе! М-да, что-то старичинушка совсем приуныл, поняв, какое чудовище пригрел в стенах замка. Надо как-то разговор переводить на более нейтральные темы.

— Эгельберт, все хотел спросить — мелодию на будильник кто мне ставил?

— Я, господин барон. Хотел, чтобы вы чувствовали себя как дома.

— Холодные стены, скрипучая неудобная кровать, люди, постоянно требующие от меня странного, виселица под окнами и пыточная неподалеку — в самом деле, чувствую себя как дома.

— Рад, что вам нравится, Александэр.

Я покосился на старика, но тот смотрел честными глазами. Нет, не издевается. Или очень хорошо скрывает.

— Ну ладно, а что происходит вокруг? Чем занимаются мои коллеги по тяжелой баронской доле?

А то я как-то упустил тот факт, что на полуострове правлю не только я, тут еще двенадцать собратьев по несчастью развлекаются. Управляющий начал выкладывать подробности.

Во-первых, наш герцог-неформал. Пацан сидел сейчас у себя и занимался какими-то ритуальными телодвижениями. Церемонию коронации, между

прочим, тоже фон Шнитце готовит, и он же будет проводить ее как самый знающий традиции эск, но пока что шли приемы, разговоры, службы в центральном соборе и прочие очень важные, никому не нужные мероприятия.

Остальные бароны занимались каждый своим. Собственно, эсков среди них всего половина, остальные титулы были выкуплены иностранцами (тут я узнал, что в данный момент являюсь самым «долгоправящим» на острове бароном — двадцать три года, однако! Ближайший конкурент отставал на год и семь месяцев, что давало мне какие-то призрачные преимущества, типа права «Первым поднять кубок во здравие земли» или непонятное право «Блюсти закон по слову»).

Впрочем, чудили все примерно одинаково.

Один обязал всех подданных ежедневно три раза — утром, в полдень и на закате — хором петь неофициальный гимн Эскенланда, начинавшийся словами «Победили мы французов».

На мой неосторожный вопрос «Почему именно их?» старик тут же выдал историю многовековых попыток присоединить Эскенланд к этой прекрасной стране. Оказалось, что из всех соседей только Франции почему-то никогда не удавалось завоевать эсков. Это является поводом для сомнительной гордости местных, сложивших единственную победную песню, которую поют по любому поводу, потому что больше никаких побед за ними не числится. Видимо, этот барон большой патриот... или имеет что-то личное к французам.

Другой, как оказалось, сразу ввел право первой ночи, что я тут же прокомментировал с максимальной тактичностью:

— Вот дурак!

— О, Александэр, вы тоже могли бы возродить этот древний обычай. — Эгельберт намекаяще приподнял бровь.

— Да не дай бог! Здесь же у половины баб скандинавские корни, а у оставшихся — немецкие!

— Господин барон! — Старик возмущенно выпрямился. — Женщины Эскенланда прекрасны своей особенной красотой, так что ваши намеки...

— Не о том мыслите, Эгельберт, — им если что-то положено, то хоть сдохни, а изволь сделать, характер такой. У меня никакого здоровья не хватит подобную обязанность исполнять. Помру на очередной «несчастной жертве» через месяц от истощения!

— О! В самом деле, я как-то не подумал.

— Так что молчим на эту тему!

— Ну, вы крепкий молодой мужчина, у вас есть определенные потребности...

— Фон Шницель, угадай, кого я заставлю меня подменять еженочно?!

— ...с другой стороны, некоторые сомнительные традиции лучше оставить истории. Моя Эмма очень ревнива, может не понять, — последнее он произнес с интонациями законченного и счастливого своим положением подкаблучника.

Наконец, мы вышли на тот участок стены, с которого виднелась импровизированная полоса препятствий. Сейчас на ней проходили очередное испытание последние желающие стать моими оруженосцами.

Всем претендентам предлагали пройти платный экзамен. Осилившие его становились пажами и допускались к дальнейшему обучению — уже на оруженосца, лучшие из которых, в свою очередь, полу-

чали шанс (но не право, это оговаривалось!) стать рыцарями. В общем, большая связка морковок перед носом толпы осликов. Не бедных, надо заметить, осликов.

Вообще-то, при таком количестве желающих, я совершенно не собирался посвящать в рыцари каких-то левых людей. Им приставка к имени, а мне головная боль? Нет уж! Точно выяснив, что неблагородных отроков можно вполне законно оставить в оруженосцах на всю жизнь, я собирался честно сжульничать, выпихнув их с дипломами «почетных сквайров».

Я и сам-то не рыцарь, всего лишь барон, так и нечего тут лапать грязными руками золотую мечту детства. Тем более что вторая мечта — слетать на Луну — все еще недостижима.

Хотя надо проверить, вдруг я еще и владелец космического корабля? Жизнь — такая странная штука...

К тому же правителем я считаюсь по недоразумению, и через два месяца перестану им быть. Ну и зачем мне людская память о «том наглеце, что посмел встать на одну ступеньку с Их Коронованными Величествами и Их Избранными Превосходительствами»? Скромнее надо быть. Жаль, нельзя это сказать королям и президентам. Дикари-с, не поймут-с.

И вообще, что же это получится, я мечом претендента стукну, он шуршиков отслонявит и смоемся, радостный? А над кем же я измываться буду? Нет уж!

Глупость, конечно, только рыцарь — это же Рыцарь! А тут — покупка титула. Я не против денег и понимаю, что чем больше их, тем проще получить от жизни желаемое, но все равно, двое моих вассалов — это правильно и необходимо. Эгельберта я, пожалуй, тоже привел бы к присяге, прояви он хоть

немного заинтересованности. Ну что же, поступим как в любом элитном учебном заведении — пусть они поборются за право платить нам! В конце концов у меня тут самая лучшая школа оруженосцев! И ничего, что она единственная.

— Кстати, уже несколько раз приходили люди, называвшиеся вашими родственниками. Из Румынии. — Управляющий посмотрел на меня, ожидая разъяснений.

— Эгельберт, со всеми, кто назовется моим другом, братом, матерью или любовницей — поступать как с самозванцами и мошенниками. Присмотрите закон посуровее.

— Будет сделано, господин барон.

Как же, верю, что без моего приказа ты никак не мог это сделать. Вечная ноша любого начальника, что большого, что малого — подтверждать своим авторитетом инициативу подчиненных. Есть любители озадачить в последний момент и требовать, чтобы я и распоряжения раздал, и сам впрягся.

— Александэр, вы уверены, что среди них точно не окажутся ваши соотечественники, нуждающиеся в помощи?

— Мои соотечественники в данный момент — эскенландцы! — Больше пафоса, больше, людям это нравится! Они вообще любят, когда кто-то выставляет себя дураком. Ну так я не против, главное не то, кто как выглядит, а кто кем в результате окажется. — Пойдемте знакомиться ближе с молодым пополнением.

Начальник стражи (как положено — бравый усач в начищенной кирасе, при шпаге и берете с петушиным пером) просеменил на кривоватых ножках ко мне.

— Ваша милость! Завершаем, уже почти все прошли! Буквально несколько минут.

Я, важно кивнув, сел в оставленное им кресло. Пусть постоит, не будет без спроса амуницию брать из рыцарского зала, пижон! Изя и Эгельберт, сверкнув друг на дружку глазами, встали с разных сторон, «гасконец» тут же начал что-то комментировать, но я просто пригрелся и задремал.

Разбудило меня покашливание.

— Александр Николаевич! Пора!

Зараза, не мог раньше сказать?!

Передо мной стояли все не прошедшие. Похоже, реклама пошла не на ту аудиторию: я ожидал мужиков своего возраста, решивших получить престижную приставку к фамилии, а здесь толпились несколько десятков молодых ребят, словно на каких-то студенческих сборах. В Союзе были нормы ГТО, у меня будут ГКО — Гравштайнские курсы оруженосцев. Они еще и присягу дадут, в стиле «Я, имярек, вступая в ряды, перед лицом своих соратников торжественно клянусь» — и далее, вплоть до «пусть покарает меня суровая рука товарищей».

Уже с грамотами участников соревнований, уже разбитые на две кучки — шесть победителей справа, толпа проигравших слева. Еще сотни полторы к веселым стартам допущены не были в силу физической слабости или иных причин (каждый второй почему-то явился навеселе).

Встав и оглядев всех мутным после дремы взором, я толкнул заготовленную речь. Замку нужны не только рыцари, уникальный шанс — работа с людьми, дружный коллектив, общественно полезный труд и прочий плагиат из агитки «Макдональдса». Тем не

менее, людям нравилось, многие кивали. Наконец зашел разговор об оплате.

— Платить вам будут гравкойнами.

— И сколько?

— Один гравкойн в неделю. — Вытащив из кармана пластиковый футляр с монеткой я продемонстрировал его, подняв над головой. — Точный аналог местного зильбергросса четырнадцатого века, но с некоторыми изменениями. Между прочим, вполне законное средство оплаты, я имею право чеканить собственную монету.

Кстати, заказ на изготовление выполнили невероятно быстро. Сдается мне, фон Шницель еще неделю назад позаботился — грошик был приятен на вид и ощупь, блестел светлыми серебром... но понравился не всем.

— Три грамма серебра за неделю работы?! После того, как с нас еще и содрали за экзамен? К черту эту лавочку! — Молодой мужик нервно сплюнул и побрел в сторону города, что-то бормоча, за ним потянулись еще несколько. Я посмотрел в спину уходящим, подождал, пока они отойдут подальше, и продолжил:

— Ну, если кому-то недостаточно в качестве оплаты уникальной монеты, имеющейся в мире всего в пятистах экземплярах, каждая с паспортом и личной историей — это его дело. Но платить своим министериялам, а именно ими вы станете по завершении службы, я буду местной валютой.

Парочка стоявших в стороне сомневающихся тут же заняла свои места в строю. Ну что же, итого почти четыре десятка человек.

Питание из общего котла, проживание в семьях, работа по восстановлению исторического памят-

ника, оплата сувенирами — обычное волонтерство, ничего нового я не придумал. Для оруженосцев — еще и служба под рукой моих рыцарей, то есть практика в управлении и в наведении порядка. То самое, чем и должны заниматься оруженосцы, только в современном варианте. Кстати, надо будет намекнуть Эгги выпустить серию роликов из жизни «замковых слуг». Может, еще альбомы памятные напечатать, с фотками и местами для подписей? И продавать? Или, наоборот, раздать даром, в качестве поощрения?

Так, размышляя о вечном, я подождал, пока Изя выстроит передо мной будущих пажей. Как ни странно, победителями были совсем не гераклы с ахиллесами, а нормальные ребята. Тоже молодые, только один лет двадцати пяти, остальные явные студенты. Ну что же, будем знакомиться.

Под комментариями начальника стражи я двинулся вдоль строя.

— Роберт Макмердок, англичанин.

— Вообще-то шотландец. Рад знакомству, господин барон!

— Добро пожаловать, Роберт.

— Дэниэль Осборн, американец.

— Вообще-то техасец. Сейчас на каникулах, но думаю, такой опыт будет не лишним!

— Да уж, программа ожидается напряженная.

— Норман Шваб, немец.

— Дайте угадаю — «вообще-то баварец»?

— Ну, полагаю, в этом есть немного истины. — Коренастый брюнет, самый старший из пажей, поправил характерную шляпу с пером.

— Элиль ван Клифф, господин барон. Вообще-то австралиец, но немного эск и бельгиец.

— Приветствую, Элиль! — Этот был самым толстым, даже странно, что он смог пройти в финал. Видимо, головой работал. Или кошельком.

— Изуки Сато. Япония. — Молодой пацан резко поклонился, переломившись в поясе. — Рад приветствовать вас, господин барон.

— Вообще-то можно без поклонов. Но это кто как хочет.

Интересный набор, все флаги в гости, как говорится. Ну и последний... м-да.

— Марти Адамс. Выяснить страну не удалось.

Белая кожа в веснушках, прищуренные глаза, коротко стриженные рыжие волосы, обтягивающая футболка. Лифчика Марти не носила. Зря. Хотя...

— До сих пор никогда не слышал, чтобы пажами становились девушки, насколько я понимаю, такого еще не было?

— Хотите сказать, что и не будет?! Я и не ожидала ничего другого! Но взнос уплачен, и всех соперников я обошла!

— Я хочу сказать...

— Да, я женщина! И это не значит, что я слабее!

Тьфу, да что ж такое! Слова выговорить не даст! Понятно, почему страна неизвестна, перебивала, наверное, постоянно.

— Марти, так уж повелось, что...

— Теперь будет иначе! Мы не в Средневековье! На дворе уже двадцать первый век!

— Да, действительно. Как быстро время-то летит. — Эх, я же вроде бы совсем недавно считал, сколько мне будет лет в двухтысячном, и радовался, что до такой глубокой старости еще жить и жить... Пару секунд погоревав о навсегда ушедшем старом,

добром двадцатом веке, я, мельком отметив странное выражение лица девушки, задумался вслух:

— Итак, паж — это мужское занятие, но ты прошла экзамен и заплатила за курсы. Пажиха? — Девушка нехорошо прищурилась. — Оруженосиса? Сица, в смысле? — Вот, теперь еще и кулаки сжала, щас кинется. — Всем слушать мою команду! Обращение пажей между собой — друг. Ко мне обращаться — господин барон! Соответственно отныне приказываю называть пажа Марти — «наш боевой подруг». Ждет вас множество самых разных испытаний, я намерен убедиться, что звание сквайра получают действительно достойные этого люди! Первое задание — обращаетесь к господину Эгельберту-младшему, он расселит вас по комнатам. Гасконец!

— Я, господин барон!

— Первые испытания они прошли, завтра прогонишь по полной программе! Выяснить возможности и способности, провести поединки, рапорт мне вечером!

Потому что если человек платит, то он имеет право, чтобы им интересовались. Ну хотя бы. Ладно волонтеры, им работа найдется, а чем занять этих шестерых? Оставлять без присмотра опасно, нашалят, а расхлебывать мне. Да и не солидно как-то.

Черт. Ладно, не знаешь, что говорить — говори уверенно!

— Оруженосец должен постичь семь благородных искусств — и вы пройдете их все, а под конец будете проэкзаменованы. Горе тому, кто не будет соответствовать! А теперь слушать мою команду — Дэн?

— Здесь, сэр!

— Берешь толстого и гоняешь его вокруг замка, нужно выяснить все, на что он способен, чтобы в бою не подвел ни меня, ни вас.

— Есть, сэр!

— Я не толстый!

— «Не толстым» ты будешь по завершении обучения! Норман, Роберт — в оружейную, разберете там все железо, начистите, проверите комплектность. — Прежде чем они что-то сказали, добавил: — Можете использовать слуг, кроме тех, что несут стражу на мосту. Сато!

— Я, господин барон!

— Самое скучное — сегодня до заката несешь обязанности секретаря при начальнике стражи.

— Да, господин барон!

— Марти.

— Я!

— На кухню.

Все, включая стоящего рядом Эгельберта, издали до удивления похожий звук, что-то среднее между кашлянием и хрипением. Марти медленно побагровела.

— Вопросы, боевой подруг?

— Если меня... Если я... Вас я... Да я вас!!!

— Нет вопросов, сказано! Или, — я кивнул на ворота, — выход там. Напоминаю, если кто не выдержит и сбежит — похрен, уполчено! Марти, все понятно с сегодняшним назначением?

— Да! — Как можно было это прошипеть? Но ведь смогла. Оглянувшись на ухмыляющихся пажей, я добавил:

— И передайте мадам ван Шторре, что я просил поработать с вами на среднем круге.

Девушка недоумевающе покосилась на меня, потом гордо задрала нос и пошла к хозяйственным постройкам. За ней потянулись, переговариваясь, остальные пажи.

Так.

— Внимание! Теперь вернулись и построились снова! — Пажи, остановившись и немного попереглядывавшись, снова предстали перед моей милостью.

— Объясняю один и только один раз. Все команды, пожелания и слова напутствия от меня, господина управляющего или господина начальника стражи считать приказом, подлежащим немедленному выполнению! И выполнять бегом. Ясно?

— Так точно!

А в фильмах сержанту обычно приходится повторять «Не слышу», чтобы добиться такой реакции. Видимо, пажи смотрели эти фильмы и решили обойтись без тренировочных попыток.

— Черт, мама все-таки запихнула меня в военное училище... — Я остановился перед ван Клиффом и взглянул сверху вниз. Не так просто это было проделать, Умник при всей своей полноте в росте уступал мне едва ли, просто постоянно сутулился.

— Вас сюда пригласили проверить, достойны ли вы войти в элиту. Никто не собирается вас здесь удерживать, или что-то вам обещать. Вы вольны в любой момент уйти. Более того, я даже не гарантирую, что вы и в оруженосцы-то пробьетесь, не говоря уж о рыцарском звании. И только от вас зависит, кем вас будут считать в этом замке и на этой земле — достойными наследниками благородных семей, проходящими свое испытание, или обычными лоботрясами-туристами, купившими экзотический

тур. А теперь, когда я объяснил эту тонкость и убедился во взаимопонимании, вы можете выполнять свои поручения... БЕГОМ!

Ну вот, совсем другое дело. Даже феминисточка рванула в сторону кухни, почти не показывая отвращения ко мне. Это правильно: если хочешь, чтобы стажеры не доставляли тебе забот — нагрузи их так, чтоб им вздохнуть некогда было. Правда, все равно не помогает, но хотя бы не ты один страдаешь. Черт, а у меня же тут еще несколько десятков таких же, и всех надо... ладно, пусть Эгги с Изей напрягутся. Господин барон изволят отдыхать после зверств. Тем более что откуда-то уже слышались характерные интонации... ну да, какой же гасконец не любит покомандовать с важным видом?

Сзади вежливо кашлянули, я обернулся.

Невысокий головастый парень с широким тонкогубым ртом еще раз откашлялся и, гордо вздернув голову, заявил:

— Барон Гравштайн! Я, барон Элепар фон Виндифрош, пришел объявить вам войну!

Повернувшись к управляющему, я с печалью в голосе заметил:

— Вот она, современная молодежь. Только вошел, не поздоровался даже — бац! Войну объявил! Может, это геномодифицированная соя им агрессию повышает?

— Э-э... я забыл предупредить вашу милость, что у баронов Гравштайн с баронами фон Виндифрош наследственная вражда.

— Давно?

— С пятнадцатого века.

— Солидно. И по какому поводу!

— Они воры!

— Мы не воры! Это испанцы виноваты! — Головастик мгновенно превратился в ярко-красную надутую жабу. Впрочем, ему даже шло. Из дальнейшей ожесточенной ругани я узнал об одном из самых старых имущественных споров Европы.

Когда-то, давным-давно, в той самой часовне Святого Эгберта, хранилась реликвия — Чаша первого герцога. Художественная ценность сомнительна, зато историческая несомненна: этот серебряный стакан принимал участие в церемонии превращения простого варварского вождя в цивилизованного христианского герцога, так что для эсков реликвия была очень значимым Символом Нации (и единственным оставшимся, поскольку все сколько-то ценное добро постоянно отбирали завоеватели). Чашу эту, после проведения церемонии, подарили одному из новых баронов... вместе с проводившим эту церемонию священником. Да-да, тот самый Эгберт, три года парившийся на баронской киче. Так что на счет «чудес не значилось» я поторопился, привести под руку Церкви целый народ — это солидно, пусть даже кончилось лично для него как-то не очень. Но так или иначе, чашу однажды попросили для очень торжественной церемонии фон Виндифроши. И как раз в момент передачи реликвии эсков опять завоевали, потом этих завоевателей вышибли другие, третьи... Когда через сто лет наконец выдалась свободная минутка, гравштайнцы кинулись к соседям за имуществом, а его уже увезли в неизвестном направлении. Еще сто лет спустя реликвию все же нашли, но ее уже считали своей испанцы, точнее испанский король. И у него она, что характерно, тоже проходила по разряду священных, исторических и так далее, а значит, возвращать никто не собирался. Понятное

дело, теперь одни эски обвиняли других в ротозействе, а те в ответ оправдывались надуманными причинами, вроде столетнего завоевания. И тянулось это уже полтысячелетия...

— Ну что же, понимаю. Наши у ваших в счет долга корову угнали, ваши у наших в отместку мельницу сожгли, так до сих пор и не можете помириться?

— Это священная борьба! — Оба эска смотрели на меня с одинаковым выражением лица. Мол, ты, Шурик, барон авторитетный, но зря так...

— Тогда пойдем.

— Куда? — Виндифрош, видимо, считал, что теперь мы должны сразу сцепиться насмерть.

— Туда. Должен же я обозреть, как мой замок готов к очередному витку непрекращающейся драки? Кстати, когда в последний раз были боевые действия?

— Сто два года назад. Выдалась свободная от хлопот зима, господин барон, и мы тогда им здорово вломили! — Эгельберт оживленно взмахнул сухим кулаком.

— Это еще кто кому вломил! Мы тогда вашим славно накидали!

— Хватит, горяч-чие па-арни! Вижу, что накопилось. Пойдем... ужин скоро, надо аппетит нагуливать.

Подхватив обоих под локти, я двинулся по двору. За углом как раз что-то гремело. Ну что же, самое время продемонстрировать навыки вождения комиссии по стройке!

— Упыря кормили? Что-то он сегодня особенно нервный.

— Утащил кусок мяса с кухни. — Фон Шнитце тут же скривился.

— Куда?

— Кто же знает, господин барон. У этой твари в замке столько укрытий... я подозреваю, что он освоил вентиляционные ходы и теперь может пробраться в любое помещение.

М-да, не любят мои подданные бедного котика. Хотя не зря же обычно в одном предложении с его именем как правило стоят слова «украл» или «покусал». Вот и головастый барон прислушивается... кстати, и правильно делает! Будем знакомить гостя с реалиями этого сурового мира!

— Прошу, Элепар. Можете называть меня просто Александр, какие уж церемонии между соседями!

Тем временем откуда-то из-за поворота донесся нарастающий лязг. Я даже остановился, вопросительно поглядел на Эгельберта, но тот лишь пожал плечами. Еще минута ожидания, как в кино, когда понимаешь, что сейчас вот-вот появится что-то ужасное, потом громкий скрежет металла по камню... Железный человек остановился, развернул ко мне голову, рывками поднял руку в салюте и, покачнувшись, двинулся дальше.

Доспехи в замке были новоделом, конкретно этот — репликой турнирного комплекта для всадников, в нем, вообще-то, ходить пешком не полагалось. Прибавить щит, меч и накидку — железо весило столько же, сколько и сам стражник, и выглядел он то ли робокопом, то ли ожившей статуей. Надеюсь, не упадет прямо тут, потому что придется звать кого-то, чтобы помогли поднять. Слегка раздвинув локти для равновесия, тяжело переваливаясь, боец прошел мимо нас, остановился на углу, чтобы не занесло, плавно развернулся с грацией башни главного калибра на линкоре, уловил новую цель и, на-

конец, скрылся из вида, еще минуту наполняя двор лязгом и скрежетом.

— Хорошая броня, правда? У меня таких бойцов несколько десятков теперь... вот, кстати, мои новые министриалы.

— А-а... га. — Зрелище внушало уважение. Весь внутренний дворик, в который мы заглянули, был заполнен людьми. Эгги-младший суетился среди толпы волонтеров, составляя списки и выясняя, кто на какой работе меньше напортачит и куда кого запихнуть на ночь, чтобы поменьше жалоб потом приходилось выслушивать.

— У вас сколько бойцов?

— Ну-у, я пока не собирал ополчения. — Головастик вдруг понял, что стоит рядом со своим врагом перед кучей молодых, громко обсуждающих недавнее состязание людей.

— Понятно. Замок-то у вас как, со стражей?

— Откуда взяться замку Виндифрош, если его еще наполеоновские солдаты сожгли? — Ехидством моего управляющего можно было комаров выкуривать.

— Ничего, это дело житейское. Глядишь, еще отстроитесь, какие ваши годы! Не всем так везет, как мне — и донжон цел, и стены замковые, и рыцари в городе службу несут, и полсотни вооруженных слуг, как говорил классик — готовых любые фантазии старика в любое время поддержать оружием!

Головастик выглядел задумчиво. Кажется, он начал подозревать, что чуть-чуть поспешил.

— Справа дома, которые решили отдать под казармы. Конечно, будет тесновато, но ничего, поместятся. — Я наступил на ногу пытающемуся возразить что-то управляющему. Знаю, что это не казар-

мы, знаю! Зато они большие! — Слева хозяйственные постройки. — Очень кстати замычала корова. — Вот, как видите, замок готов к осаде, все свое. В подвалах еще и грибы выращиваем. — Эгельберт раскрыл было негодующе рот, но проследил за моей поднятой ступней и промолчал. — Вот кухня. Это наша дорогая мадам повариха. Самый мирный человек в замке!

Большой круг, средний и малый — названия мишеней, которые как-то упомянула мадам ван Шторре. Дескать, большой это для топоров и тесаков, средний для ножей, а малые она вешает на нитках в разных неожиданных местах, чтобы тренироваться в метании вилок и прочего нестандартта. И теперь повариха показывала Марти классический бросок ножа. Кухонного. Развевающиеся волосы, раскрасневшееся лицо, в левой руке сразу три ножика — очень ответственная дама. В мишени торчали еще несколько ножей из предыдущих попыток, и один как раз, сверкнув в полете, с тупым стуком ударился рукоятью о край деревяшки и улетел в сторону, зазвенев по камням.

— Нет-нет, милочка, не так... как же тебе объяснить? Ну вот представь, что кидаешь в конкретного человека. Я всегда представляю мясника из города, он вечно пытается убедить меня взять не то мясо, и получается вот что: — Взмах, стук, нож наполовину ушел в центр мишени. — Пойми, тут надо не только рукой швырять, но и душой направить!

Марти, вернувшись с подобранным ножом, глянула в мою сторону, и... нож снова ударился рукоятью.

— Повариха и ее воспитанница. Как я и говорил — самые мирные люди в замке. Пойдемте дальше, бедная девушка очень смущается при виде не-

знакомых мужчин и выражает это таким смешным способом, не будем ее тревожить. Продолжайте, Магда, продолжайте!

Повариха, помахав нам рукой, дернула за рукав злобно шипящую как змея Марти, показала ей на мишень и протянула один из ножей. Чувя, как на моей спине проявляется явственно видимое боевому подругу перекрестье, я быстро потащил за собой головастика.

Уже когда мы зашли за угол, донесся стук железа о дерево и стук упавшей с упора от силы удара мишени.

Я облегченно вздохнул, огляделся.

Эдгар Фиск, старший (после недавнего повышения) стражник, убрал ногу с окровавленной плахи, еще раз протер пучком соломы топор и вопросительно на меня уставился.

— Господин барон?

— Все в порядке, Эдгар?

— Ну а как же. Я вот... головы. Ага. Удобно. — Он пнул корзину, из которой сочилось на редкую траву что-то красное.

— Понимаю, понимаю. А что просто шею не свернули?

— Да как-то это не по-людски. Понятно, что все равно придется, но тут ведь быстро, тюк — и готово. Я хоть и не белоручка, но все-таки чуток не по себе, когда живое в руках бьется. — Громила-стражник смущенно потупился.

— Ничего, я тоже так думаю. Может, гильотину нам сюда поставить? Эгельберт, вы прикиньте потом.

Повернув завороченно глядящего на пятна крови и зеленеющего фон Виндифроша, я подтолкнул его в спину:

— Идемте, Элепар, идемте. Все же место, где за века расстались с жизнью сотни живых существ, — головастик икнул, — обладает какой-то особой аурой. Вы чувствуете? Вижу, что так. И туристам почему-то нравится.

То, что в корзине лежат тушки обезглавленных куриц, он, кажется, не заметил. Вот и ладненько. Удачно я подгадал. Так, клиент созрел, можно вести в дом. Тут главное — не переборщить!

Словно в ответ на мои мысли, из дыры в стене на уровне трех метров вдруг полезло мохнатое, сверкающее глазами существо, с ревом прыгнуло на ногу управляющего, несколько раз куснуло, полоснуло когтями и так же быстро, под вопли жертвы, метнулось в другую дыру. Я, покивал, делая вид, что не замечая возмущения Эгельберта, и пояснил, словно в никуда:

— Пытаюсь вывести сторожевых котов, но, как видите, их можно использовать только в качестве диверсантов, увы. Ничего, может, еще выйдет что-то путное.

Головастик смотрел по сторонам уже не с опаской, а с откровенным ужасом, стараясь держаться поближе ко мне. Последним штрихом стали две пушки восемнадцатого века по бокам от главного входа в донжон, использовавшиеся для салюта. Сейчас рядом с ними суетился полицейский, прочищая и подготавливая к вечернему залпу.

Я поднялся на ступеньку и так, нависая, с высоты глядя на маленького головастого книжника, подытожил:

— Как видите, мой друг, мы к войне готовы. Не очень хочется, но что поделать, честь обязывает.

Многое можно сказать... да к чему тут слова? Займемся делом!

— Как, прямо сразу? — Он совсем упал духом и нервно поправил очки.

— Чего тянуть-то? Приступим! Всякую войну надо начинать — с чего?

— С нападения?

— С планирования, мой дорогой враг! А планировать, по древнему и красивому румынскому обычаю, нужно за накрытым столом. Пойдемте, вздрогнем как следует!

«Что могу сказать — крой кафтана новейший, но стиль из пятнадцатого века, на гравюрах видел не раз (ссылка), шапка румынская аутентичная, шестнадцатый, вышивка на обшлагах венгерская народная, по вороту что-то литовского типа, а пуговицы вообще девятнадцатого. Носит все, словно в этом родился, а я пробовал, это очень неудобная одежда! Кстати, двойное посвящение — это же из легенд одиннадцатого века?

Да, цитаты отсылают к Вендской летописи, но тот фрагмент оригинала, вторая четверть третьего свитка, утрачен.

Охренеть, так он что же, старше самого Графа?!!

Иди матчасть учи, школьник! Бароны появились раньше графов! Конечно, старше!»

Обсуждение ролика на одном историческом форуме.

— О боги, почему вы меня вчера просто не убили?

— Не убил, потому что обожаю пытать врагов по утрам.

— Чудо-овище...

— Эгельберт! Мы сильно шумели? Что-нибудь разрушено?

Старик, разбудивший нас десять минут назад, сурово оглядел двух баронов, проводших ночь в одной кровати (и ведь поместились же!), и, выразив свое молчаливое возмущение падением нравов молодежи, наконец, соизволил процедить:

— Осмелюсь напомнить, господин барон, вчера был заключен вечный мир между баронствами Гравштайн и Виндифрош.

Я глянул на головастика, тот отрицательно покачал головой и тут же скривился.

— Когда?

— Вчера.

— Ничего не помню.

— Совсем?

— Воспоминания обрываются на том, как мы решили, что убивать Элепара нельзя. Во-первых, нельзя оставлять одно баронство без правителя, во-вторых, тебе еще чашу возвращать, а в-третьих, ты хороший мужик и вообще мне почти брат.

— Да?

— Ты сам так говорил!

— Никогда больше не пью со всякими румынами... — Головастик обеими руками обхватил похмельное вместилище разума и пригорюнился.

— Ха, он еще зарекается. Мы с тобой соседи, друг Элепар, а соседи ездят в гости. И вообще — еще раз придешь с войной, и пить будем неделю!

— Чудо-овище...

Повторяться начал. Не такой уж я и монстр, кстати, просто опыта больше. Вот когда у сибиряков уводил из-под носа три вагона какого-то особого це-

мента, притом что он им был очень нужен, вот тогда по-настоящему пришлось поднапрячься. Но ведь увел! И даже друзьями остались! Хотя до сих пор не уверен, что этот цемент в самом деле кому-то был так нужен и что Митрич просто не забился с теми самыми сибиряками, что я их перепью.

— Что мы еще натворили?

— Когда вы отлучились по необходимым делам, господин фон Виндифрош собрал ваших пажей и принес торжественный обет — поклялся вернуть чашу.

— О-о, бо-оже!

Не умеет пить молодежь. Ну или молчать вовремя — это с годами приходит.

— Господин барон?

— Да, Эгельберт?

— Со мной связались представители банка «Блюмшилд и сыновья». — Он поднял трубку, которую держал в руке все это время.

— Отвечайте, что все переговоры только в самом замке. После обеда.

— Они спрашивают, не прямо, но понятно — точно ли можно рассчитывать на двухмесячный срок заключения их коллеги?

— Тогда отвечайте, что любой вопрос решаем, но мы должны удостовериться в серьезности их намерений.

— Какая сумма — серьезна?

— Эгельберт, как можно?! Мы же не террористы, чтобы требовать деньги! Пусть... вот, пусть вернут нам чашу, которую испанцы вывезли.

— Одну минуту! — Он быстро что-то затараторил в трубку, а я поднял кувшин и прижал к виску. Элепар, могучим усилием протаскивая себя по кровати,

прижался к кувшину с другой стороны. Так мы и сидели, пока мой деловой и непьющий управляющий не отвлек от блаженной прохлады:

— Вернуть не могут, господин барон. Могут предоставить планы защитных систем хранилища.

На что меня толкают, спрашивается? Вот же... банкиры!

— Ладно, пусть присылают. Нам еще помогать соседке с выполнением обета. — Старик хмыкнул, покачав головой. — Что, не одобряете методы? Или цели не по вкусу? У вас же тут вражда?

— Да какая это вражда, Александэр, скорее привычное соревнование. В конце концов, мы же все эски, а не французы какие-то. Помочь соседу — дело благое.

— При чем тут французы?

— О, каждый эскенландец знает, кто тот незримый враг, что из-за кулис руководит всеми бедами Европы!

— Вы о прекрасной Франции? А разве не Британия этот тайный властелин?

— Островитяне жалкие марионетки в руках истинного манипулятора! Сами подумайте, даже их спесь порождена комплексом, основанным на понимании настоящего положения дел! Мы последний оплот сопротивления неумолимому врагу!

Старик говорил это с такой убежденностью, что я решил не сомневаться. В конце концов, это он тут европейец, ему виднее. Хотя... кто знает, может, и французами тоже кто-то руководит? Бельгийцы, к примеру?

Так, размышляя о незримых переплетениях судьбы, я оставил барона-головастика с кувшином в обнимку и спустился в трапезную. Как тут ни крути,

а туристов, желающих насладиться едой в моем обществе, нужно уважать. Люди деньги за это платят, так что:

— Доброе утро, господа. Рад видеть вас в своем замке. Прошу, начинайте!

Туристы воспитанно потянулись к тарелкам, мне же есть не хотелось. Сейчас бы поспать часиков шесть... переждать утреннее яркое... черт бы его побрал!.. солнце, затем спокойно посидеть в кресле, горячего хаша поесть, потом неторопливо побродить по песочку...

— О чем вы задумались, господин барон?

Я дернулся, выныривая из дремы, быстро огляделся — нет, не заметили. Что он спрашивал? Ах да...

— Когда-то белый хлеб был привилегией дворянства. Теперь пшеничная булочка с котлетой — пища бедняка.

— М-м-м... да, многое меняется. — Эгельберт явно не понимал, с чего это я глазею на еду, вместо того чтобы заняться ею вплотную. У-у, трезвенник!

Когда я поднял кубок (не удержался, приказал поставить себе взятую из замкового музея утварь), стоящий рядом Дэн сначала не отреагировал, но после тычка управляющего сообразил и схватился за кувшин с морсом. Следующую минуту я пил, опустошая посудину в несколько глотков.

— Утолили жажду, ваша милость?

— Слегка... но это не то, чего хотелось бы.

Туристы вдруг примолкли, я даже присмотрелся к ним, кое-как удерживая слезящиеся глаза открытыми. Нет, все нормально. Только вот солнце проклятое, слишком ярко светит! Хорошо пахам, они вдоль стены выстроились, а бедный господин барон сиди, отрабатывай...

— Мы вчера в самом деле ничего не натворили, Эгельберт?

— Успокойтесь, Александэр, все было в рамках приличия.

Это успокаивает. Иногда необходимо расслабиться... вот как сейчас. От запахов еды уже почти не мутит, только холодный металл кубка я зря ко лбу прижал, и старик что-то бубнит... что именно, кстати?

— ...а потом вы учили Элепара древнему румынскому боевому кличу.

— Это которому?

— Я записал. «Rezh aktiv!» Там еще было продолжение, только вы никак не могли его выговорить.

Но и в расслаблении нужно знать меру. Представив своего нового друга, орущим этот «клич» где-нибудь на футбольном поле или в баре, я содрогнулся. Мелкий, головастый, немножечко отмороженный в силу книжного воспитания... мда.

— Как раз в этот момент вы дозвонились жене по моему телефону. Разговор получился очень коротким, кажется, господин фон Виндифрош, кричащий изучаемый клич у вас за спиной, ей чем-то не понравился.

Еще бы. Все, дочек она сюда не пустит.

Вот и хорошо, кстати, а то... Ладно, это потом.

— Затем вы допытывались у фрекен Марти, почему она не носит лифчик.

— И почему? — Боевой подруг смотрела перед собой с презрительным видом.

— Я в тот момент отвлекся, но, кажется, ваш паж что-то говорила о порабощении и символах унижения.

— Вроде помню. Я что-то хотел, так?

— Пойти крестовым походом на поиск земли... гхм... свободы.

— И я ей еще место своего генерала предложил.

— А когда она отказалась, заявили, что готовы учредить рыцарский орден для освобождения всех женщин от ига.

— Ига лифчиков?

— Да. И вообще одежды.

Полный краснолицый турист, сидящий на почетном месте справа и внимательно прислушивающийся к разговору, с уважением покивал. Видимо, его представления о хорошем отдыхе полностью соответствовали негромкому рассказу управляющего. Его жена, чему-то мечтательно улыбаясь, вдруг оглянулась и ткнула мужа локтем. Мда, давненько я так не гулял. Должно быть, сказывается свежий эскенландский воздух. Последнее я повторил вслух, напрашиваясь на комплименты от туристов, и те воспитанно мне их выдали — и о замечательном замке, и о великолепном городе, и о живописной природе. Фон Шнитце слушал с нескрываемым удовольствием, а вот пажи хмыкали и шептались. Вероятно, их ожидания в чем-то не соответствовали происходящему. Так, это надо давить в зародыше. Тут только я решаю, что и как должно происходить!

— Ну что смотрите, други? Книг не читали? «Жизнь барона — это пиры, охота и война». Войны удалось избежать, охота у нас впереди, а утро после пира вот так и выглядит... Ничего. Выпивка тоже в программе обучения. — И дождавшись, когда оживившаяся молодежь притихнет, добавил: — Так же, как методы снятия похмелья на следующий день. Чтобы опробовать все и выбрать подходящие —

пить будете на убой. Забудьте об удовольствии, вас ждут полные напряженного труда будни!

Четверо слушали мои слова как положено студентам на отдыхе — с энтузиазмом, дескать — пусть все болит потом, но сегодня будет хорошо!

Японец изображал манекен, а Марти — презрительный манекен. Не, ну нельзя ей такие обтягивающие майки носить! Бесчеловечно же! Феминистка должна быть старой и уродливой, а не молодой и... так, хватит.

— Хорошо. Сегодняшние задания: Марти — на кухню.

— Опять?!

— И опять, и опять, и опять — каждый день, пока ты не всадишь подряд три произвольных клинка в среднюю мишень с десяти шагов. Кстати, от обучения основам управления замком у господина фон Шнитце это не освобождает.

И сделав вид, что больше не обращаю внимания на нее, добавил, обращаясь к Изе:

— У девчонки для такого характера слабоваты руки. Будем тренировать!

«Гасконец», лихо подкрутив ус, кивнул.

— Сато, гоняешь Умника вокруг замка, а то он слишком часто улыбается. Потом сравнишь его результаты со вчерашними. Норман и Роберт — в распоряжение сэра Ульфрика, в патрули по городу. — Я повернулся к фон Шнитце: — Предупредите начальника полиции, чтобы назначил этих двоих на сутки к опытным стражникам в самые скучные места.

— Но мы же так ничему не научимся!

— Вам восемнадцать-двадцать лет, вы взрослые люди. — Я снова начал давить авторитетом. — Учить вас чему-то уже нет смысла, будет нужно — сами на-

учитесь. Моя задача — выяснить, готовы ли вы к высокому званию! Если ван Клифф выглядит рыхлым — я позабочусь о его теле. Если Сато нерешителен — он будет командовать до тех пор, пока не привыкнет. Если Дэн постоянно улыбается — он поймет, когда этого делать не стоит. Приняв вас, я взял на себя ответственность, и потому за эти месяцы я устрою вам, каждому персонально и всей группе в целом, один большой ад, который покажет прежде всего вам самим, чего вы стоите. Понятно?!

— Так точно, сэр!

О великая сила искусства! Я же знаю, что никто из них не служил, но вот, все тут же по стойке «смирно» и дружно гавкают ответ. Что с людьми современный кинематограф делает! Ну и главное, теперь можно творить что угодно под видом выполнения очень важного, очень тайного и очень хитрого плана.

Глубоко в душе попискивали остатки совести, но я легко заглушил эти трепетания решением в самом деле научить пажей чему-нибудь полезному в жизни. Черт, я же им про семь благородных искусств втюхивал! Еще бы вспомнить, что это такое...

— Первые две недели вы будете меняться и пройдете всех авторитетных людей баронства. Следующие две — станете отчасти заменять их. Дальше... ну, это вам пока рано знать, но легко не будет!

Туристы млели! Ну где еще увидишь живого, похмельного и грозного барона, а тут вот он я, во всем великолепии. Кстати, надо и самому чем-то заняться.

— Между прочим, оруженосцы должны были следовать за своим рыцарем и помогать ему в делах. — Самый толстый из пажей, уже смирившийся с двумя неделями физических упражнений, попытался укусить в ответ.

Подумав, я кивнул и улыбнулся. Умник тут же насторожился, ну да, на то он и умник.

— Эгельберт. Молодой паж хочет носить часть доспеха своего господина, как подобает настоящему оруженосцу. Поможем ему? Прикажите Эдгару принести из рыцарского зала щит. Тот, что на стене висит, над камином.

— Но это же...

— Я жду.

Старик мгновенно выскочил за дверь, а я поднял кубок, который тут же был наполнен. Лепота! И нальют, и указания выполнят, причем бегом... положительно, мне нравится быть бароном! Еще бы голова не болела... и не тянуло от стола этой чертовой яичницей.

Спустя десять минут громила-стражник с некоторым усилием осторожно опустил щит перед Умником, и тот с тоской взглянул на меня.

— Знаю, ты мечтал носить оружие, как написано в твоих мудрых книгах. Вот тебе щит — носи! Цени, ты первый из пажей удостоился такой чести! Будем считать, что это награда за твои глубокие исторические познания!

Туристы, оторвавшись от стола, дружно зааплодировали.

Умник с печалью уставился на щит. Тот, конечно, был декоративным, цельнометаллический прямоугольник со скобой из железной полосы для привешивания на стену, но в принципе выполнять защитные функции мог, в такой же степени, как крышка от канализационного люка. Ну ведь нигде не сказано, что оружие, которое носят за рыцарем, обязательно должно быть настоящим. Или легким — эта железка, по виду, тянула килограммов на пятьдесят.

Быстро закончив завтрак, я, насколько мог учтиво, попрощался с туристами, похлопал Умника по плечу и пошел на выход.

— Что с волонтерами?

— О, просто прекрасно! Часть станет изображать живые экспонаты, всяких там стражников, кузнецов и прочих конюхов. — Эгельберт семенил рядом по двору, слишком радостно повествуя о хозяйственных заботах. Ничего, вот сейчас выйду на стенку, там будет ветерок, прохлада... — Часть займется необходимыми работами за пределами замка... Берегитесь!

Черная тень мелькнула над головой, со скрежетом проскользила по камням двора, разворачиваясь. Я вскочил, матюкнувшись — ощутимый удар пришелся в плечо, оно сразу онемело.

— Меее!

От новой атаки я попытался отпрыгнуть, но атакующая тварь извернулась в полете, задев меня рогами.

— Беее!

— Скотина! Это моя любимая рубашка!

— Сейчас, Александэр, я позвал на помощь!

Вот еще, помощь мне против этого козла не понадобится!

Тварь фыркнула и, рванув с места, снова попыталась достать меня в прыжке, я машинально отмахнулся левой, попал, нападавший коротко вякнул и, приземлившись, попытался разорвать дистанцию. Пришлось прыгнуть на него и навалиться, прижимая к земле.

— Это что такое?! — Здоровенный черный козел под моим коленом орал и пытался вывернуться, держать приходилось крепко, животное... да какое

там — Зверь весил килограммов восемьдесят и очень старался спихнуть меня.

— Простите, Александэр, забыл вас предупредить! — Старик выглядывал из-за двери, явно не веря в то, что я смогу удержать рогатого агрессора. — Вчера вечером привезли пополнение. Лучший производитель, породистый медалист!

— Медалист?! Я ему сейчас объясню его место в этом замке!

Рыча от злости на солнце, козлов, самого себя и проклятых туристов, я схватил мерзавца за рог, приподнял, не давая ему опереться копытами и вывернуться, протащил по двору и пинком загнал извивающееся в ненависти к людям животное в сарай, быстро закрыв дверь.

Изнутри сразу же раздалось злое меканье и чьи-то жалобные вопли, стена содрогнулась под тяжелым ударом, а потом все стихло.

Черт. Ну ничего. Волонтеров у нас теперь много, одним больше, одним меньше... Сам я туда не полезу!

Фон Шнитце, задумчиво глядящий на происходящее с крыльца, похоже, разделял мои мысли.

Туристы снова заплодировали.

Ладно, сделаем вид, что это такой подвид кориды, специально под эскенландские реалии. Плечо холодило ветерком, любимая рубашка, теплая, в клеточку, разорвана... Зачем, ну зачем я ее надел? Теперь другую покупать, мучиться, выбирая, привывать неделями, и она все равно будет не такой удобной!

— Ну, Александэр, не стоит так переживать. Это только козел, и ваш пинок ему не очень повредил.

От моего мрачного взгляда старика шатнуло. Он тут же откашлялся и сменил тему:

— Господин барон, вашего суда ждет задержанный.

— Что, в городе не могли найти, кому разобраться?

— Тут очень сложный вопрос. Видите ли, этот молодой человек был задержан за сомнительные высказывания и назвался вашим личным врагом.

— Когда я успел ему навредить?

— Он утверждает, что двадцать три года назад, за пять лет до его рождения. Он, видите ли, националист.

Да что ж за утро такое, то козлы, то националисты?! У них тут слет по интересам? Дружно сговорились портить мне утро?!

— Эгельберт, подробности!

Таковые были: некий парнишка, на одну восьмую эск, решил, что барон-иностранец — это оскорбление его национальных чувств. Поэтому он стал бродить по городу, раздавать листовки с призывами к свержению и доводами о необходимости немедленного восстания против меня. Гравштайнцы радовались твердым убеждениям у столь молодого человека, но ничуть не поддерживали его стремлений. Вчера, в тот момент, когда я с гостем устроили состязания по бегу на руках по крепостной стене (победил фон Виндифрош, но лишь потому, что я все время держал его за ноги, не давая упасть вниз), отважный наци решил перейти от слов к делу и решительно вышел на площадь с флагом и моей фотографией (той, где я добрый), которые и сжег под пение все той же «Победили мы».

Задержали его за нарушение пожарной безопасности, но уже в участке он заставил полицейских переоформить протокол, убедив в наличии поли-

тической составляющей. Поскольку в политику моя стража лезть не желала, то отважного, но слегка неразумного юношу сбагрили мне.

Теперь этот организм заявлял, что он — идейный борец за демократию и не пожалеет жизни, чтобы изгнать проклятого захватчика. Или чтобы обратить внимание зарубежной общественности на происходящие в городе ущемления национальных чувств.

Так-с, преступника однозначно требуется наказать, для пресечения. Но насилие — не наш метод, особенно в судебной практике. Не стоит создавать прецеденты, будем править разумно и справедливо. Вроде бы я видел решение во время вчерашней прогулки по городу.

— Эгельберт, вы хорошо знаете горожан?

Управляющий поднял вопросительно бровь и кивнул.

— Тогда найдите... — и я продиктовал приметы запомнившейся дамы.

Думаю, следующие сорок минут сильно разочаровали борца с иноземной тиранией. Сторожил его всего один стражник, сам тиран ушел в тень, где и присел на лавочке, а проклятый пособник проклятого барона вообще занялся какой-то хозяйственной деятельностью, то и дело проносясь по двору в разных направлениях, уткнувшись носом в папку с бумагами. Немного обнадежили подсудимого туристы, с удовольствием фотографирующие и его, и тирана, и стены, и красивые цветы в палисаднике, и дверь сарая, и ту симпатичную птичку на камне... и вообще, почему так мало внимания к жертве произвола?!

Думаю, он скоро начал бы жаловаться на это, но тут вернулся фон Шнитце с названной мною дамой, и суд возобновился.

Собственно, он тут же и закончился вынесением приговора. Очень удивившего всех собравшихся.

Семидесятишестилетняя фру Янсен, во всей красе своих ста двадцати килограммов, с сомнением оглядела жертву.

— Вот этого?

Хулиган смотрел то на нее, с ужасом, то на меня, с мольбой.

— Да, фру Янсен. От души! Тридцать раз.

Почтенная фру тоненько хихикнула и потерла руки, отчего привязанного передернуло.

— Ну, начинайте, что ли. Вы заняты, так что мы будем считать. И раааааз, и дваааааа — торопиться не надо. Эй, хватит биться! И трииии! С чувством, Матильда, с полной отдачей! Все его выходки от недостатка внимания, ну так пусть почувствует, что кому-то нужен!

Националист пытел и пытался отвернуться, но старая рыбачка держала свою нынешнюю добычу надежно и целовала от души, взасос. Все дружно считали. Туристы, столпившиеся вокруг эшафота, аж подпрыгивали от эмоций, а я почему-то вспомнил, что был такой танк у англичан — «Матильда».

— Господин барон, может, он еще чего-то натворил? Так я же вдова, не сдадите ли его мне, для дальнейшей работы? — Разрумянившаяся дама все так же небрежно, одной рукой, держала несчастную жертву моей больной фантазии на весу, иногда потряхивая для наглядности.

— Ну, это как он себя вести будет. А пока — благодарю за помощь!

Преступник часто дышал, высунув язык, и скорчившись, круглыми глазами следил за фру, перебирая в воздухе ногами.

— Эх, только раззадорил, паршивец, честную женщину! — Рыбачка опустила его обратно на эшафот, игриво шлепнула по задку, отчего борец за свободу с визгом подпрыгнул... Да, у рабочего человека рука тяжелая, это вам не офисная планктонина, ничего тяжелее смартфона не державшая. Туристы в очередной раз зааплодировали. Ну что же, теперь завершающий штрих.

— Фру Янсен, за выполнение столь важной работы вот ваша плата. — Я вытащил из кармана гравкой и важно протянул его женщине. Та приняла, присела в книксене и вдруг облизнулась, глядя на преступника. — Также вам разрешается в подаваемых прошениях и официальных бумагах делать к имени приставку «Воспитательница Молодых» и обращаться к моим рыцарям без церемоний. — Вспомнив о некоторых предубеждениях против исполнителей наказаний, я галантно протянул руку и помог «неумолимой палачке» спуститься со ступеньки, изобразив сдержанный поклон. Женщина еще раз легко поклонилась.

— Я бы отдал вам одежду преступника, как впрочем и полагается по обычаю, но юноша может неправильно понять. Помрет еще от испуга.

Стоявшие рядом «стражи» и два волонтера перекосились в попытке удержать суровые лица.

— Так что сегодня обойдемся без этого. И кстати, Эгельберт, любые сплетни против моих подданных будут расценены как навет на меня самого.

— Ясно, господин барон! — Старик позволил себе

пошутить: — Александэр, теперь сюда хлынет поток ценителей женской красоты!

— Да? Ну тогда распорядитесь о заказе каталога секс-шопа, что-нибудь из БДСМ-экипировки. Думаю, другие умудренные годами гравштайнцы с удовольствием позаботятся о нравственности молодежи! Тем более что у нас вот этому еще тридцать дней общественных работ полагается. На благо Эскенланда. Он ведь о нем так заботился? Впрочем, разрешаю заменить на поцелуй, из расчета один день на десять лобзаний!

Тот страж, что был ближе, с мужественным каменевшим лицом закрыл глаза, всхлипнул и сморгнул слезу. Волонтеры в голос ржали где-то за углом эшафота.

Фру Янсен уже фотографировалась в обнимку с одним из обступивших ее туристов.

Может, в самом деле отправить пацана помогать бедной вдове? Всегда подозревал, что эти националистические и религиозные заскоки происходят от избытка энергии и недостатка внимания противоположного пола, вот и посмотрели бы на результат.

Эх, если бы все проблемы решались так просто...

В голове все крутились несколько воспоминаний вчерашнего вечера.

«Какая немыслимая жестокость!

Согласна. Целоваться с таким слизняком!

Парень просто высказывал свою позицию!

И чем вы недовольны? Его даже не били!

Да, фон Гравштайн знает толк в мотивации!

Интересно, что бы он придумал для наших наци?

Я был в замке — поверьте, этот барон заставил бы их работать! Думаю, это было бы для них страшной поцелуя очаровательной фру.

Трудно спорить!»

Из комментариев к статье
на портале «Nuheter Politiken Zeitung»,
статья сопровождается фотографией
фру Матильды Янсен, посылающей
воздушный поцелуй в объектив.

Час спустя после экзекуции ролик разместили на сайте музея, с подписью «Националистов у нас любили, любят и будут любить!». Кто-то безымянный еще и ссылку повесил на страничку популярного секс-шопа, в виде пояснения, какими именно инструментами будет пользоваться палач в следующий раз. Грубоватый юмор, но моим подданным пришелся по душе, надо будет поинтересоваться, сколько Изя слупил с того магазина за рекламу. А пока меня захлестнула текучка. Отпуск, называется — волонтеров проверить, в сувенирный киоск заглянуть, доклад по городским происшествиям, пусть и очень формальный, от рыцарей принять (договорились, что сводку будут передавать ежедневно, раз уж от моего имени управляют), новую партию туристов поприветствовать, Эгельберт очень просил, понимая, что в основном люди приходят посмотреть на «господина барона», больше-то и рассматривать нечего... ну, разве еще наполняемая мною же темница. Проверить Сато и пытящего Умника, покивать одобрительно вслед, спуститься в ров, очищаемый дружной компанией волонтеров, собрать отзывы и пожелания по еде и ночлегу, символично отработать полчаса на тач-

ке, показывая пример, потом с деловым видом пойти дальше, обсудить услышанное от ребят с управляющим, поприветствовать туристов, снять пробу на кухне (хотел полноценно отобедать, но под взглядом чертовой девчонки подавился и сбежал), отправить трех слуг на транспортировку козла в хлев, сопроводить двух из них в медпункт, убедиться, что в замке нет медика, самому вправить вывих одному и почистить царапины другому, наорать на Эгги, получить в ответ выкладку по стоимости услуг медсестры, поручить сделать опись всех имеющихся профессий волонтеров, на предмет выявления полезных, снова озверев, пинками сопроводить брыкающегося Зверя в его гарем, по пути раскланиваясь с восхищенными туристами, отболтаться от парочки из Швеции, спрашивающих у меня расписание экзекуций «по эскенландскому методу»... Обычная работа.

В какой-то момент я оказался на вершине донжона с бутербродом в руке.

Внизу все так же крыши города, улочки, деревья, а за ними море до горизонта. Наверху все так же легкая облачность по типу «Ой, сейчас дождь пойдет... или нет». Посередине я, не обращающий внимания ни на ко...

— Господин барон?

С тоской поглядев на бутерброд, я повернулся к деликатно теребящему свою папку управляющему, рядом с которым смотрел по сторонам волонтер с нарукавной повязкой «Дежурный».

— Да, Эгельберт?

— Требуется ваше решение.

Ну да, это тоже всегда так. Самый разгар проблем приходится на тот момент, когда ты собрался спокойно поесть. Закон природы.

Я вздохнул. Уходить отсюда не хотелось, да и вообще ничего делать — тоже. Прохладный ветерок, хороший вид, никаких туристов и никаких забот. Они все там, внизу.

— Что, опять кого-то судить?

Старик, почувствовав мое настроение, отложил папку и осторожно пристроился рядом.

— Скорее принять участие. В замок пробрался Человек-Паук.

Прикрыв глаза, я подавил первое рвущееся слово, потом прикинул второе, третье и остановился на более-менее нейтральном девятом:

— Вот как?

— Оказывается, он только что узнал о нашем... правовом статусе. В Федерации он уже посетил все выдающиеся здания, теперь вот решил, пока мы не проголосовали обратно, успеть покорить Гравштайн.

Еще раз попытавшись сопоставить в уме киногероя и мой замок, я пришел к выводу, что чего-то, видимо, не понимаю.

— Скажите, Эгельберт, тут у вас всегда так весело?

— О, что вы, Александэр, обычно у нас очень спокойно, я бы даже сказал, что чуточку чересчур.

— То есть вы хотите сказать, что все это началось с моим приездом?

Поняв по тону, что отвечать утвердительно не в его интересах, старик неопределенно подвигал рукой, а потом намекнул:

— Вы можете сами посмотреть. Он как раз под нами. — И приглашающе показал на край площадки. Чувствуя себя полным идиотом, я, тем не менее, подошел и, перегнувшись, заглянул вниз. Потом почесал затылок и уточнил:

— Эгельберт, это что?

— Это Человек-Паук.

— Признаться, как-то по-другому его представлял.

— Вот как!.. Я понял — нет-нет, это действительно он! Не придуманный, а настоящий!

Перегнувшись еще раз, я оглядел вцепившегося в кладку стены на высоте примерно третьего этажа парня лет двадцати пяти, в шортах и безрукавке, переругивающегося со стражниками.

— Подробности!

Таковые обнаружили быстро. Спайдерменом называли экстремала, лазающего на различные высоты, как правило без разрешения владельцев. Причем покорить он старался всегда самое высокое здание в стране. Развлечение странное, но чем бы люди ни тешились, я не против — пока этот умник не полез на мой донжон!

— Снимать его пытались?

— Не хочет слезать. Говорит, что еще ни разу полиции не удалось снять его со стены. Только потом, с крыши.

— Так.. ты. — Стоявший у флагштока и прислушивающийся к нам слуга с энтузиазмом кивнул. — Быстро сюда веревку, чтобы до земли достала, швабру и бутылку масла.

Энтузиазм сменился недоумением, но волонтер мигом рванул вниз. Эх, как же хорошо иметь расторопных подручных! Семь этажей вниз, семь вверх, упаришься самому мотаться, а так приказ отдал — и все забегали. Интересно, где он веревку найдет?

Периодически поглядывая на оказавшегося в патовой ситуации экстремала (он как раз повис между окнами третьего и четвертого этажей, и из обоих высывались азартно кричащие стражни-

ки, висящий непонятным образом на стене хулиган показывал им неприличные жесты, уверенный в том, что спихивать копьём его никто не станет), я дождался возвращения посыльного, вдумчиво просмотрел веревку, счел пригодной, после чего закрепил кое-как на подходящем крюке и сбросил конец вниз.

Экстремал наконец обратил внимание на меня, столпившиеся внизу туристы заплодировали появлению знакомого лица. Кажется, у них так на меня рефлекс скоро выработается, увидел барона — готовь ладоши.

— Эй, слезать будешь?

— Прошу прощения, но только по лестнице, с верхушки башни!

— Ты не понял, это не вопрос. — Я поочередно продемонстрировал ему швабру и бутылку оливкового масла. — Или ты слезаешь, или сейчас на два метра вся верхушка башни покроется этим замечательным продуктом.

Белозубая улыбка сменилась задумчивым прищуром, потом недовольной миной. Лезть по намасленным камням вверх Спайдермену не хотелось.

— Господин барон фон Гравштайн?

— Он самый.

— Может, договоримся?

— Я тут обедал, и твое появление прервало этот замечательный процесс.

— Ставлю угощение в лучшем городском ресторане!

— Что тебе тут нужно?

Нужно ему было всего ничего. Поскольку мы теперь как бы самостоятельное государство, то он хочет залезть на самое высокое здание оною. Пока

государство не отменили. У них с коллегами-небоскреболазами негласное соревнование, и когда эски проголосуют за возврат, то у него навсегда останется непревзойденное достижение.

В принципе, я был не против, только...

— Эгельберт, кем по вашей сложной классификации является этот тип?

Старик, поняв, поднял глаза к небу, пошевелил губами и выдал:

— В военное время лазутчиком, но сейчас — шутком или комедиантом, пожалуй. Веселит народ, другой пользы нет, но и вреда тоже.

— Тогда нарядите его в соответствующий костюм и только после этого отправьте на стену. Да, внизу поставьте десять человек с натянутым брезентом. Мы цивилизованное баронство, а не дикая Америка, или откуда он там, у нас моральные ценности, порядок и всякое такое.

Кивнув, управляющий исчез. Крепкий все-таки тут народ. Целыми днями мотаться по этим лестницам под этими сквозняками. Я меланхолично наблюдал, как внизу спустившийся все-таки без помощи веревки Человек-Паук фотографировался со стражей и туристами, потом ему на плечи был торжественно повязан красно-бело-оранжевый с традиционным скандинавским крестом флаг Эскенланда, а на голову бумажный колпак, и под радостные крики отчего-то не слишком вдохновленный своей экипировкой восхожденец пополз вверх.

Впрочем, его можно понять: одно дело творить какую-то шалость по велению души, и совсем другое — выполнять ее как работу. Это он еще не знает, что я ему наверху заплачу, прямо под камерами вручив гравкойн в подарочной упаковке. У меня тут

не анархия, а средневековое баронство, у нас все серьезно, и шалить можно только с разрешения меня.

Эх, может, еще тысячу монеток заказать? Разлетаются так, как это и бывает с деньгами.

Когда Спайдермен все-таки дополз до вершины донжона и спустился обратно, уже по лестнице, энтузиазма на его лице не виделось. Ну да, вот такой я злой — то поцелуями людям угрожаю, то шваброй. Положенный «за увеселение почтенной публики» гравкойн, тем не менее, он принял.

Стоя на краю парапета, куда, зараза, и меня вытаскил, под аплодисменты пятой и шестой групп туристов, скопившихся внизу. Ох и высокий у меня донжон, даже слишком!

Ладно, меланхолия меланхолией, а работать надо — управляющий оставил списки волонтеров, стоит ознакомиться. Да и по финансам отчет лежит со вчера, и по матбазе, и счета проверить нужно, а то старик подумает, что им пренебрегают. Тяжела ты, доля баронская, ну да ничего, мы, румынские бояре, народ работающий!

Спускаясь, я обдумывал, чем бы занять пажей, но раздумья были прерваны: внезапно что-то с шипением выскочило из стены, утробно мурча вцепилось мне в штанину, замахнулось лапой...

— А ну!

Упырь замер.

Я прямо ощутил, как он судорожно сглотнул, пытаясь сообразить, чем можно оправдать свое поведение, потом клыкастая пасть разжалась, когти на лапе втянулись, он немного сдал назад, сел на попу, поднял вверх усатую морду...

— Не верю.

Глаза бедного усатика наполнились слезами. Ему, несчастной жертве суровых гонений, не верил самый справедливый человек в замке!

— Ну ты еще всхлипни.

Кот опустил голову. Да, он понимает, трудно поверить, что это была лишь самозащита от мира, не померно жестокого к таким маленьким существам.

— Типа ты ни при чем?

Мохнатая двуличная тварь легко поднялась на задние лапы, передними аккуратно тронув меня. Преданный взор был исполнен надежды.

— Вот сейчас пинка под зад!

Он опустился на камень, задумался, обернув себя хвостом, потом недоумевающе наклонил голову. Воля ваша, дескать, но за что?

— А кто меня укусить пытался?

«Я? Когда?!»

— Нет, все-таки пинка. И тапочкой по хребтине.

«Эх, господин барон... А я-то думал, что вы тут единственный нормальный человек».

— Будешь давить на жалость, отправлю в город. Там полно собак.

Упырь хищно улыбнулся, облизываясь.

— Ладно, иди сюда. Пусть лицемер, зато пушистый и теплый. Это уже немало, да?

Кот одним прыжком оказался у меня на руках, обнюхал по привычке шею, щекоча усами, потом огляделся, чуть слышно фыркнул. Наверняка считает себя тонким манипулятором. Один из волонтеров, стоявший у стены с веником в руке, смотрел как-то совсем обалдело. Что это с ним?

Кстати, ведь и в самом деле я единственный, на кого этот зубастый террорист ни разу не нападал. Это потому, что только я додумался угостить его мо-

локом? Хотя скорее дело в запахе валерьянки, которым я пропитался во время весенней ревизии. До сих пор не выветрилось, столько было употреблено. Не мной, а из-за меня. Есть чем гордиться, да.

Два часа спустя я все-таки смог оторваться от работы и разогнуться, пройдясь по комнате и остановившись у окна. Мебель в кабинете стояла антикварная, и по уму за работу на ней надо было делать доплату, как за особо вредную для организма. Но кто ж меня пожалеет? Вот даже рыцари прислали кучу ненужных бумажек — я понимаю, святое дело утопить нового начальника в отчетах, только зачем они мне? Вроде договорились, что в городские финансы я не лезу, чего нервничают? Или есть поводы?

Внизу раздались жуткие крики, и по двору пробежали сначала несколько волонтеров, потом стражник и, наконец, гнавшийся за ними козел. Кажется, кто-то из бегущих с надеждой смотрел в сторону моего окна, но спускаться было лень. Их там много, Зверь один, пусть договариваются. Скажите спасибо, что я хоть кота у себя оставил, все послабление.

Стук в дверь оторвал меня от размышлений о причинах нервозности магистратских чинуш, вылившейся в бумагопад на мою голову.

— Войдите!

Первым в дверь прошло копье.

Держала его обеими руками Марти, идущая, судя по выражению лица, на смертный бой во имя Света.

Входящие за ней пажи были смущены, переминались, топтались с ноги на ногу, но, тем не менее, смотрелись подозрительно. Начала, кто бы сомневался, девушка:

— Мы все знаем!

— Да? И где же останки?

— Чьи?

— То есть вы не знаете?

— Вы его убили?!

— Да я тогда еще не родился!

Девушка смотрела на меня как красный комиссар на белогвардейца, остальные пажи изображали массовку, показывая всеми конечностями, что эта идея вовсе не их, что они тут совершенно случайно и вообще, только вот непоняточка есть, как бы разрешить ее?

— Я имел в виду Рудольфа Дизеля. Очень таинственное исчезновение, а тут как раз человек, который все знает — грех не воспользоваться случаем. А что имели в виду вы?

— Вашего брата!

подавив желание почесать в затылке, я быстро припомнил родственников. У мамы с папой я единственный ребенок, ну есть еще двоюродных парочка, только при чем тут они?

— Какого брата?

— Вот этого! Признавайтесь, где он?!

И передо мной на стол легла... распечатка фотографии с сайта! Точнее, мое «доброе» лицо.

— Это не вы! Я изучала рисование и точно могу сказать, что в вас от этого человека нет ничего!

С удовольствием разглядев фотку, я открыл ящик стола, порывшись, наконец, нашел оба варианта и сравнил их. Да, недооцениваю себя, а ведь какой талант! Вообще-то трюк с лицом мне подсказала одна знакомая, начинающая актриса. Давно было, лет двадцать назад, но в свободное время она любила разглядывать физиономии окружающих и давать советы по имиджу. Я к ней, правда, за другим бегал, но со временем и полученное в перерывах пригодилось.

— Значит, говорите, что вам нужен мой брат? — Сказано было с минорно-угрожающей интонацией — жестче скулы, злой наклон головы. И все это освещается только одной настольной лампой, под которой греется насмешливо поднявший уши Упырь. — Так вот же он. — Я, не обращая внимания на наставленное на меня копьё, сдвинул лампу, откинулся, подняв голову, и очаровательно улыбнулся, воспроизведя образ, принятый для «фото хорошего барона».

— Господи, он еще и оборотень.

— Доживите до моих лет и не такими станете. — Я прошел мимо сжавшихся пажей, сел в кресло. — Как, впрочем, и любой занимающийся бизнесом всерьез, дорогие мои. А теперь объясните мне, чья это была затея и чего вы хотели добиться? — И легким движением лица превратился в барона «злого». Так привычнее и для меня, и для них.

Дальше была смешная сценка с переругиванием, обвинениями в духе «А ты! Нет это ты!» и шипением недовольной девушки. Я, как положено, направлял разошедшихся в поиске истины пажей друг на дружку, вылавливая крупницы истины. Выяснилось, что наслушавшись небылиц от «не скажу кого» и решив, что так, как я поступил с ней, настоящий барон поступить не может, Марти затеяла расследование. Вчера, в пылу пьянки, случайно подслушав какую-то фразу, она, не желая ошибаться, истолковала ее по-своему, сочла меня за монстра и, весь день обрабатывая друзей, все-таки уговорила их прийти ко мне, «прижать злодея к стене».

Ох, чего только не бывает в жизни! Ну подумать только — принять живого человека, с которым знакомы уже несколько дней, за какое-то чудовище.

Взрослые ж люди... хотя какое там, ей лет девятнадцать. Начитаются фэнтези, а потом на работодателей с копьями кидаются!

— И вообще, какая вам разница? — Я продолжал обвинительно-воспитательную речь, не столько усовещивания пажей ради, сколько для собственно развлечения. — Вы служите барону Гравштайну — я он и есть! И по поводу «чудовища»: вы видели, я спокойно стою на солнце и касаюсь серебра. Вот... — Я порылся в кармане, доставая мелочь, и повертел монетку в пальцах. — Видите? Даже с собой ношу.

— Это золото! — В голос Марти мгновенно вернулось подозрение.

— Хм, в самом деле. — Я с любопытством рассмотрел металлический кружок. Действительно, золото, причем старое, вроде бы испанская монета. Откуда она у меня? Но это потом. — И все равно серебро я в руках держал, те же гравкойны.

— Только в сувенирной упаковке! — Видно было, что боевой подруг уже осознала всю поспешность своего решения и спорила исключительно по привычке никогда не сдаваться.

Я медленно поднял чашечку с остатками кофе, допил, стараясь не морщиться, вытащил ложечку, на показ облизнул и со звоном уронил обратно. Белый светлый металл окончательно добил моего самого скандального пажа. Эх-хе, доброта моя и мягкость, что же вы делаете?.. Отсутствуете! Как, впрочем, и всегда.

— Смирно. — Короткая перетасовка, и пажи, выстроившись по росту, вытянулись, преданно поедая начальство глазами. — Хвалю за бдительность. — Все тут же заулыбались. — И порицаю за столь скверно выполненную проверку. Перед визитом к начальству,

сначала собираются неопровержимые доказательства, и только потом предъявляются претензии. — Запереминались, нервничают. Вообще следовало бы их пропесочить и наградить чем-нибудь, вроде ночного дежурства, но лень. — Кстати, Умник — где твой наградной щит?

— Один момент, ваша милость!

Ван Клифф выскочил за дверь и мигом вернулся. Щит он тащил за собой на коляске вроде тех, с какими теперь бегают по магазинам пенсионерки.

— Как видите, он всегда со мной и нисколько не мешает! — И похлопал по металлу.

— Ну что же, хвалю. — Я говорил, улыбаясь, но Умник отчего-то поник, а остальные пажи вдруг стали расползаться от него в стороны. — Ты в самом деле умен и сообразителен. Думаю, ты достоин дополнительной награды. Марти — копье! — Я, не глядя, протянул руку и, когда девушка отдала оружие, передал его окончательно поникшему пажу. — Тот, кто справился так быстро с одной задачей, может носить не только щит. Теперь, надеюсь, ты в любой момент подашь мне еще и это. Бросать и отходить от знаков своего достоинства больше чем на пять шагов запрещаю.

— Благодарю за доверие, господин барон. — Радости в его голосе не слышалось.

— Отлично. Норман, завтра работаешь на кухне вместе с Марти.

— Меня-то за что?!

— За то, что, будучи старше и опытней, не указал боевому подругу на некоторую сомнительность сделанных ею выводов. И к чему это привело? Вон, у меня Упырь проснулся в результате!

Кот еще раз зевнул, показывая белые клыки, и обвел пристальным взглядом пажей, явно выбирая жертву.

— А Роберт будет гонять Умника вокруг замка, показывая, как нужно правильно держать копьё во время бега с тележкой, на которой щит. — Застонали оба, а я вспомнил, что до сих пор никак не прикрыл потайной вход в замковые подземелья. — Дальше, Дэн и Сато, раз у вас к вечеру остается столько энергии, то с утра пойдете к задней калитке, возьмете там камешек побольше и положите на могильную плиту Энедара фон Гравштайна.

— Зач...

— Так надо! А если мне так надо, что вы отвечаете?

— Будет сделано, господин барон!

— Хорошо. Ну и, наконец, чтобы улучшить образовательно-испытательный процесс, соизвольте отныне каждый вечер сдавать отчет о том, как вы провели день. Слов этак на тысячу, не больше. Коротенько, самую суть.

А то мне камин топить нечем.

— Да, господин барон.

— Ступайте, время позднее.

Девушка, сообразившая, что ей сейчас будут говорить «облагодетельствованные» собратья по учебе, насупленно посмотрела на меня и выскочила. За ней потянулись остальные пажи, задержался только Дэн.

— Господин барон, мы ни секунды не сомневались. Но наш боевой подруг... это стихия, ей невозможно противостоять! — Он прижал обе руки к сердцу и скорчил покаянную рожу, после чего удалился, аккуратно закрыв за собой дверь.

Мы с Упырем переглянулись и одновременно расплылись в улыбке.

Вот было у меня меланхоличное настроение, а набросал заданий подвернувшимся под руку несчастным — и сразу бодр и весел!

Эх, люблю я свою работу!

«Как вы думаете, барон Гравштайн один такой в своем роде?»

Не знаю, но Ту Самую Могилу вчера завалили здоровенным валуном! Видимо, кто-то еще может выбраться?»

Из комментариев на сайте
музея «Замок Гравштайн».

Выплюнув черешневую косточку, я проследил за траекторией ее падения с башни и повернулся к фон Шнитце:

— Скучно, Эгельберт. Может, почтальона арестовать?

— Но за что?

— За связь с нечистой силой.

— Простите, господин барон?

— Я слежу за ним уже третью неделю, и ни разу за все это время он не опоздал больше, чем на минуту. Поверьте бывалому человеку, так наладить доставку без договора с Князем Тьмы — невозможно!

— Александэр, вы тут очень ошибаетесь! Мы, эскенландцы, способны...

Дальше я не слушал, лишь для приличия кивая. Мне было скучно.

За прошедшую неделю как-то само собой, то есть почти без мата и беготни, наладилось практически все. Туристы посещали замок шесть раз

в день, плюс совместные завтрак и обед (управляющий все-таки додавил меня, пришлось согласиться). Ввели дополнительный аттракцион: ночевка «посредневековому», в трапезной, на охапках соломы, брошенных под столами. Почему-то это пользовалось гораздо большим успехом, чем комфортабельные комнаты с современной мебелью. Вставали туристы утром со стонами и кряхтеньем, зато довольные!

Удалось выяснить происхождение воя и стонов — Упырь. Котяра ныкался по вентиляционным ходам, иногда отводя душу в концертах. Причудливая акустика в самом деле доносила звуки до камер темницы в странно искаженном виде. Впрочем, рассказывать это мы никому не торопились, нечего лишать замок атмосферы древней тайны.

Волонтеры развлекались вовсю, пересказывая мои сочиненные на ходу небылицы как древние предания, реставрация шла внушающими уважение темпами, пусть и выполнялись лишь самые простые работы — восстановление росписей решили отложить. В городе все тоже было в порядке.

Скучно.

— Александр, что с вами?

— Не знаю, о чем я тоскую, покоя душе моей нет. — Старик просиял, услышав знакомые строки. Романтичный все-таки народ, эти эскенландцы. — Думаю вот, чем бы заняться?

Конечно, совершенно непедагогично раскрывать самую страшную тайну руководства — что иногда оно просто бездумно отдыхает, а не пашет во славу трудового процесса. Но мне требовалось какое-нибудь занятие!

Привычные методы борьбы со скукой не каналы.

Пить — не выход. Во-первых, элементарно не с кем.

Пажи — молодые, с ними не о чем выпить. Эгтимладший, так же как его отец, конечно, составили бы компанию, но это не развлечение бы получилось, а использование служебного положения, все-таки, как тут ни крути, я — барон, а они — семья управляющих. Волонтеры — не вариант, у них свои развлечения. Хотя мелькала мысль устроить что-то вроде фестиваля, только повод нужен, солидный. Надо будет покопаться в истории эсков, обязательно должна быть на подходе какая-нибудь дата, тогда и оттянусь.

Женщины? Мда. Тут туристки с крепким телом, ты их в дверь, они в окно.

Мужик должен быть охотником, а не добычей! Охота же на меня велась постоянно. Вот ведь никогда не был секс-символом, ну рост выше среднего, ну морда не совсем страшная — но тут я прямо видел, как в глазах приезжих дамочек загоралось «Добыча! Взять!».

Была у меня знакомая, неглупая, вроде бы, баба, но как-то раз вдруг сказала, что мы ничего не понимаем и будь она мужиком — а дальше перечислила все те поступки, из-за которых мои друзья приобретали себе различные проблемы, от финансовых потерь до проблем со здоровьем и законом. Но она была уверена, что мы просто проходим мимо своего шанса. Ага, как же.

Глядя на эти хищные милые улыбки, слушая постоянное «господин барон, что вы делаете сегодня вечером?», «господин барон, вы не могли бы» и «господин барон, я так давно мечтала» — хотелось уползти в норы к Упырю.

Нет уж, ни поцелуя без любви! Можно, конечно, уехать куда-нибудь, чай не прикован, только уезжать было лень.

Еще можно заняться работой. О, фон Шнитце, только намекни, и работы будет больше, чем надо! Я оглянулся: управляющий стоял рядом, чего-то выжидавая. Может, как раз намек? Ну что же:

— Говорят, однажды в Дании одна девочка пришла в школу с крестиком, а ей говорят — «Сними крестик», а она не сняла. И ее распяли на кресте!

Старик задумчиво пожевал губами, несколько раз двинул бровью, посмотрел на меня и осторожно ответил:

— Господин барон, я все-же думаю, что в чем-то эта история не совсем... м-м-м... верна.

— Это было тысячу лет назад.

Его лицо мгновенно прояснилось.

— О, тогда это действительно могло произойти! Где вы слышали такое интересное предание?

— Старики рассказывали...

Я вздохнул. Чувство юмора у старика было, но очень своеобразное, и большинства моих анекдотов он не понимал. Или не хотел понимать.

Скучно, однако. Надо чем-то заняться, а то начну чудить!

— Кстати, это предание служит доказательством того, что уже в те века в Дании были школы и в них, наравне с мужчинами, обучались женщины! — вдруг изрекла боевой подруг.

Мы с Эгельбертом покосились на Марти и громко промолчали.

Вчера она все-таки всадила три ножика подряд в среднюю мишень и с боем вырвала право стать ассистентом начальника стражи. Через час он при-

слал ее Эгги. Еще через час тот отправил девушку к отцу. Старик долго пытался оторваться, бегая по замку, но не смог, несмотря на всю свою шустрость, и сдается мне, сюда, на башню, он поднялся, чтобы я как-то унял боевого подруга.

Эх, эту энергию бы да в мирных целях!.. Меня-то она хоть немного опасается.

Вообще я не переставал поражаться, насколько эти ребята, мои пажи, воспринимали все происходящее всерьез. Ну казалось бы — потратили они не так, чтобы маленькие, но и не особенно большие деньги на какие-то курсы, по сути — театрализованный отдых. Неужели они не понимали, что не так уж много и получают? И что в любой момент можно сорваться и уехать по действительно важным делам, вместо того чтобы позволять над собой измываться?

Видимо, нет.

Больше того — Эгги сообщил, что собирают очередь на второй набор оруженосцев, и кое-кто из волонтеров (наверняка с подачи одного бравого усача) открыл что-то вроде курсов подготовки.

Хотя, чего я удивляюсь, вон, целая небольшая страна считает, что если делать вид, что все идет как положено, то все будет идти именно так. Ох уж эти эски!..

— Пойду проинспектирую подвал. Группа уже ушла?

— Да, Александэр. — Фон Шнитце с надеждой уставился на меня, но я, будучи тираном и деспотом, Марти с собой не взял.

Давненько я не был в тюрьме! Уже неделю. Во-первых, мне там не нравится. Не потому, что там жертвы моего произвола, а потому, что там туристы. Во-вторых, с туристами там постоянно что-то слу-

чается — то в пыточной кто-то руки-ноги вывихнет, проверяя кандалы на прочность, то какие-то азиаты дружно умудрились всей экскурсией запереться в пустой камере. То еще зрелище, двадцать два человека печально смотрят на бегущего по стенам от волнения Эдгара и фотографируют без остановки — бедняга чуть своими руками решетку не выломал. Ничего, теперь мы еще и фотки делаем, «зарешеченные». Особенно охотно их берут американцы.

Из первой от двери камеры доносились стоны. Налоговик, приятно удивленный капающим ему процентом, так же как большинство его земляков в подобной ситуации, начал повышать мастерство — делал вокальные упражнения для развития голоса, долго и вдумчиво работал над костюмом. Все-таки умеют местные трудиться, даже меня впечатлило.

— Вы, любезный Отто, не тем делом занимались, вам надо было на сцену идти. Такой талант пропадает! Как только отсидите, обязательно запишитесь на курсы актерского мастерства.

— Благодарю, господин барон, я очень польщен. Думаю, ввести в репертуар что-нибудь из узнаваемой классики.

Мытарь поменял выражение лица на более трагическое.

— Лучше активнее жестикулируйте, располагайте образ трехмерно!

Шрайбер задумался, наугад повел рукой, уставился на ладонь, несколько раз приложил ее то к животу, то к груди, прикидывая.

— Гениально! Вот чего мне не хватало!

— Рад помочь. Условия содержания приемлемые?

— С учетом того, что я все еще считаю мое задержание произволом...

— ...полностью соответствующим местным законам, так что скорее — это просто рабочий момент.

— Допустим. Условия — приличные. Но я возмущен! Почему у моего соседа дверь открыта, а у меня — нет?!

— Ну, вы кажетесь относительно приличным человеком, вот, даже искра актерского таланта свидетельствует, что вы просто сбились с пути в какой-то момент. А сосед ваш — человек конченный. Банкир... По другую сторону от него, как вы заметили, сидит постоянно голодный людоед. Мы не теряем надежды, что однажды они найдут друг друга.

— О... понимаю. Но боюсь, у бедняги африканца нет шансов.

Тут я был с ним согласен.

Покивав мытарю, начавшему отрабатывать в третьей октаве наиболее берущие за душу стоны и проклятья, я прошел дальше.

Две следующие двери были открыты.

Негр сейчас бегал где-то наверху, в камеру он спускался только перед экскурсией. Чернокожий, узнав, что артистичные стенания налогового оплачиваются наличными, поначалу объявил забастовку. Я пригрозил, что он еще и голодовку объявит, африканец пошел на попятную, и мы пришли к соглашению. Теперь «дикий людоед» обычно шлялся где-то наверху, в часы посещений спускался, запирал камеру и встречал туристов обглаживая здоровенный мосол, сверкал глазами, восклицал что-то неразборчивое и тянул к ним руки. Однажды, увлекшись, чуть не утащил к себе неосторожного финна, вцепившись зубами в рукав куртки, но остальные туристы отбили собрата и попытались ворваться в камеру. Пришлось вмешиваться, защищать «эмоциональное, но дурное

дита природы», позволив всем дамочкам сфоткаться с лыбящимся «выдающимся экземпляром». Мужики смотрели мрачно и исподтишка грозили негру кулаками.

Финн, пребывавший в привычной меланхоличности организма, кажется, даже не понял, что его пытались съесть.

Шрайбер очень ревновал к успеху негритянского театра и стонал потом вдвое пронзительнее. Но оба заключенных никак не могли заткнуть истинную звезду. Блюмшилд сидел в своей камере с открытой дверью, злобно поблескивая на проходящих мимо глазами. В темноте его было сложно разглядеть, да и запахок, несмотря на ежедневную уборку, чувствовался, но каждый турист норовил сделать памятную фотографию именно на фоне этой камеры. Было интересно наблюдать, как люди с одухотворенно-мечтательными лицами отходят от таблички с объяснением его провинностей (мы долго придумывали ее с Эгги и в результате честно описали все как есть). Не любят банкиров почему-то. Причем вне зависимости от национальности.

В любом случае очередь на место тюремщика уже расписана до самого конца лета. Пока, правда, пыточная камера не пригодилась, но трое хвастались, что почти сумели пустить в ход плетку, выманив ростовщика за пределы камеры.

Собственно, потому и пахло — он же не мылся. Шрайбера за хорошее поведение выпускали на два часа ежевечерне, негра и вовсе использовали кто как хотел — в смысле перетащить что-нибудь или подмести. Но банкир трусил.

Вообще я молодец. Две недели баронствую, а уже три узника в подвалах. Мытарь, ростовщик и людоед.

Кого бы еще добавить, для комплекта? Журналиста, может быть? Или...

У двери крайней камеры я остановился. Странно, решетка заперта... Я сюда не спускался дней пять, но точно помню, что тогда эта, последняя, самая дальняя от входа камера, была открыта. Оглянувшись, кивнул тут же поспешившему ко мне старшему стражнику. Вообще-то, Фиску по статусу надо было бы устроить повышение, но уж больно он тут колоритно смотрелся.

— За что сидит этот... — я покрутил пальцами, подыскивая определение, — пленник? И кто посадил?

— Так согласно распоряжению вашей милости. За самозванство. — Эдгар пожал плечами. — Заявился, начал требовать чего-то. Вот, — он протянул журнал, — назвался вашим другом... их тогда много было, и друзей и родственников.

— Да, помню. Настоящее нашествие.

— Ага. Ну мы сначала каждому объясняли, все понимали, да, а этот все горячился, грозил, что вы будете недовольны. Ну и посадили. На дверь повесили — «Бродяга и мошенник». Разве вам не докладывали?

Я еще раз подошел к двери. Что-то в лежащем было очень знакомо... ну просто очень-очень.

— Он еще почему-то называл вас арабским именем. Шурак, кажется.

Закрыв глаза, я прикрыл их для надежности ладонью. Потом протянул руку в сторону, Фиск тут же вложил в нее ключи. Когда хорошо смазанная дверь почти без звука отворилась, лежащий недовольно дернул плечом, мол, не мешайте. Я кашлянул:

— Гхм. Эй, Шеф, ты как?

— Кто там? — Заключенный поднял голову с подушки и недовольно обернулся. — А, Саш, ты. Привет. Чего пришел?

— То есть как — чего? Ты это, извини, мои дуболемы исполнительные виноваты, не знал, что ты прилетел.

— Да я понял, понял. — Невысокий плотный мужчина приподнялся на лежанке и вдруг заразительно потянулся, зевнув. — Знал бы ты, Шурик, как я хорошо отдыхаю! Первые два дня бесился, как там все без меня, но твой цербер не выпускал, даже один раз звякнуть на волю не дал. Строгий, ты его цени!

— Ценю. — Я мрачно посмотрел на стражника, и тот, уловив интонацию, виновато потупился. — Давай на выход с вещами. Отмотал ты срок за преступление против моей милости, переводись на вольное. Или тебя в больничку сразу?

— Нет, я в порядке. Представь, неделю сплю сколько влезет, питание простое и здоровое, а главное — никто ничего не требует и даже не просит. Прямо курорт! Настоящий, не какое-то альпийское недоразумение.

— Так ты обращайся, если что. У меня тут и кандалы есть, для силовой гимнастики, и пыточная с дыбой, суставы лечить и осанку восстанавливать.

— Оправдываешь фамилию?

— Как замок называется, в курсе?

— Уже поржал. — Он вдруг откинулся поудобнее. — Знаешь, я, пожалуй, тут еще немного посижу. Ты как, не против?

— За бизнес не боишься?

— Да пошел он! Я тут о жизни думаю, никуда не тороплюсь.

— Кто вы такой и как смогли принять облик моего друга?

— Смешно. Но ведь в самом деле! К тому же тут одна дамочка уже третий раз приходит и так жалостливо на меня смотрит... дождусь-ка я сегодняшней вечерней толпы.

— Ну, тогда сидишь без всяких поблажек. Тут народ такой, не поймут нарушения правил.

— Да пусть! Зато теперь никто из нашего брата-олигарха не сможет упрекнуть, что я жизни не знаю! Я сидел там, куда им никогда не попасть, сколько из бюджета ни выгнали!

— Так ты это, чего прилетел? Неужто решил все-таки в политику удариться?

— Шурик, веришь, я сюда просто так приехал, посмотреть. Как турист!

Не верю. Это я, простой парень от сохи, а чтобы такая хитрая морда сделала что-то «просто так»? Да он даже в туалет ходит с пятиходовой интригой!

От рыцарского звания Шеф не отказался бы, силен в нем дух романтизма. Но из моих рук — не подobaет. Это двадцать лет назад мы были друзьями, сейчас отношения другие, да и его нынешние знакомые могут не понять. Но, тем не менее, он здесь, причем даже делает вид, что ему тут ну так нравится, что аж уходить не хочется, даже туристку сердобольную придумал. Ладно, жалко, что ли...

— Жалобы, просьбы есть?

— У тебя тут похавать что-то бывает, кроме каши?

— Шо, буржуй, народная еда не по вкусу? Если надоела каша, пятьсот раз отожмись и пятьсот раз присядь, тогда получишь хлеба с вареньем!

— Саш, ты сдурел? Я же сдохну!

— Хочешь сладенького? Работай!

— Мне бы чего полегче!

— Сейчас на тебя кандалы наденут! По десять кило на каждую конечность, итого пятьдесят.

— Шурик, ты точно посчитал?

— Руки, ноги, язык. Или ты еще о чем-то подумал?

Насколько я знаю этого прохиндея, на ужин у него будет все то же самое, что и у меня, только кухарка еще и добавку подкладывать станет. Причем не удивлюсь, что это все у него было уже в первый вечер. Сейчас Шеф выглядел благодушным и самую малость лукавым. Ну да, как же. Верю. Нет, он может быть и честным, и искренним, только... я его лучше всех ныне живущих знаю, и он это понимает. И все равно комедь ломает... ой что-то здесь не так!

Шеф, поняв, о чем я думаю, демонстративно вытянулся на досках, закинув руки за голову. Потом с превосходством посмотрел на меня, извлек из-под подушки шоколадку, не торопясь развернул и, откусив, задумчиво изрек:

— Шурик, у тебя такие добрые подданные... Береги их!

— Что ты им наплел за шоколадку?

— Рассказал пару историй из юных лет.

— Тянущих лет на двадцать по совокупности?

— Не больше пяточка. Можешь быть спокоен, про тебя ни слова.

— Это хорошо. Не придется камеру замуровывать. — Я хмыкнул и переспросил еще раз: — Ты точно на свободу не рвешься? А то давай устроим тебе побег? С драками, погоней и перестрелками?

— Знаешь, Шурик, твою инициативу надо держать на поводке. А то ты такого натворишь! — Он недовольно покосился на меня. Недовольно потому, что я никак не отреагировал на шоколадку. —

Нет уж, я останусь тут сидеть, и пусть тебе будет стыдно!

— Мне?

— Ах да, откуда у Могилы стыд? — Он неожиданно замер, потом улыбнулся: — Ты иди, Саш. Я тут до вечера покемарю, в самом деле, когда еще выдастся... ну с детства мечтал же — граф Монте-Кристо, одиночная камера, несправедливо заключенный и настоящий древний замок!

— Купи себе такой же и воплощай мечты на здоровье. Можно вот так, как я, друзей по соседним камерам рассадить.

— Не, это не то, это постановка получится. А тут прямо как по-настоящему.

— Ну тогда сиди. — Сейчас я уже был не уверен, правду он говорит или нет. — Пойду дальше, у меня тут...

— Куча дел, господин барон?

— Скука у меня тут. Все дела переделаны.

— Это ты не беспокойся. — Он догрыз последний кусочек и, скомкав обертку, сунул ее обратно под подушку... как делал это с тех пор, когда я впервые встретил комсорга нашего факультета в общежитии. — Заскучать не удастся.

И буркнув что-то неразборчивое, повернулся на бок, натянув одеяло на голову.

Мне сразу захотелось пнуть его в зад. С-скотина, он что-то знает, но молчит! И хрен выгащишь.. хотя у меня тут пыточная рядом... Впрочем, все равно не скажет.

— Эдгар, наш гость побудет здесь еще некоторое время на правах заключенного. Если он захочет уйти, вызовите ему машину.

— Да, господин барон.

Я шел по коридорам, размышляя о встрече. Нет, друзьями мы не были, слишком мы разные. Он — верхолаз, настоящий авантюрист, с головой, стальными нервами и даже без намеков на совесть, мне таким не стать. Но все-таки какая-то приязнь у нас наличествовала, готов поклясться, что и я для него был не просто доверенным работником. Это значит, что меня он сдаст только, если будет очень нужно, по мелочи пакостить не в характере Шефа. Но — отвернулся. И промолчал.

И не стал уходить.

То, чего я боялся с момента приезда в замок, нависало все отчетливее — большая, говняная, международная политика и ее брат-близнец большой бизнес. Эта парочка не признает ни жалости, ни дружбы, ни клятв — только рациональность. И мне не хотелось впускать ее в немножечко сказочный мир Гравштайна.

Но Шеф все-таки не ушел, и даже охрана его не отработала эвакуацию.

Мысли в голове вертелись все активнее, скука исчезла. Нет, маловато баронство, не тот масштаб, но... мой старый приятель здесь, а это значит, что...

Додумать я не успел.

Яркое послеполуденное солнце ослепило на выходе из здания, я машинально зажмурился.

— Господин Могила фон Гравштайн?

— Да, это я. С кем имею честь? — Отморгавшись, я оглядел стоящего напротив пожилого мужчину. Высокий, аккуратные усы, серый костюм, шляпа. Типичный пенсионер, только газетки в кармане не хватает. Рядом с «пенсионером» переминались с ноги на ногу два незнакомых полицейских.

— Барон Эвальд фон Веллешварм, ваш сосед. Простите, что без звонка.

— Ничего, я рад каждому коллеге! Заходите, прошу. Что привело вас в мой дом?

— Я пришел объявить вам войну!

Вздыхнув, я закрыл глаза и потер переносицу.

— Не подумайте, что жалуюсь, но это становится однообразным. Пойдемте выпьем?

— Я не употребляю спиртное. Вам лучше начать готовиться, потому что завтра с утра я начинаю боевые действия.

После чего «пенсионер» кивнул, прощаясь, развернулся и потопал к выходу, сопровождаемый, как я только сейчас понял, своей личной охраной.

Мне очень хотелось кинуть ему в спину чем-то тяжелым, но приходилось сдерживаться.

— Простите, Александэр, я искал вас, но не успел предупредить.

Управляющий стоял рядом, нервно теребя папку.

— Эгельберт, почему все приходят ко мне с войной?

— Потому что под войной традиционно подразумевается захват замка. Их же в нашей земле...

— Только два, Гравштайн и Эскенборг. Вопрос снимаю, они сюда так и будут таскаться.

— О, далеко не все. Просто господин фон Веллешварм уже семь лет на пенсии и очень скучает. К тому же как бывший социальный работник он точно знает, на какие льготы и привилегии может рассчитывать. Уверен: если он пришел именно сегодня, то, значит, вчера он закончил составление списка тех прав и возможностей, которыми обладает.

И я еще страдал, что мне скучно!

Дурак, не буди лихо!

«Сколько нужно эсков, чтобы поменять лампочку?

Трое — один будет менять лампочку, второй следить, чтобы все было сделано по правилам, а третий станет напоминать всем о великой истории их народа».

Из сборника анекдотов.

Сморщившись, я покрутил шеей, разминая. За спиной шумно вздохнул Дэн, а сопровождающий фон Веллешварма боец с ненавистью посмотрел на меня и осторожно переложил копье из одной руки в другую.

Битва шла третий час.

Противник оказался опытным, безжалостным и точно знающим, чего он хочет. А хотел он мой замок... Я, соответственно, не хотел с замком расставаться, и потому:

— Ну хорошо. Значит, вы говорите, что в соответствии с «Правдой эсков» имеете право на призыв ополчения?

— Я сказал это уже пять раз.

— Конечно, я просто хочу еще раз уточнить.

— Да, имею. Поэтому предлагаю, — фон Веллешварм порылся в лежащей перед ним грудой бумаг и вытащил нужную, — немедленно вам сдаться, чтобы избежать лишнего кровопролития, потому что ваши наличные силы значительно уступают моим. Я готов предложить вам достаточно почетные условия, но...

— Но этот вопрос тоже нужно обсудить. Продолжим?

Дэн особенно душераздирающе вздохнул, а мы с коллегой-бароном изобразили одинаковые вежливые улыбки и придвинули бумаги поближе.

Уйти после объявления войны я ему не позволил. Это не книжный романтик фон Виндифрош, я понимал, что если дать противнику уйти сейчас, то завтра в самом деле придется начать войну, а этого мне не хотелось. На войне, знаете ли, всякое бывает, а мне этого «всякого» хватило в молодости. Поэтому, быстро отослав Марти с надуманным поручением, я пригласил фон Веллешварма на переговоры, своим честным именем гарантируя ему безопасность. Старик в моем слове усомнился, так что мы еще минут пять собачились насчет того, сколько воинов он имеет право привести с собой, сошлись на пяти за дверью и по одному рядом. После чего мы заперлись в библиотеке, обложились книгами и начали бой. Мы мерились размерами стражи и количеством ополчения, угрожали международными санкциями и привлечением внимания общественности, сыпали достоверными цифрами и тут же придуманными аргументами.

Фон Веллешварм подготовился неплохо. Например, привел к присяге не только полицию, но и пожарных, а потому мог прямо сейчас выставить больше сотни бойцов. Зато на территории его баронства находилось лишь несколько деревушек и туристических кемпингов, а в моем распоряжении был второй по величине город полуострова, поэтому, если я соберу ополчение, то шансов будет больше у меня.

Вот только делать это я не хочу совершенно.

Не знаю, что там возомнил о себе дурной старикашка, но начинать драку и лить кровь я не намерен. Как только упадет хоть один окровавленный боец, не важно с какой стороны, пойдут совсем другие игры, с совсем другими правилами.

Формально этот старый козел был в своем праве и действовал абсолютно законно, но, сдается мне, он слабо представлял последствия. В его глазах все выглядело вполне логично: он решительным ударом завоевывает мой замок, становясь де-факто его владельцем, а после голосования и обратного присоединения подтверждает право на «законно приобретенную собственность» де-юре. Не знаю, что он рассчитывает делать с этой исторической развалиной дальше, но вот захотелось сморчку поганому реализоваться в жизни!

И сейчас мне нужно было как-то развернуть его в другом направлении, а потому:

— Боюсь, Эвальд, вы не учитываете всех тонкостей. — Я с шумом захлопнул пыльный сборник кодексов. — Все-таки не количество бойцов решает, а их боевой дух, готовность и вооружение. Поэтому...

Взгляд сидящего напротив старика чуть вильнул, и я замолчал.

До меня вдруг дошло.

Бывает такое, что понимаешь мысли и чувства человека, сидящего напротив. Это не зависит от того, насколько хорошо ты его знаешь, это скорее что-то вроде созвучия. Был у меня знакомый, еще в молодости, он колдуном подрабатывал, задвигал излишне доверчивым про гармонию аур, очищение чакр и так далее, только разговорились мы как-то на кухне и что-то он такое сказал мне — бывают, мол, Шурик, такие моменты, когда и самый циничный прагматик начинает верить в волшебство.

Сейчас я был готов поверить. Потому что не прочитал мысли, а почувствовал, как отставной социальный работник, неожиданно для себя ставший бароном, отчаянно надеется, что я вытащу его из

этой странной ситуации. Похоже, он просто не понял сразу, что мало иметь право и возможность, что придется вести в бой живых людей, рискуя их здоровьем и жизнью. Ему до чертиков не хотелось быть владельцем замка, но он никак не мог отказаться от этого шанса, ведь больше такого не будет, и я даже готов был поклясться, что больше всего ему хочется оказаться на привычном месте в своей конторе, в окружении простых и понятных вещей. И что сам он просто не сможет сделать шаг назад, потому что... все правильно. Он — барон, он имеет право и должен им воспользоваться, это законно и разумно, нормальный человек не упускает подобных возможностей. Но он еще и эскенландец, проживший свои шестьдесят лет в этом тихом и по-своему уютном месте, и он достаточно понимает в жизни, чтобы представлять, чем может кончиться эта затея для тех, кого он привык видеть каждый день, с кем здоровался, обсуждал неторопливые местные новости, ходил по одним улицам.

Он был не готов. Его подхватило волной и поволокло куда-то, куда он не хотел идти, а все, на что хватило его жизненной смекалки — это найти опору в пыльных книгах — неверную опору, на самом деле только подталкивающую к чему-то страшному. Кажется, такое мелькало и в глазах Эгельберта, и у Фиска... у многих. Смутное непонимание того, каким образом они оказались в этом странном положении и столь же смутная надежда, что если принять все как должное — то все, рано или поздно, вернется на круги своя. Помнится, гулял я с Анькой, и уговорила она меня взять напрокат эти чертовы ролики. И вот стою я на них первый раз в жизни, стараюсь не шевелиться, а там уклончик небольшой, и я набираю

скорость, понимая, что сейчас докачусь до первой ямки и грохнусь. И сделать ничего не могу, потому что тогда грохнусь прямо сейчас и остается только надеяться, что там, внизу, как-нибудь обойдется. А склон все круче...

В этом высоком суховатом эске боролись две силы, и мне просто надо было помочь одной из них. Только надо выбрать нужные слова, причем сделать это сейчас, до того, как он уйдет. Он совсем не был жадным дураком, обычный немолодой человек, всю жизнь работавший с правилами и по правилам, и по этим же правилам поступавший сейчас так, как положено. Он просто не смог вовремя понять, чем это кончится, и теперь может только катиться вниз, стараясь не упасть. Как говорится, «жизнь его к такому не готовила». А вот меня...

— Гхм. Война так война. — Стражник удивленно вскинулся от моего тона. — Значит, завтра вы начинаете?

— Господин Могила, я вам об этом уже...

— Отлично. Итак, я согласен! Завтра начнем осаду. Думаю, что раз у меня людей меньше, то мы останемся в стенах замка. Под лагерь советую занять луг рядом с бакалейным магазином Миллера, сэр Эррайн пришлет людей для обустройства.

— Эм... разумно.

— Сейчас и здесь мы, бароны, поклянемся использовать лишь те силы, что находятся в нашем распоряжении в данный момент.

— М-м-м... согласен.

— Хорошо, замковая часовня для этого подойдет. Дэн, метнись к Эгги, пусть настроит технику для записи. Эвальд, вы не возражаете против публично-

сти? — Я старался не частить, но говорить как можно напористей.

— Ничуть. Я так же...

Не давая ему договорить, я продолжил:

— Медицинскую палатку поставим слева, на месте парковки.

— Медицинская палатка?

— Обладающая статусом неприкосновенности, чему порукой мое и ваше слово.

— Хм. Да, есть смысл. Но законы об этом, к сожалению...

— Мой дорогой сосед, законы тут — мы с вами. Я бы сформулировал это так, если подходящих законов нет, то можно делать все, что не расстроит вашу маму. Что она сказала бы о такой палатке?

Старик оживал на глазах.

— Согласилась бы! Она двадцать лет заведовала отделением в местной больнице.

— Тогда сейчас я отдам приказ, выделите своего медика, и завтра с утра начнем воевать.

— Почему завтра?

— Хочу успеть установить туристические трибуны. Прибыль с них — пополам.

— Хм. Не уверен, что это соответствует рыцарским принципам.

— Война должна кормить себя!

— Тогда вам треть, а мне остальное, по количеству воинов!

— Вам сорок процентов, мне столько же, и двадцать процентов отчисления на медиков, рекламу и дополнительных экскурсоводов. Надо будет внимательно следить за туристами, а лишних бойцов нет ни у вас, ни у меня.

— Интересно! У вас вдвое меньше солдат и вам равная доля?

— Разумеется. У меня замок, а смысл всей вашей затеи в том, чтобы его отобрать. К тому же основной поток зрителей обеспечу я!

— И еще снимете сливки с повывисившихся продаж у городских торговцев!

Мы орали друг на друга довольно активно, что парадоксальным образом успокоило и веллешвармца и Дэна. Правда, в дверь несколько раз заглядывали из прихожей, но, убедившись, что мы всего лишь хватаем друг друга за руки и грозимся толстыми томами законов, закрывали дверь.

Наконец, еще через сорок минут споров, мы пришли к соглашению. Ополчения не собираем, бьются только воины, министерялы и пажи, имеющиеся при каждом на данный момент, сами боевые действия начинаются по сигналу независимого наблюдателя и заканчиваются так же. Мы, своим баронским словом, гарантируем безопасность каждого мирного жителя. Оставалась масса тонкостей, к примеру — кто оплачивает места для автомашин бойцов Веллешварма? — но это мы дружно спихнули на помощников, сойдясь в главном.

На прощание, после короткой, но официальной церемонии в часовне, значительно приободрившийся агрессор гордо подбоченился:

— Зря вы так рассчитываете на доходы от зрителей, фон Гравштайн, мы возьмем замок за день!

— И потеряете прибыль от всего мероприятия? Ну-ну, а кто-то мне говорил, что эски народ хозяйственный. — Последнее я сказал торчащему рядом с камерой в руке Эгги, но фон Веллешварм недовольно покосился на своих призадумавшихся стра-

жей. Идеологическая диверсия, первая из запланированных, прошла успешно.

Стоя у ворот, я проводил незваных гостей, помахав вслед, и, повернувшись, обнаружил за спиной Сато, Марти и Дэна. Все трое глядели на меня с сомнением, пусть и азартным.

— Ну что смотрите? Говорил же я — жизнь барона это... — Я многозначительно замолчал.

— Охота, пиры и война! — Скандируют дружно, но вопрос из глаз не пропал. Вообще-то да, на войну они не подписывались, так же как волонтеры. Да и мне воевать совсем не хочется, поэтому надо будет что-то придумывать.

— Именно! Дэн, ищи Нормана, бери у него список вооружения. Вы доспехи себе подобрали?

— Да, господин барон!

— Славно. Марти, на кухню... не перебивать! Проверить все продуктовые запасы, отдельно — фураж для животных. Понятно зачем?

— Ага, будет осада. Но мы же договорились...

— Мало ли? Война многое списывает. Сато — в город, передай сэру Эррайну и сэру Ульффрику результаты наших переговоров... быстрее, темнеет уже.

Молодежь мгновенно разбежалась, Сато к велосипеду, Марти на ходу вытаскивала из кармана блокнот.

Сам я чувствовал азарт пополам с озадаченностью. Мне нужно было как-то выиграть войну, имея толпу гражданских волонтеров против сборной солянки веллешвармских полицейских, пожарных и резервистов. Черт, у меня же четверть «бойцов» вообще женщины, а парочка и вовсе старше семидесяти! Как быть, не знаю, но замка мне жалко, так

что обязательно нужно победить и при этом никого не то что не убить — зазря не поцарапать даже!

Закрыв глаза, я глубоко вздохнул, постоял секунд десять — максимум, который мог себе выделить, а потом решительно двинулся к замку.

Заключенный дремал, положив руки за голову и чему-то улыбаясь.

— С вещами на выход!

На стук решетки он только чуть-чуть приоткрыл глаза.

— С чего это? Мне еще до вечерней экскурсии досиживать!

— Амнистия в честь дня Святого Эгберта. Конкретно ты под нее подпадаешь.

— Гад ты все-таки, Могила. Не даешь человеку отдохнуть!

— Сваливай в темпе, мне войну объявили, завтра осада начнется.

Шеф мгновенно подхватился, вытащив из-под койки туфли, а из-под подушки телефон. На мой скептический взгляд он просто пожал плечами:

— Подарок бедному узнику от прекрасной и милосердной дамы.

— Жулик.

— Артист, Саш, артист. Жулик у нас ты! Знаешь, что я тебе скажу? — Он остановился у двери и оглядел свою камеру. — Теперь мне все завидовать будут. Потому что никто из нашего брата в такой тюрьме не сидел!

— Присылай желающих ко мне, возьму побожески, деньги пополам. Кстати, больше ничего добавить не хочешь?

— Ты о чем, Шурик?

Глаза у него были абсолютно искренними.

— Да так, о всяком. Значит, нечего добавить?

Шеф выглянул за дверь, потом взял меня за плечо и очень серьезно сообщил:

— Ты, Саш, отлично со всем справляешься. То, что от тебя зависит, ты всегда доводишь до конца. Это отличное качество, за него я тебя и ценю. — После чего шустро переместился в коридор, отвесил какой-то комплимент Фиску и, насвистывая, быстро утопал к лестнице.

Поморщившись, я проводил его взглядом и вытащил телефон. Гудки, гудки... ну где же ты! А, вот:

— Элька? Привет.

— Саш, что случилось? Опять напился с друзьями и решил позвонить... — Поначалу тихий голос бывшей начал обретать мощь, достойную скандала, и мне это было не нужно.

— Тетя Вера жива еще?

В трубке все смолкло, потом абсолютно нормальный голос ответил:

— Да что ей сделается, она нас всех переживет.

— Это хорошо. Привет ей передай, а то как-то забыл в беготне.

— Как скажешь. У тебя там все нормально?

— Да так, мелкие неурядицы. Вспомнил вот о тетке, решил позвонить. Что там девчонки?

Минуты две я слушал ее рассказ, поддакивая, потом попрощался, сунул телефон в карман и так же, как Шеф, кивнув стражнику, пошел на выход. Заготовка старая, времен начала нулевых, но я не сомневался, что Эля вспомнит. Никакой тети Веры не существовало, был старый друг ее отца, мужик дремучий, зато надежный и всегда с удовольствием принимавший «племяшек». Черт, у Аньки скоро дняха, а я мало того, что сам приехать не смогу, так еще

и через мать отправляю их подальше от друзей... надо подумать, чем откупиться.

Дальше меня подхватил поток срочных дел. В замок текла река продуктов и припасов, нужно было решать, где ставить трибуны, искать под них материалы, устанавливать освещение, обустривать место под медицинскую палатку, предупредить арендаторов, отвечать на вопросы горожан, командовать волонтерами, проверять, подсказывать, решать. Попутно я все-таки догадался провести среди своих слуг опрос, готовы ли они вообще участвовать в войне? На удивление, согласились практически все. Наверное, я слишком безмятежно выглядел, никто не верил в какие-то опасности: люди азартно расхватывали доспехи и оружие, помогали друг другу их надеть, кто-то что-то уже напевал такое воинственное. Сложнее всего пришлось Марти, беспокоясь о сохранности боевого подруга, ей выдали чудовищно прочный и столь же неудобный доспех, плюс не по размеру подобранный шлем от другого комплекта. Смотреть теперь девушка могла только прямо перед собой, зато защищена оказалась лучше всех. Черепашка, как есть черепашка!

Окончательно все успокоилось глубоко за полночь. Я обнаружил себя сидящим на верхней площадке донжона. Подумать только, утром мне было скучно! Да уж, если все пойдет, как я задумал... нет — когда все пойдет так, как я задумал, скучать не придется! Ничего, я еще объясню всем в округе, кого тут надо слушать, а то ишь — законы они отменили! Я тут закон!

Поставив на камень чашку с остатками ледяного кофе я потянулся и, осторожно обогнув уснувшего в обнимку с копьём волонтера, пошел вниз. Завтра я

бы за такое разбудил его пинком, но сегодня пусть хоть так покемарит. А наказанием станет чудовищно затекшее все.

На стене у ворот горел огонь. Романтики, так вас, электричество они экономят, а покупных дров не жалко. Хотя живой огонь да в такой обстановке...

Я остановился в тени — начальник стражи, красиво сидя на камне, с безупречными интонациями бывалого вояки втирал что-то рассевающимся вокруг оруженосцам.

— Вообще-то мы с бароном старые знакомые, довелось, знаете ли... — Изя задумчиво посмотрел куда-то в море, глаза его словно видели давно ушедших боевых друзей, лицо стало каменным и самую малость жестоким. — Да, прозвище для него не пришлось искать, у него фамилия есть. Говорящая, если кто понимает.

Ну да, как же. Прозвище у меня с самого приезда в столицу за счастьем было Шустрик. Это когда я однажды при выезде на дачу со знакомыми девчонками сожрал кролика, назвали, наконец, Могилой — ну кто же знал, что это околевающий домашний любимец, декоративный и породистый, которого везли похоронить на природе? Я еще удивился, чего это его не выпотрошили. Кроль как кроль, на вкус самый обычный.

Оруженосцы слушали, словно замороженные, даже Сато прислушивался к «господину хатамото». Изя говорил медленно, весомо, но очень туманно, намеками. Написать все на листе — одна вода получится, но вот так, в дрожащих тенях, на стене древнего замка, перед боем, сжимая в руках всамделишное оружие. Внушает, да.

— Исабель.

— Я, господин барон! — Изя подпрыгнул, нервно сложив руки.

— Молодым спать, завтра будет много дел. Ты дежуришь до восхода, потом тебя подменит Фиск.

— Да, господин барон. — Он хотел спросить еще что-то, но я уже прошел мимо, величественно и безразлично. Не только гасконцы умеют делать суровые лица, румынские бояре им ничуть не уступят.

Уже почти рассвело, когда я рухнул на свою скрипучую кровать.

И тут же меня разбудили.

Фон Шнитце-младший с грохотом сгрузил на тумбочку перед зеркалом груды железа, извинился, молодой паренек-слуга поставил рядом подносик с едва теплым завтраком, и оба принялись меня наряжать. Спустя полчаса я наконец прогнал их обоих и смог оглядеть свою милость в зеркале.

Тяжелая двойная кольчуга до колена, начищенный полупанцирь, наплечники, наручи, поножи, перчатки и укрепленные железом сапоги. Итого четверть центнера лишнего веса, зато сколько внушительности! Приняв подобающую позу, я процитировал переделанное под момент:

— Одни боялись Артура, другие — Галахада. А меня... меня боялся сам Персиваль!

— В самом деле? — Я резко обернулся. Все шестеро пажей смотрели на меня от дверей с каким-то непонятым восторгом. Ну, мужик в доспехах, и что? Сами-то они еще не обмундировались, пока бегая налегке, поэтому рядом с металлическим мной смотрелись именно пажами.

— В самом, самом. — Подумав, снял с пояса нож и положил на столик. Меньше искушений воспользоваться им, значит, и меньше последствий. Булава,

алебарда с двухметровым древком, и еще щит, которым тоже можно не слабо приголубить, вот и все мое оружие. Да и вообще полководцу лезть в драку западло, его место позади, на командном пункте! Вот и буду соответствовать. — Бойцы, пора. Помогите друг другу с доспехами.

— Да, господин барон! — Молодежь исчезла мгновенно. Подхватив шлем, я двинулся за ними. Ох, не загреметь бы с лестницы, лязгом весь Эскенланд перебужу!

Внизу, у двери, меня ждали.

— Э-э... Александэр, вы не поможете? Там опять этот... — Фон Шнитце-старший страдальчески потыкал в мою сторону растопыренными пальцами. Я, вздохнув, открыл дверь и сделал шаг, ожидая нападения. После короткого, но полного жажды крови «Меее!» козел подпрыгнул, ударил с лету прямо в середину кирасы и уже с негодующим меканьем уселся на задницу, тряся башкой. Я, покачнувшись, ответил ему «факом» с двух рук. Броня — вещь! Теперь все работы по хлеву, пока Зверя не увезут (или пока я не оторву его тупую головушку), будут вестись только в полной экипировке!

— Заберите его!

Не оглядываясь на ошарашенного столкновением козла и боязливо подступающих к нему слуг, я вышел за угол и остановился, едва удержавшись от матюка. В углу двора стояли человек сорок и внимательно слушали одного из волонтеров.

— Эгельберт! А это еще кто?!

— Туристы, господин барон. — В голосе вынырнувшего из-за спины управляющего слышалось вежливое недоумение.

— Каким макаром они здесь оказались?

— У них заказана экскурсия, и в соответствии с расписанием они...

— Вас не беспокоит, что у нас тут война?

— О, несколько, господин барон! Я предупредил осаждающих, они без проблем пропустили всех по списку.

— Фон Шницель, тут скоро начнется мордобой и резня!

Туристы, внимательно слушающие наш диалог, дружно зааплодировали.

— И чего вы радуетесь? Сейчас ворота сломают и ворвутся, всех захватят, ограбят и изнасилуют!

Туристы от таких известий неожиданно обрадовались еще больше, причем не только женщины, но и мужчины. Европа! Впрочем, спустя минуту выяснилось, что я был не прав — большинство мужиков туристской национальности собиралось принять участие в драке. Не все еще, видать, потеряно для Федерации.

Все же пришлось потратить еще несколько минут на то, чтобы удалить всех посторонних из предполагаемого района боевых действий. Теперь из каждого окна, выходящего на стену, торчали оживленно галдящие экскурсанты, то и дело сверкающие вспышками фотоаппаратов.

— Александэр! Скорее сюда! — Эгги махал со стены руками, привлекая мое внимание. В голосе его слышалось беспокойство.

Броня, конечно, хороша, но быстро забежать по лестнице в ней... меняю баронство на халифат, пусть меня в паланкине носят! Но все-таки то, что я увидел отсюда, было гораздо хуже: по длинной узкой улице, поднимавшейся мимо городских домов к замку, гнали три легковушки, а из окна первой высовыва-

лась знакомая мне фигура, размахивая бейсбольной битой.

Фон Виндифрош спешил на помощь!

Люди фон Веллешварма быстро поставили поперек улицы одну из своих машин (не забыв тут же поставить рядом предупреждающие сигналы) и стали строиться двумя группами, готовясь принять неожиданное подкрепление пока-еще-не-осажденным нам.

Черт... черт! Черт! Черт бы его подрал!!!

— Открыть ворота! Воины, ко мне!

Как бы мне ни хотелось выходить на открытый бой, но деваться некуда. Не настолько я средневековый, чтобы спокойно смотреть со стен, как хорошего человека и единственного моего союзника будут мордовать у меня на глазах.

Тут же стала понятна разница в обучении. Полсотни полицейских и пожарных с одной стороны, обученных работать командой, наряженных в «противодемонстрантную» броню, с пластиковыми щитами и дубинками, противостояли полутора десяткам псевдосредневековых бойцов с моей стороны (остальные подтягивались по одному, теряя на ходу части экипировки) и девяти молодым парням в спортивной экипировке и шлемах у фон Виндифроша.

— Александэр! Бьем с обеих сторон, встретимся на середине!

Головастик резко опустил забрало байкерского шлема и кровожадно взмахнул битой, едва не задев стоящего рядом с ним пацана лет пятнадцати.

Отморозок!

— Становись! Работаем щитами... — Я оглянулся, в стенке было ровно восемь бойцов — я сам, пажи и Фиск, остальные хаотично кучковались вокруг, Изя

вообще гордо и воинственно сидел на стене. — Так, слушать меня! Отжимаем их, толкаем щитами, даем виндифрошцам пробиться к нам, потом уходим в замок. Готовы?

— Да!

— Кто мы?

Молчание... ладно, подскажу:

— Гравштайн!

— Гравштайн!!!

— Виндифрош!

— Веллешварм!

Три воинства двинулись навстречу друг другу.

Я встал в середине, на правом фланге возвышался Эдгар, левый подперли Дэн и Роберт. Мелькнула мысль послать куда-нибудь в тыл слишком неповоротливую в своей броне Марти, а с ней быстрого, но щуплого Сато, раздобывшего где-то комплект самурайских доспехов, но уже было поздно. Два десятка веллешвармцев решительно и осторожно двигались в нашу сторону. Ну а теперь...

Автомобильный сигнал, доносящийся из города, я слышал давно, только не придавал ему значения, гудит и гудит, не до него. Но когда машина гравштайнского полицейского отделения вынырнула из переулка, этот пронзительный гудок удивительным образом остановил все три группы, только что готовых драться людей.

Заклинив чем-то клаксон, полицейский выскочил, замахав руками, кинулся было к нам, остановился, быстро поискал по карманам и, вытащив что-то, замахал каким-то белым клочком, а потом кинулся ко мне, не обращая внимания на коллег-веллешвармцев.

— Господин барон! Господин барон — нападение! Сэр Ульфрик прислал меня предупредить вас!

Машинально отметив, что уже не «господин полицмейстер», а настоящий «сэр», я кивнул на фон Веллешварма, стоящего за насторожившейся линией своих бойцов:

— Я в курсе, что нападают. У нас тут битва, между прочим.

— Нет, я не об этом, у нас в гавани...

— Пропустите! — Барон-отморозок протолкался через каких-то незначительных людишек, стоявших на пути к интересующему его человеку, и отсалютовал мне битой: — Приветствую, Александэр! Я привел своих людей на помощь!

— Всех?

Иронии он не понял и гордо подтвердил:

— Всех!

Я, фон Веллешварм и Фиск одновременно вздохнули, похоже, по одному и тому же поводу.

— Что у нас в гавани?

— Викинги, ваша милость.

Несколько секунд я подумал, а потом решил не удивляться. Ну, в самом деле, у нас тут феодальная междоусобица, и сразу же морские грабители пожаловали. Прямо по учебнику истории!

— И что они хотят? Грабят, жгут, насилуют?

— Нет, пока все четыре драккара стоят у причалов. А их ярл требует дань, которую обещали его предку.

Отстегнув ремешок, я снял шлем, с наслаждением почесал затылок, потом переспросил:

— Дань?

— Да.

— Предку?

— Да.

Полицейский кивал радостно, ему нравилось, что он может так быстро и точно ответить на мои вопросы.

— Сколько их?

— Три сотни воинов, это по их сведениям. Но если и наврали, то ненамного, мы подсчитали.

— А это у тебя в руке, что такое?

Он опустил глаза, потом аккуратно скомкал клочок белой бумаги и сунул в упаковку.

— Простите, я подумал, что должен махать чем-то белым, у вас же тут бой, да?

— И вы стали махать одноразовой салфеткой?

— Она белая... хотя да, маловата.

— Подголовник на сиденьи вашей машины гораздо больше и тоже белый.

— Но это же казенная вещь! — Он смотрел на меня непонимающе.

— Хорошо. Благодарю за вовремя доставленные сведения.

— Рад стараться, господин барон!

Я поискал своего противника и кивнул ему:

— Эвальд, как насчет временного перемирия? У нас тут проблема. Большая, аж три сотни.

— Это ваши земли, вы и защищайте.

Повернувшись к посыльному, я уточнил:

— Они хотят дань с меня или?

— Со всего Эскенланда.

— Я согласен на перемирие!

Кто бы спорил.

— Что же. Эгельберт, горячий завтрак нашим уважаемым врагам, всем министериялам, кроме часовых — по рабочим местам, извинитесь перед туристами, битвы сегодня не будет. — По крайней мере, здесь, но этого я уточнять не стал. — Элепар,

Эвальд — прошу в машину. Нас ждут кровожадные северяне!

Вообще-то можно было и пешком дойти, тут недалеко, тем более что только залезая в салон, я понял, что броня и доспехи не учитывались при создании дизайна полицейской машины. Опять же булаву и щит пришлось положить в багажник... нет, надо было идти пешком.

Я повторял это, как заклинание, минут пять, а потом мы прибыли на место.

Стоящие в порту корабли мне не понравились сразу. То есть был бы я туристом, то хрен бы меня оттащили, пока своими руками все не потрогал — четыре натуральных драккара! Стоят аккуратно у причалов, с соблюдением всех правил, с норвежскими флагами, все как положено. Но вот как барону они мне не нравились.

Во-первых, рядом с каждым кучковались несколько десятков персонажей разных возрастов, от вчерашних школьников до суровых бородатых дядек, смахивающих на членов байкерского клуба. Большинство находилось в разных степенях подпития. Кто-то грелся (денек выдался особенно ветреным, да и они, похоже, с утра в море), кто-то наверняка настаивал на исторической достоверности, мол, что это за отважный викинг, если не начал утро с кружки-другой эля?

И все они были в доспехах.

Все три с лишним, по первым прикидкам, сотни человек.

Пока они стояли у своих кораблей, но у большинства в руках было оружие — топоры, копья. Натуральный набег!

Тем более что, во-вторых, на каждом корабле рядом с государственным развевалось знамя с вороном.

Сзади слышались торопливые шаги.

— Сэр Ульффрик?

— Ваша милость! Рад, что вы наконец смогли обратиться. Что с осадой?

— Временное перемирие перед лицом общей угрозы. Докладывайте!

Рыцарь-полицейский, в обычной своей форме и с мечом на поясе, покосился на стоящих у машины баронов и отчитался:

— Высадились меньше часа назад, прогнали портовых служащих, развели костры в непопозволенном месте. Утверждают, что пришли за данью!

Костры я видел. Все на аккуратных листах железа и готов поспорить, что дрова для них были привезены с собой.

— Агрессию проявляли?

— Конечно! Они обозвали патрульных рабами, а на замечание стали кричать и махать своими железяками! Господин барон, прошу дать мне соответствующие распоряжения, мы должны решительно...

Дальше я не слушал. Черт бы всех побрал! Им развлекашки, а я отдувайся?! Осаду им устрой, набег проведи, дань заплати, носы сопливые утри — и все господин барон?!

Ладно. Вздохнув, закрыл глаза, сосредоточился...

— Господин барон! Вас к телефону!

...и от души выругался. Взяв у Эгги мобильник, сердито алектнул и тут же убрал подальше от уха — знакомый голос жизнерадостно орал во всю мочь:

— Николаич! Мы тут за тебя болеем всей конторой! Смотри не подведи, а то Олечка поставила на твою победу три месячных оклада!

— Чьих?

— Ты их не знаешь, они из новеньких. Главное — она ж с тебя приедет спрашивать!

Чур меня, чур! Да, теперь придется побеждать. А то, не дай бог.

— Вы вообще откуда узнали?

— Ты чего? Трансляция из твоего музея у нас на все мониторы выведена! Вашей утренней драки с вечера ждали, не поверишь — даже стажеры к восьми, как штык, были, я приказал большие экраны, те, что на объекте монтируются, к нам поставить. Три метра диагональ, да с удобными креслицами, все, чтобы на твои геройства поглазеть. А тут такое — настоящие викинги! Народ прямо бьется за право в отпуск отправиться к тебе.

— Шли тех, кого не жалко. Особенно жду бухгалтерш, я их тут всех в застенки брошу или на рудники отправлю.

— Это я и сам могу! Ты там, главное, войну не проиграй! Ладно Олька, она отработает, даже знаем как.. Эй, ты что творишь, белобрысая! Уй! Женщина, начальник тут я! Так, это я о чем, Николаич — не проиграй! Я с ребятами забился на то, чем дело кончится!

— Всегда приятно, когда в тебя верят... или ты не на меня ставил?

— Обижаешь!

Он еще что-то говорил, по-привычке не давая мне заняться делом, но этот бубнеж подействовал как звонок на ту собаку — я привычно сосредоточился и занялся делом.

— Сэр Ульфрик? Где сэр Эррайн?

— Проводит мероприятия по эвакуации мирного населения. — Полицмейстер тоже быстро успокоился в присутствии начальства.

— Население не паникует?

— Ну что вы, порядок действий при нападении врагов у нас в крови!

Ах да, тысяча лет постоянных завоеваний, наверняка они мастера быстро смываться, похватав пожитки.

— Правда, есть один спорный вопрос — в документе двенадцатого века сказано, что мы должны рассылать всадников во все окрестные земли. Но как быть с лошадьми? Нужно ли брать их у фермеров? Или те сами обязаны предоставить? Тогда кто оплачивает...

Прислушавшись к телефону (Митрич бубнил что-то уже о международной политике) и согласно уткнув, я предложил:

— Современный всадник называется мотоциклистом, пусть едут на стальных конях. И кстати, организуйте доставку бойцов от замка сюда. Может быть, они нам пригодятся.

— Конечно, уже делается, господин барон. Моим людям брать оружие? Я имею ввиду — огнестрельное?

— Эссарыч, ты на солнце перегрелся?

Рыцарь взглянул недоумевающе вверх, на серую пелену эскенландского неба.

— В смысле — ты что тут, хочешь туристов расстреливать?

— Просто как ваш вассал я хотел обеспечить наиболее полное...

— Сэр Ульфрик!

— Я!

Невысокий полицейский прищелкнул каблуками и вытянулся. Эгги тут же перевел камеру с кораблей на нас.

— Обеспечить охрану места проведения мирного фольклорного праздника!

— Есть!

Ну вот, получил указания и сразу побежал. Раньше бы так!

— Митрич? Не до вас! Займешь тышчонку?

— Настоящему феодалу и землевладельцу? Конечно!

— Тогда ставь на меня от моего имени! Все, привет Олечке!

Я отключился, вернул телефон Эгги. Управляющий, выбравшись из подъехавшей машины, тут же поинтересовался:

— Важный звонок, Александэр?

— С родины, Эгельберт. Древнее хтоническое чудище, при поддержке неумолимой демоницы. А на заднем плане завывали кучка бесов и ведьм.

— То есть у нас будет мистическая поддержка?

— Стыдитесь, старина! Мы вполне христианское воинство, сами должны справиться с кучкой язычников!

Старик оглядел порт, недовольно пожевал губами. Мы стояли на пригорке у старой церкви, как раз на границе, проходящей между портом и городом. Викинги постепенно расползались по территории, что-то кричали по-норвежски, некоторые указывали на нас. Кто-то начал размахивать белым флагом с вышитой на нем птицей, символом грабежа.

Постепенно народ стягивался. Увидев, что из машин выходит моя «гвардия», викинги начали по-

тихоньку строиться во что-то вроде линии вдоль причалов. Кто-то уже наклюкался до красной морды и теперь орал особенно выразительно, кто-то фоткал то нас, то своих соратников. Наконец, от общей толпы отделились человек десять в особенно добротных доспехах, во главе с высоким блондином в ярком плаще. Знамя с вороном несли за ним.

Я оглянулся. Мой баронский баннер держал продолжающий все снимать Эгги: ярко-алый квадрат с могильной плитой посередине. Хвостатые вымпелы полицмейстера и как раз подоспевшего мэра, то есть сэра Ульффрика и сэра Эррайна, развевались на свежем ветру.

У Сато за спиной был какой-то плакат на палке, тоже красный и с иероглифами. Что-то такое я встречал в исторических фильмах. Кстати, японец, увидев, что я заметил его, мгновенно покраснел, сравнившись цветом лица со своим флагом, но упрямо смотрел перед собой. Марти держала в руке копье, у наконечника которого был повязан... черт. Она мне всю торжественность момента рушит этим лифчиком!

Сама придумала? Я подозрительным взглядом обвел пажей, все демонстрировали крайнюю степень серьезности. Сама боевой подруг разглядит, что у нее на копье, только когда опустит наконечник перед собой, шлем неудобный, вверх в нем не посмотришь. Наклонит она копье, увидит — тут и конец викингам.

Или нам. Это кто под руку попадет.

— Я Эрик сын Эстейна, потомок ярла Тилле Черноволосого! Я пришел требовать свое по праву!

Остановившийся в десяти шагах от меня высокий парень в плаще одну руку положил на меч и выпятил

подбородок. Я скосился на Эгельберта, тот шепнул: «Десятый век».

— По договору, заключенному моим предком с эсками, после того как он победил их вожда, вы должны платить ежегодно тридцать марок серебра!

Так, марка — это чуть больше полуфунта, итого семь кило. По-божески.

— Давно не брали с вас дани, много долгов накопилось!

Ошибка. Этот грабитель хочет дань за тысячу лет. Семь тонн серебра?! Сколько же это будет... хотя лучше не считать, а то еще проценты придется учитывать. Нафиг, сяду в замке и пусть выколупывает!

— Если же вожди эсков не уплатят, я вправе взять свое с жителей страны!

Да что ж такое! Куда ни сунься — подлянка на подлянке!

— Я пришел требовать свое по праву!

Повторяется.

Ну что же, надо выкручиваться! Я шагнул вперед:

— Эрик Эстейнсон, мы живем не в славные былые дни, когда слову мужчины верили. Нынче все требует доказательств. А давние дела — тем более. Чем подтвердишь, что был такой договор?

Фон Шнитце возмущенно засопел, мол, почему его не спросили, но я демонстративно не обратил на это внимания.

Предводитель викингов кивнул, один из стоящих за ним вынес ларец, открыл — на красивой подушечке лежали несколько старых пергаментов.

— Эгельберт, это настоящий документ?

Старик быстро вышел вперед, присмотрелся и с кислой физиономией подтвердил:

— К сожалению, да, Александэр. Я видел подлинник, когда работал над книгой. Но вряд ли у этого молодого человека имеются доказательства, что он — потомок самого Тилле!

— Какая разница, кто папа с мамой, если у тебя четыре драккара?

Я присмотрелся к «ярлу Эрику». Молодой, лет двадцать, высокий, спортивный. Чуть выше меня, но и чуть полегче. Лицо как лицо — обычный парень севера Европы. Стоит, улыбается. Зар-раза.

Головастика Элепара вел древний долг, старика фон Веллешварма — логика положения. Этого мальчишку ведет жажда приключений. Понять можно — годами мастерить старинное оружие, кольчуги, настоящие драккары и вдруг узнать, что совсем рядом есть место, где все это может быть использовано. Вспомнил о «предках», собрал поклонников старины, предложил им взыскать старый долг и рванул. Как же они мимо пограничников-федератов проскочили? Хотя, кому придет в голову, что четыре парусно-весельных исторических лоханки — это завоевательный поход?

Нет, его не смутить, как фон Виндифроша, не заболтать, как Эвальда. Тут без драки не обойтись. И если без нее не обойтись, так чего затягивать?

— Что же, тогда все в порядке, согласен? Ну, значит, начнем!

И викинги, и эскенландцы дружно уставились на меня.

— Начнем, говорю. Оружие при нас, достойные мужи, способные стать свидетелями, тоже здесь, места хватает. Твой предок получил дань, победив, так неужели потомки измельчали настолько, что хотят взять серебро, сражаясь языками? К оружию, ярл,

к оружию! Решим дело поединком! Предводитель морского набега против владельца этих земель — воин против воина!

Народ одобрительно загудел. Из города подтягивались полицейские, горожане, постоянно сверкали вспышки фотоаппаратов.

Ярл, вопросительно оглянувшись на свиту, красивым жестом отстегнул плащ, бросив его на руки стоящему рядом воину, принял из рук оруженосца шлем, но надевать не стал. Выйдя вперед, он демонстративно откашлялся и вдруг продекламировал:

— Сильные люди на веслах, ярость драккар подгоняет! Легким сражение будет, нет среди эсков героев!

Так, это что за творчество было? По шепоту за спиной и ожидающей физиономии ярла, наконец, догадался — меня только что пытались оскорбить. Помнится, это называется «хулительный нид», то есть стихотворно-магическое оскорбление. Ну да, как же — любой викинг он же прямо скальд! Рубанул по черепушке топором и тут же давай стихи складывать. Надо бы ответить, процедура подразумевает обмен подобными частушками. Ну, германо-кельтская литература, я ли тебя не прогуливал, я ли от профессорши коньяком не откупался — выручай теперь! Пусть сейчас вису от драппы не отличу, но хоть вид сделаю:

— Приплыли вороны, мокрые перья, сталью сверкают, требуют злата. Вождя одежды с женщины сняты, меч поднимает — а надо бы прялку!

Хех, и попробуйте доказать, что это не стихотворная форма, их там больше ста было, и все помнят только специалисты! Говори напевно и чеканно, вот тебе и «поэзия Севера».

Ярл обиделся и, секунду поиграв темными, в отличие от шевелюры, бровями, выдал:

— Народ у моря, сидит и стонет, эска удача — тролля пожива!

Эй, а вот это было обидно! И вообще не стоит оскорблять целый народ сразу, а то прилетит неведомо откуда, не увернешься. Я вот адресно лаюсь, никого лишнего не обижаю, и ему бы с умного человека пример брать. Эскенланд тысячу лет гнобили и все равно недодавили. Ну что же, лови ответ:

— Ворон вьется в небе, крест идет по морю, Эрик между волн, болтается, не тонет!

Ярл понял, с чем его сравнили, зло прищурился. Оглянувшись на зашумевших викингов, снова подбоченился и выдал:

— В груди камней чужак солнцу не кажет лица, храбрый придет за своим — придется искать чужака!

Нескладушки-неладушки. Тем более что я не прячусь! Ладно, будем заканчивать:

— Слышал от скальдов — страна за морем! Севера дух, дети асов: Эрик могучий, воинов водит — былое забыл, женское носит! Волосы красит — дразнится, как баба!

Ну вот, «непроизносимые слова» сказаны. Надеюсь, Браги не слышал того, что я тут плел, а то как вырвет молот у Тора, как швырнет! Филфак филфак-ком, а двух наполовину прогулянных курсов для поэтической дуэли мало.

Викинги шумели, обсуждая сказанный нид. Формально я опять не довел его до статуса прямого обвинения, но признаки наличествуют. За спиной тоже шумели, объясняя не понявшим суть сказанного.

Ярл Эрик решительно нахлобучил шлем, красуясь вытащил меч, подхватил из рук оруженосца

щит и вдруг прокричал что-то по-норвежски, подняв оружие к небу. Не знаю, как в облаках, а дружина его крик подхватила, и мой противник довольно заулыбался.

Вообще я его понимал. В руке — боевое оружие, за спиной — братва, и никаких судей, никаких турнирных ограничений. Сам себе закон, да? Помню, было. Молодой был, глупый.

Он тоже молодой. Быстрее, легче, наверняка этими железками драться учился. Только вряд ли ему доводилось живого человека железом на куски пласть. Врать не буду, мне тоже, но... он хочет боя. А я здесь за победой.

Сэр Ульфрик и высокий бородатый норвежец быстро очистили место у подножия пригорка, на котором стоит церковь. Хорошее место — ровный асфальт под ногами, широкая площадка. Эрик ударил мечом по щиту и, проорав что-то особенно яростное, кинулся на меня.

Следующую минуту мы, как две мельницы, молотили друг-друга по щитам. Он из азартного интереса, я — стараясь отсушить ему руку. Оба достигли своей цели, его щит постепенно опускался все ниже, а от моего начали лететь щепки. Крепкий парень, машет как заводной!

Отскочив, я пошел по кругу, прикрываясь своими обломками. Итак, мне нужна победа, потому что нет у меня таких денег, а замок и самому пригодится. Он — спортсмен. Явно рукомашец какой-то, да и в своих, викингских развлечениях привык бречься, не лупить по противнику, а то уже достал бы меня. Я тоже бью в щит, но у меня палица...

Ярл, заорав, прыгнул ко мне, удачно подгадав момент, мы обменялись парой ударов, и поблагодарив

Этти за хороший подбор доспехов, я щитом оттолкнул норвежца.

Спортсмен. Молодой, быстрый, выше меня, руки-ноги длиннее. Только полегче, но что от этого в... н-на, зараза! н-на еще раз!.. Что от этого в вечном поединке? Наоборот, еще один бонус. Да куда ж ты по ногам, н-на по плечу булавой!

Ярл, припав на колено, увернулся, но шлем с него сбил.

Быстро выпнув трофей за пределы круга, я покрутил булавой и снова пошел по кругу. Ты прыгай, прыгай. Я тяжелей, так я и бью вдвое реже, авось вымотаешься. По уговору, мы имели право дважды менять щиты, и викинг, крикнув, заменил свой. Я не глядя сунул руку назад, Умник стащил обломки, поднес новый щит и даже хлопнул по плечу, как секундант на ринге.

Поехали!

Теперь вел я. Увечить своей дубиной парня мне не хотелось, но плечо я ему достал, постоянно метя в левое, пробивая над щитом. Никакого особо хитрого плана у меня не было, просто танцы ярла очень напоминали одного знакомого левшу, который любил противника удивить с неожиданной стороны.

Ярл стал больше защищаться, смотрел поверх щита все так же азартно, только уже поспокойнее. Плохо... давай-ка вот так — разорвав дистанцию, я поднял оружие и протянул еще почти целый щит назад. Норвежец, решив не терять времени, тоже поменялся и, словно обновившись, кинулся вперед.

Теперь в обороне опять был я. Со стороны, наверное, это выглядело не очень — я сжался, стараясь закрыться щитом, а молодой и яростный противник

напрыгивал раз за разом, рубя наотмашь. Волосы выются (те, что от пота к лицу не прилипли), орет что-то, меч мелькает — ну все, конец барону. Я ждал, не отвечая, только принимал удары на выставленный щит. Бить пацана по голове не хотелось, а все остальное он прятал.

Все решил случай. После особенно яростного удара руку дернуло, я, наконец, отмахнулся, противник выругался и отпрыгнул — оставив меч завязшим в разошедшихся досках моего щита!

Эскенландцы за моей спиной радостно заорали, я, секунду подумав, выкинул щит за пределы круга.

— Сдаешься?

После короткого, но яростного высказывания в адрес меня и моей предполагаемой родни викинг вытащил кинжал и закрылся своим щитом.

Нет, дружок, этого нам не надо. Ножик детям не игрушка!

Медленно, напоказ, я снял ремешок булавы с запястья и выставил ее за пределы круга. Норвежец, проследив, прислушался к крикам своих и кивнул.

— Честно.

— Честно!

Булава и нож одновременно упали за пределами круга, их тут же подхватили, унося.

— Вот теперь тебе конец! — Эрик снова радостно лыбился. Ну да — он точно каким-то мордобойством занимался. Вот сразу в стойке, пританцовывает!

— Посмотрим. Солнце высоко, пора кончать.

Ярл, довольно сверкнув глазами, прыгнул ко мне и попытался пробить сбоку, после чего, отскочив, затряс кистью. А ты что думал, наручи как раз для таких случаев и существуют, подставить их — милое дело!

Впрочем, он быстро опомнился и, не дожидаясь, пока отойдут ушибленные пальцы, заработал длинными ногами. Вот тут мне пришлось туго, кольчуга его удары не сдерживала, я пожалел о щите.

Эрик махался от души, увидев возможность победы, после какого-то хитрого удара слетел уже мой шлем, потом он еще раз достал меня в скулу, и еще — я ушел в глухую защиту, подставляя наручи и благословляя полукирасу, сберегающую мне ребра, редко-редко отвечая, больше отталкивая, и ожидая момента. Ну давай же, ну ты видишь же, я сдался, ну давай, добей?!

И мальчишка купился.

Плюнув на осторожность, он кинулся вперед, работая кулаками, как мельница. Вот удар прилетает в челюсть — я еле успеваю погасить его, вот он, подпрыгивая, бьет коленом в бок, я только хекаю, закрываясь, вот он, хрипя от азарта, делает еще подшаг, я принимаю удар на предплечья, и...

Бросок!

Ярл еще попытался зацепиться, но классический «через плечо», первый, любимый, коронный, обещанием научить которому меня когда-то заманили в секцию, не подвел. Я только помог мальчишке сильнее удариться бедром, а сам уже падал, вытягивая его в захват, мотая, стараясь не дать ему выпрямить ноги для упора. Норвежец попытался ткнуть меня пальцами в лицо, потом одной рукой вцепился в мою, стараясь ослабить давление, а другой подхватил лежащий рядом шлем и ударил, не глядя за спину, прямо мне в лицо, первым же ударом ухитрившись рассечь кожу. Потом снова, еще и еще — я держал, сдавливая, он увлекся, колотя, вместо того чтобы встать и сбросить меня, наконец, очередной

удар вышел смазанным, следующий вообще не попал, потом рука ярла замерла, ушла куда-то в сторону, он уже не контролировал себя. Я держал, почти не видя правым глазом, перейдя, как это бывало, только на ощущения тела — вот он еще что-то ощущает, вот он дернулся, но уже бесцельно, просто по инерции, вот обмяк... Я выдержал еще немного, убеждаясь, потом, собрав остатки сил, не толкнул — спихнул тяжеленного норвежца в сторону и, тяжело дыша, сел рядом.

Потрогал языком — два зуба шатались. Вот же засранец малолетний, у него наверняка все свои, ни одной пломбы, а у меня каждый на счету! Перевалившись и с трудом встав (ох, не те мои годы, с двадцатилетними спортсменами махать!), я рывком выпрямился, обвел взглядом мрачно взирающих на поражение их вождя викингов, потом откашлялся, поднял вверх руку и слегка нараспев заорал, лихо-радочно вытаскивая из памяти старинные красивые обороты:

— Люди ярла Эрика сына Эстейна, славные хирдманны! Ваш вождь бился умело и яростно, это была славная битва настоящих воинов! Теперь, когда эта часть закончена и выявлен победитель, я приглашаю вас в город — уже не как завоевателей, а как друзей и наших дальних родичей! Ваш отважный предводитель займет лучшие покои в моем замке, и прекраснейшие девы будут лечить его раны! От себя — все три дня, что будет идти веселье, я, барон Александэр Николае Могила фон Гравштайн, оплачиваю половину пива, выпитого каждым, кто во славу предков надел старинные доспехи, и половину стоимости мяса, съеденного отважными северянами! Пусть же начнется праздник!

Толпа взревела!

— Фон Шнитце, распорядитесь. Ярла пусть отнесут в гостевую, и приставьте к нему ту симпатичную волонтерку, Ханну, кажется.

— Ваша щедрость нам дорого обойдется, Александэр. Четыреста человек, три дня! Они выпьют и съедят очень много!

Я смахнул текущую по щеке кровь и хмыкнул:

— Эгельберт, думайте шире! Платить дань за тысячу лет обошлось бы дороже. Эгги, ролик должен быть в Сети через десять минут!

— Уже выкладываю, господин барон!

— Молодец.

Норвежцы парни крепкие и гулять будут от души. За это время подтянутся туристы, зеваки... и я постараюсь, чтобы они все деньги оставили на нашем празднике.

Славная будет пожива, клянусь Одином!

«Все отметили, как он наносит удар булавой? Это не спортивный хват, это настоящий, боевой, проверенный временем!

Да с чего вы взяли, что он вообще — это самое?

У подружки есть знакомая в замке. Она сказала, что у барона нет аккаунта ни в одной соцсети, и он за все время не отослал ни единой эсэмэски.

Тогда верю. В самом деле, древний монстр!»

Сняв со стеллажа еще один диск, я с сомнением его осмотрел. На обложке здоровенный мужик в рогатом шлеме замахивался топором, так что вроде было то, что надо.

— Уважаемый? Не смотрели этот фильм? Я ищу исторические сериалы последних лет, можете что-то посоветовать?

Продавец промолчал, взглянув на стену за моей спиной.

Я уже положил диск обратно, когда продавец вдруг решил ответить:

— Нет, господин барон.

Глядел он все так же мимо.

— Вы, случаем, не из Прибалтики будете?

Продавец нахмурился, опустил голову, глядя теперь куда-то в угол.

— Ладно, сам поищу.

Я уже оплатил покупки, выбрав несколько дисков наугад по обложкам, и стоял в дверях, когда в спину донеслось:

— Нет, я местный.

— Славно. Всего доброго!

Думаю, когда я приду сюда в следующий раз, меня поприветствуют чем-то вроде «До свиданья, господин барон».

— Гот даг, ваша милость!

— Добрый. — Я отвернулся от приветствующего меня легким поклоном подданного и пошел вверх по улочке, ведущей к замку. Наверняка сочтет грубияном, но поскольку за час прогулки это был примерно двухсотый, пожелавший хорошего дня горожанин, то интонация была соответствующая. Теперь я понимаю, почему типичный феодал — это мрачная надменная сволочь — попробуй поздоровайся с каждым подданным! Они ж, гады, норовят поговорить. Тут живут неторопливо и обстоятельно, планируя на десятилетия вперед и помня, что происходило с прадедами, так что болтают так же степенно, обсуждая погоду и сплетни по часу, а у меня времени мало. В управлении можно было поймать неосторожного сотрудника и начать давать ему работу — слышав

вопли жертвы, все остальные норовят обойти тебя кружным путем и как можно быстрее удалиться на безопасное расстояние, а здесь если ты остановился спросить, как дела, то, считай, день проведешь в говорильне.

Жуть, в общем.

Большинство моих подданных воспринимало отмену законов как каникулы по странным правилам, а потому относилось ко мне весьма благожелательно. Ну как к затейникам на курорте, с удовольствием выполняя команды странно ведущего себя типа, послушно прыгая и размахивая руками в нужных местах. Плюс природная законопослушность, плюс желание наконец-то показать всем окружающим, что и они, эски, тоже что-то значат на карте мира... Мрак.

Кстати, узнав результаты «Хольмганга-у-церкви», горожане обиделись — мол, барон забрал себе самое интересное, а их, бедняжек, обошел. Пришлось разрешить драку. Среди моих горожан оказалось немало желающих помахать кулаками, так что бой вышел масштабный, но без жертв, за этим следили строго. По мигом сложившейся традиции, победивший эск тащил викинга к себе домой, угощать, победивший викинг вел противника в ближайший бар, поить. В общем, победила дружба. И алказельцер с пепсином.

Викинги — как выяснилось три клуба исторической реконструкции из разных городов — своего ярла несли в замок на руках, распевая воинственные песни. Не все дошли, большая часть рассосалась по городу в поисках приличной забегаловки (как я рассылал слуг с новостью о «баронских скидках для разбойников-варягов» это та еще история!), но человек сорок, восторженно поорав при виде обещан-

ной «прекрасной девы», вопросительно уставились на меня, мол, где обещанные пиво и мясо, добрый хозяин?

Впрочем, напившись и наевшись, туристы в доспехах смешались с туристами обычными, мирно осматривали стены и донжон, вслух прикидывая, как их брать в следующем году. Узнав о нашей местной войне, очень радовались, интересовались подробностями, даже набивались помочь, не важно кому, но постепенно все свалили в город, где разгоралось веселье.

Потом выяснилось, что ушли не все — три особо рискованных парня решили найти и поймать настоящего призрака. На что они наткнулись в подземельях, выяснить не удалось, но когда их выцарапали из камеры, где они с испуга заперлись, то они такого нарасказывали о примеревшемся, что четверо слуг и два стражника пришли просить прибавки к зарплате. Подумав, я им ее дал, но обязал каждого поведать о случившемся на сайте музея.

После просмотра выложенных рассказов, пропали еще несколько волонтеров. Думал — струсили и сбежали, ан нет: рванули искоренять зло и заблудились в подвалах! Пришлось заколотить несколько проходов.

Впрочем, происходившее в городе доставляло ничуть не меньше хлопот.

Сначала норвежцы пытались выдавать себя за крутых — еще бы, при оружии, в натуральных доспехах! Но сэр Эррайн, бывший чемпион Средней Вендии в классической борьбе, взял двоих особенно шумных за шкуру, не слушая воплей, оттащил в порт и покидал обратно на драккары. Натурально покидал, метра три каждый по воздуху летел. Зрители начали было

возмущаться, но тут уже сэр Ульффрик, двукратный финалист студенческих соревнований Федерации по сабле, продемонстрировал всем желающим класс. Выглядело это, как рассказывают, довольно забавно: выходит усатый-бородатый, на голову выше своего противника викинг, и пока он от души замахивается здоровенной исторической железякой, сэр Ульффрик молниеносно помечает два-три касания и отшагивает. Выходит следующий, все повторяется — и так пока все противники не были «условно убиты», после чего они кинулись разом, подняли отважного сэра на руки и уволокли в ближайший ресторан угощать. Говорят, сэр Эррайн обиделся, что не стали носить его, но это зря, меньше кушать надо. Впрочем, мэру для солидности полезно.

Пить северяне умели и любили, праздновать — тоже, денег и желания потратить их хватало, так что гулял городок три дня, причем на второй сюда кинулись туристы со всей округи. Потом воины дисциплинированно похмелились и, сделав массу снимков на прощание, ушли в море.

Вот теперь я верю, что они наводили страх на все окрестные страны — несколько дней бухать, а наутро выйти в море на парусных корабликах! Сильны ребята!

Пажи, как я и обещал, тоже прошли «испытание выпивкой». Сдали не все, а что там было между Марти и Сато, я не знаю, только наутро оба ходили и отчаянно краснели. Странно, оба же взрослые люди, вряд ли от случайного секса такая реакция получилась. Впрочем, выяснять подробности я не стал.

С Эриком мы подружились. Придя в сознание, он сначала дулся, что в исполнении здоровенного дитятки выглядело невероятно забавно, но потом ото-

шел, а внимание туристок, восхищенно глядящих на слегка крашенного, но вполне могучего скандинава, и вовсе привело его в отличное настроение. Обсудив бой, мы пришли к выводу, что все прошло в рамках правил, а значит, результат не стоит обид, после чего ярл объявил, что древний спор решен в поединке, и я наконец облегченно вздохнул.

Когда Эстейнсон всходил на свой драккар, чтобы отбыть на родину, обе его руки были заняты. Одна, сломанная в нашем «славном бою», висела на перевязи, на плече второй висела «прекрасная дева», подаренная гостью щедрым бароном. Несчастной пленница не выглядела, щедро раздаривала улыбки и воздушные поцелуи столпившимся зрителям, так что это еще вопрос, кто тут чья добыча. Вообще-то Эрик хотел сначала похитить у меня боевого подруга, но был бит, причем ногами — теми самыми, на которые он покушался.

Подумать только, я, взрослый мужик, еле справился с этим двухметровым романтиком лебединой дорожки, а рыжая пигалица уложила его двумя ударами! И плевать, что она была туда, куда я бы не стал, важен сам факт! Страшная это штука, феминизм, бесчеловечная.

Между прочим, вся наша великая битва и последовавший за ней спонтанный фестиваль прошли по разряду местных новостей. Так и так, сбор исторических клубов «Дети Одина» прошел на репликах старинных кораблей, на которых любители старины прибыли к месту проведения фестиваля, где и состоялись совершенно банальные гулянья. Похоже, федераты решили, что если не смогли предотвратить, то надо просто сделать вид, что все в порядке. Ну да не одни они этим страдают.

- Гот даг, господин фон Гравштайн!
- Привет, Фитци. Не жарко?
- Ничуть, господин фон Гравштайн, как разогрелись на утреннем штурме, так и не остынем никак.
- Туристы не докучают?
- Если только самую малость.
- Ну хорошо, сторожите дальше.
- Так точно, господин барон!

Я прошел мимо веллешвармского стражника, огляделся вокруг и убедившись, что в лагере осаждающих все в порядке, двинулся дальше.

Осада шла всерьез. К примеру, мерзкий старый крючкотвор потребовал, чтобы все защищающиеся питались исключительно тем, что было в замке на момент начала осады! Мол, если у нас осада, то никакого подвоза продуктов! Убил бы гада... нет, серьезно — ну достало питаться в городе! Все, понятное дело, в замке и не ели ничего, разве только мне накрывали, вместе с туристами, а так большинство слуг радостно сбегало с работы за час до ее окончания и при этом требовали компенсацию, мол, рестораны слишком дорогие!

Сейчас, на шестой день боевых действий, процедура, наконец, была отработана. Ровно в десять утра веллешвармцы выстраивались и под пение боевых гимнов шли в атаку. Надо сказать, что делали они это организованно и по плану, тем более что основной ударной силой были все-таки пожарные со своими лестницами и брандспойтами. Осаждающих было ровно сорок, ни человеком больше, но и не меньше — если кому-то из воинства Эвальда требовалось отлучиться, он был обязан предоставить замену. Учитывая количество туристов, желающих принять участие в войнушке, пришлось ввести квоты — не

больше десяти мест для «наемников», и составлять списки очередности, а то в лагере нападавших даже парочку раз пришлось унимать потасовку за право продать место в боевых рядах.

Мои верные слуги смотрели на это безобразие с печалью, но держались, понимая, что больше веллешвармцам заработать, по сути, не на чем — у нас то целый замок под рукой, хочешь, туристов на выгодные места рассаживай, хочешь, мастера на продажу сувениры, хочешь, еще что придумай. Так что, закончив осаду к обеду, все расходились по своим делам. Война войной, а дел в большом хозяйстве, знаете ли, всегда хватает.

Вот так и живем уже три дня после отбытия морских разбойников — с утра завтрак с туристами, потом война, потом обед и хозяйственные хлопоты, вечером обязательная драка, а там уже и спать пора.

Драку придумали пажи, которых я, видимо, мало гоняю. Эти паршивцы, насмотревшись на мои боевые подвиги и от зависти потеряв разум, сами стали кидать вызовы веллешвармцам. Теперь каждый вечер проходит пять поединков, причем необязательно боевых — вчера Дэн, к примеру, состязался в пении йодля. Продул, зараза.

Если побеждали мы, то в замок провозилась новая партия припасов. Если проигрывали, то наутро со стен убирался один боец, что при наших и без того невеликих силах было немало.

Кстати, репутация великое дело, лично мне в бой пришлось вступить только раз, и завидев неторопливо приближающегося бронированного барона, помахивающего на ходу своей верной булавой, нападающие, почти отбившие себе участок стены, очень шустро кинулись обратно к лестницам, под

воинственные крики ободрившихся гравштайнцев. Остался только один наемник-американец, которому хватило удара щитом, чтобы вылететь со стены и шмякнуться в страховочную сетку.

Я, впрочем, лично воевать не рвался, пусть молодежь развлекается. Может, если им так воевать нравится, рыцарский турнир устроить? Себя показать, людей посмешить! Отдельную площадку для экстремалов выделим, с настоящими лошадьми. И вот еще о площадке — почему бы веллешвармцам не устроить что-то вроде тренировочной полосы для желающих попасть в наемники? Чтобы можно было экипироваться в настоящий доспех, рубануть по чучелу настоящим мечом и вообще проверить силушку богатырскую?

Ну а я им под это дело землю выделяю, за долю малую, опять же пару палаток сувенирных поставлю...

— Господин барон?

— Что, Эгельберт?

— А вы... это зачем? — Управляющий показал на стопку дисков у меня в руках.

— Да вот понял, что совершенно не в курсе веяний современной культуры. Наверное, надо скорректировать мои устаревшие понятия с нынешними взглядами. Думаю, сериалы на исторические темы лучше всего для этого подойдут.

— Вы не смотрите телевизор, Александэр?

— Времени нет. И желания. Последние лет пятнадцать.

— Зря, сейчас появилось много хороших сериалов.

— Я недавно включил телевизор и понял, что большинству актеров нужно перед съемками ломать

пару пальцев. Тогда у них будет хоть что-то правдоподобное в глазах.

— О, может, это только у вас дома такое? Хотя...

Один диск выскользнул, я неудачно попытался его поймать, отбив прямо под ноги стоящему рядом Норману. Тот вдруг замер, потом быстро нагнулся и, схватив диск, тут же спрятал за спину:

— Э-э, господин барон, у вас еще много, можно я это пока посмотрю? С друзьями? Очень давно очень-очень хочу посмотреть! Именно этот сериал!

— Бери, конечно, только...

— Спасибо! Я пойду, всегда хотел посмотреть именно его! Мы это, в нашей комнате будем, если что!

Проводив взглядом удирающего паж, я обернулся и тут же наткнулся на фон Шнитце, озадаченно смотрящего в спину обычно довольно сдержанного парня.

— Странно, Александэр. Как правило, молодежь предпочитает фантастику или юмор. Какой сериал вызвал у него такой интерес?

— Да там что-то по книгам какого-то Мартина. Не помню название, скопом брал, кажется, про игры. Пусть смотрят, не жалко. Дети, все бы им игрушки!

Управляющий покинул, соглашаясь.

— Кстати, Эгельберт, почему все магазины в городе работают только до шести вечера?

— Таков закон.

— Почему не отменили?

— Это наш закон.

— Лодыри!

— Ничуть, Александэр. Просто любим проводить время в кругу семьи, а не в поисках места, где можно потратить деньги.

Ничего против я сказать не смог. Всем бы так..

— Господин барон, я должен предупредить вас о госте. — Фон Шнитце вдруг сделался очень официален, наклонился ко мне и понизил голос: — Вы знаете, что я не склонен к пустым обвинениям, но этот человек может доставить очень много хлопот! Я бы на вашем месте был очень, очень осторожен!

Начало интригующее. Окликнув пробегающего слугу, я сунул ему стопку дисков, а сам повернулся к управляющему и вопросительно поднял бровь.

— В замок с визитом пожаловал один из двенадцати баронов, третий по старшинству.

Тон при этом у Эгельберта был весьма холоден.

— Что с ним не так?

— Он... просто будьте осторожны, Александэр! Это очень нехороший человек!

— Ну, как скажете, старина.

Гость обнаружился в моем кабинете. Пожилой сухощавый мужчина лет пятидесяти легко поднялся из кресла и с улыбкой протянул руку:

— Рад представиться, мое имя — Оливье дю Шорей, я барон фон Хюнедип и, как нетрудно догадаться, француз. Только не говорите об этом своему управляющему, старый патриот ненавидит все, что связано с моей прекрасной родиной.

— Ну что вы, у нас тут довольно терпимо. К примеру, старший над стражей — ваш соотечественник Гасконец.

— Да?

— Ну, он так говорит.

— Вот как? Но у фон Шнитце не одна, а две причины меня недолюбливать. Во-первых, как было уже сказано, я сын своей прекрасной страны.

А во-вторых, я историк-профессионал, в отличие от выдающегося, но все-таки любителя, коим является ваш управляющий. Вот-вот, он не имеет высшего образования, вы не знали?

— Ну, он, насколько я могу понять, пишет только о своей родине, знает предмет изнутри. Что, я полагаю, компенсирует некоторую нехватку классического образования?

— Увы, этого мало, мало.

— Что же привело вас в мой дом, коллега?

— Любопытство и желание предупредить. Так сказать, из профессиональной баронской солидарности.

Я поощряюще приподнял бровь, дю Шорей тут же пояснил:

— Видите ли, мой друг, случился любопытный казус. Одновременно сложились несколько условий, ставящих вас, да и нас тоже, в двусмысленное положение. По кодексу тринадцатого века, правитель эсков должен владеть замком. А единственный замок, принадлежащий частному лицу, не относящемуся к герцогской фамилии, это...

— Да, меня уже порадовали.

— Вот-вот. Затем, вы старейший барон этой земли. Ну а главное, есть такой момент, как ваша заявка на трон.

— Моя — что?!

— Заявление, что вы говорите от имени народа эсков. Припоминайте, этот юный романтик Эстейнсон ведь привез документы своего разбойника-предка? И там ясно сказано, что судьбу дани решают в поединке предводитель викингов — и предводитель эсков!

— В Эскенланде нет герцога, надо же было кому-то... — Я покрутил рукой. — Представлять интересы местных, в отсутствии, так сказать?

— Вот-вот! — Кажется, это было любимое восклицание дю Шорея. — Именно! И первый, кто сделал заявку на этот значимый статус, это именно вы, единственный владелец замка среди баронов Эскенланда.

— Я просто не хотел отдавать семь тонн серебра.

— Не важно! Главное, что вы должны быть осторожнее, мой друг. У меня есть некие связи, поэтому я сумел выяснить, что вскоре в ваш замок пожелует международная комиссия.

— Федераты обещали быть гарантом неприкосновенности Эскенланда.

Француз вздохнул:

— И они сделают все, что обещали, то есть не дадут вмешаться любому государству. Но общественные организации ничем не ограничены.

Я потер подбородок. Ну, вообще-то да, если сюда приедет какой-нибудь Гринпис и начнет качать права, что у меня здесь козлов обижают, то... мало ли.

— Спасибо, учту. Вы, господин фон Хюнедип...

— Просто Оливье, прошу без церемоний!

— Хорошо. Так вот — вы намерены принять участие в голосовании?

— О да! Последнее происходило в пятнадцатом веке, я просто не могу принять...

— Не в пятнадцатом, господин фон Хюнедип, а в шестнадцатом!

Эгельберт, надменно выпрямившись, стоял в дверях.

— О нет, господин Шнитце, именно в пятнадцатом. Потому что только при выборах Эгона Мореплавателя были соблюдены...

— Не важно! Совет собирался еще трижды!

Оба историка вдруг оказались рядом и без какой-либо подготовки стали перебрасываться аргументами, постепенно повышая голос. Первые две минуты я понимал, о чем они говорят, но потом эти двое перешли сначала на латынь, а с четвертой минуты кричали только на неизвестном мне языке, сопровождая его странными жестами. Не уверен, но что-то подобное я слышал, когда водил дочерей в кино на «Звездные войны».

— Кхм. КХМ! — Историки, как раз начавшие хватать друг дружку за грудки, недовольно на меня посмотрели, но, поняв, что невежественный иноземец всерьез намерен помешать высокоинтеллектуальной беседе, все-таки разошлись. — Итак, Оливье, благодарю за предупреждение. Вижу, вы решили изучить исторический процесс изнутри, так?

Француз, поправив сбитый в пылу короткой дискуссии галстук, согласно покивал:

— Мне очень интересны события подобного характера! Неудивительно, ведь когда-то именно французы принесли миру великий революционный лозунг! — Он покосился на надменно замершего у стены фон Шнитце, и тот мгновенно парировал:

— Да-да, как сейчас помню — «труд, семья, отечество». — Дю Шорея перекосило. Я посмотрел на Эгельберта, но тот сделал вид, что ничего такого не сказал.

— Я имею в виду идеалы свободы, равенства, братства!

— Пфф!

— И мне интересно вживую посмотреть на то, как будет твориться история. И даже поучаствовать в этом самому. Уж меня-то внесут в летописи! — Дю Шорей решил не обращать внимания на ехидного управляющего.

— Ну, это будет зависеть от того, кто станет проводить церемонию! — По голосу старого эска можно было понять, что из протоколов некоторые незначительные детали, скорее всего, исчезнут. Не давая разгореться новому спору, я вмешался:

— Ну что же, благодарю за предупреждение и визит, постараюсь подготовиться получше. — Еще несколько минут вежливо прощаясь с бароном, я выдержал, но когда управляющий, подозрительно глядя в спину уходящего гостя, вышел его проводить, упал в кресло и застонал.

Господи, да за что же мне все это? Отдохнул, называется! Я им тут что — нанялся все заморочки, накопившиеся за тысячу лет распутывать? Мало мне баронства, теперь еще и претендент на трон! Ведь не удержатся оба, растреплют про «исторический прецедент», а мне отдуваться.

Когда фон Шнитце вернулся, я сидел неподвижно и печально смотрел в потолок.

— Ну-ну, Александэр, не нужно так волноваться. Подумаешь, комиссия! Но и расслабляться не стоит — французы очень коварны! Им нельзя верить!

— Почему? Вон, с Исабелем у вас нормальные отношения!

— И при чем тут господин Кацмантт?

— Он ведь гасконец? Гасконь — часть Франции.

Эгельберт вытащил из кармана телефон, быстро поискал по карте и с удивлением признал:

— Действительно. Кто бы мог подумать — такой приличный человек! Вероятно, это от того, что его родину завоевали французы в одной из своих неправедных войн. Гасконцы — это почти испанцы, наверняка они страдают под пятой захватчика!

Хм... Я представил Изю в костюме испанского кабальеро и почему-то с навахой в зубах. Ему бы пошло!

— Да ладно. Бывал я в этой вашей Франции, не такое уж там и гнездо мирового зла. Обычные люди, шутить умеют. Правда, в выпивке ничего не понимают и скуповаты, но это у всех европейцев такая беда. Окраины цивилизованного мира, что поделать, целые сутки поездом от Бухареста!

Старик с сомнением посмотрел на меня, потом, решив не реагировать на очередную странную шутку, вытащил из своей вечной папки какие-то бумаги и положил на стол. Я с тоскливым предвкушением потыкал в них пальцем.

— Эгельберт, что это?

— Вы приказали составить список того, что вышло из-под управления федеральными органами.

— Нет-нет-нет! И еще раз — нет! Я в отпуске! Хватит с меня!

— Вы, Александэр, при исполнении своего священного долга! Я уже договорился об инспекции, вам надо ознакомиться.

Я с тоской поднял верхний лист и просмотрел. Объекты, складские помещения, мастерские; площади жилые, не очень жилые, совсем техническая нежить — вот ради этого я уезжал из уютного управления? А после присоединения мне что, за все это отчитываться?

Но когда я поднял голову, чтобы заявить решительный протест, мудрого управляющего рядом не было. Смылся, стервец дряхлый!

Я перебрал бумаги, полистал план реставрационных работ замка, составленный двадцать лет назад: видимо, когда старик убедился, что я сюда не приеду. План был рассчитан на сорок три года, и завершать его должен был уже Эгги. Представив на минуту, как я подал бы такие расчеты Митричу, не смог сдержать ухмылки. В самом деле, может, попытаться как-нибудь? Или не стоит? Можно отдать какому-нибудь юмористу, даже не менять, просто перевести и зачитывать по пунктам со сцены, всем все будет понятно, аншлаг и хохот до слез гарантирован. Разница менталитетов... Сорок три года планов! Тут не знаешь, что будет завтра.

Сериалы. Море. Кофе на верхушке донжона. Ага, как же.

Еще раз поворошив бумаги, я разгреб их примерно на две равные кучки — «до ужина» и «после ужина». Понятно, что будет еще и «вместо ужина», но что поделать? Подготовка к комиссии подождет, у меня и без этого есть чем заняться. У меня вот отчет прислали... так. О степени износа покрытия ограждений в районе с непроизносимым названием — мне что, самому теперь идти проверять краску на заборах? Ух, как я зол!

Еще раз выругавшись, я решительно включил лампу и притянул первый документ.

«Встретился с бароном фон Виндифрошем (приятнейший человек, учился в одном со мной университете!), расспросил о соседе. Барон подтвердил,

что фон Гравштайн настоящее чудовище и соваться к нему в лапы может лишь тот, кто совсем головой не дорожит».

Из блога туриста.

Некоторые люди слишком много значения придают внешнему виду.

Утром Эгельберт в очередной раз предпринял попытку нарядить меня в местный национальный костюм. После горячего спора по поводу традиций, оставившего каждого при своем мнении, мы все-таки сошлись на том, что некоторые функции необходимо осуществлять исключительно в подобающей моменту униформе. Дальнейшие поползновения нарядить меня в чулки и круглые «шортики» я с негодованием отверг, именно поэтому сижу сейчас в румынско-боярском кинематографическом одеянии, поглаживая лежащего у меня на коленях Упыря, нервно дергающего ушами.

И меня, и «бедного котика» загнали в это кресло обстоятельства. С котом все просто — он осмелился посягнуть на одно из творений мадам ван Шторре, после чего та поклялась побрить его налысо. И поскольку за ней не заржавеет, то мелкий хищник прятался теперь за моим авторитетом.

Со мной же все было гораздо печальнее.

В городе пользовались законами Федерации, я даже специальный указ издал, но иногда приходилось подключаться лично, решая вопросы, выходящие за пределы компетенции чиновников магистрата и полиции. От судебных функций отмахаться не удалось, обратная сторона любой привилегии — это обязанности, а потому сразу после завтрака из

рыцарского зала во двор вынесли «тронное кресло». Во двор — потому что туристы и горожане (именно в такой последовательности) имеют право наблюдать за судом. Кресло, кстати, просто феноменально неудобное.

За неделю осады накопилось немало мелких проблем. Ничего такого, чего не могли бы решить Эррайн с Ульффриком, но как же так — иметь возможность обратиться к высшей власти и не воспользоваться? Не таковы эски! Особенно, если у барона случился свободный денек.

Вчера взбунтовались войска фон Веллешварма, потребовав положенного двухдневного выходного, раз уж боевые за выполнение вассального долга не дают. Объяснялось это просто — сегодня вечером Эскенланд вымрет.

Закроются раньше обычного магазины, исчезнут с улиц машины, все запрутся по домам и прильнут к голубым экранам. Сегодня — трансляция отборочных соревнований по велогонкам на треке.

А это у местных — вторая по важности тема для обсуждения, после независимости Эскенланда и перед налогами.

Единственный случай, когда мой управляющий всерьез на меня обиделся, был как раз после моей неосторожной реплики о том, что велотрек не слишком зрелищен. Старик даже не возмутился, он просто ледяным тоном отчеканил, что я ничего в этом не смыслю, и очень громко «подумал», что подобную чушь может нести только невежественный варвар, не понимающий тонкой эскенландской души. Пришлось извиняться.

Впрочем, ладно, у всех свои недостатки. Вот, к примеру, у баронского звания — необходимость

судить споры подданных. Вроде бы всего ничего забот, сиди в кресле и слушай, да только я за последние полчаса успел все проклясть.

Был у меня знакомый, простой парень, из работяг поднялся, своим небольшим заводиком владел, так вот он как-то высказался, что все эти «звездюльки» на самом деле получают бабло за то, что им от мамы с папой досталось, даже не работают, просто развлекаются в свое удовольствие, а стонут, словно не по сцене часик в день бегают, а кайлом машут день напролет.

Ну мы и поспорили.

Вломились к одному продюсеру, сторговали у него девчонку из начинающих звездочек, договорились — и пошло: она танец отрабатывает, а работяга на движущейся дорожке идет, она вокалом упражняется, а он в соседней комнате вслух читает, она на репетицию, он по залу кругом ходит, она вечером на подтанцовке, он в сторонке топчется с ноги на ногу. Четыре дня из оговоренных десяти выдержал, потом принес мне выигранную бутылку, а девчонке купил самый помпезный букет и самую большую шоколадку, какие нашел.

Вот и у меня такая же проблема — вроде бы ничего не делаю, сижу, несмотря на довольно ощутимый ветерок, обливаюсь потом, кота глажу, на небо поглядываю, а врагу бы своего места не пожелал.

Разве только совсем уж страшному вражине.

Ну их к черту, надоело! Третий раз начинают доводы по кругу гонять!

— Все, хватит болтовни. Дальше пусть решает поединок!

— Простите, ваша милость?

— Пишите закон, Эгельберт, — с этого момента, любой житель баронства имеет право выяснить спор в судебном поединке. Состязаться будут в предмете спора, и кто покажет себя лучшим профессионалом, тот и победил.

— Но ведь такую живую изгородь нужно выращивать не меньше трех лет?

— В том-то все и дело, Эгельберт, в том-то все и дело.

— Понимаю. Вы хотите, чтобы за это время они смогли точно выяснить, нужна ли подобная высота растений, к тому же они оба получают дополнительные знания и смогут наглядно подтвердить свои доводы. Очень мудро, Александэр, очень!

О том, что они просто больше ко мне не сунутся, я умолчал. Все равно, когда они через три года сойдутся, то опять начнут спорить.

— Следующий!

— Ваша милость, господин барон! Я взываю к вам с требованием очистить город от иноземцев, не чтущих привилегии местных уроженцев!

От моего мрачного взгляда говоривший поперхнулся, сбавил тон, но быстро очухался и пояснил, что он имеет в виду.

Оказывается, в городе некогда существовал цех пекарей, и в отличие от всех остальных, пекарям их гильдейскую грамоту оформили в краткий момент независимости. Теперь этот крепкий краснорожий старикан хотел, чтобы я, «чтя привилегии», повелел закрыть магазин его конкурента.

— В соответствии с этим законом, у меня, как единственного представителя гильдии булочников, есть исключительное право печь хлеб в городе. Если же господин Пресслер хочет продолжать

свою противозаконную деятельность, то пусть сначала пройдет обучение, а потом подтвердит гильдейским испытанием свое соответствие цеховому стандарту!

Я молча смотрел на него. Вот не люблю таких хитрозадых, что ни говори.

Булочник под моим взглядом начал сдвигаться, как потревоженная опара, и только выставил перед собой в качестве щита аккуратную папку с копией старинного документа.

Народ притих, недоумевая. С одной стороны, он, конечно, прав, но с другой...

— Что же, думаю, вас стоит наградить за верность традиции. Эгельберт, напишите указ, что с этого момента я позволяю, как было и прежде, господину гильдейскому мастеру Пантьеру использовать при выпечке хлеба, — я потянулся к папке, вытащил книгу и заглянул в нее: — молотые кости, древесную труху и глину, точно так же, как это делали раньше, а также выпускать хлеб, не обращая внимания на требования иноземных, читай федеральных, законов о качестве. Пекарю Пресслеру, как не входящему в цех и не имеющему положенной репутации, разрешается использовать только самые свежие и самые чистые продукты. Также каждый день ему вменяется в обязанность отправлять пробы на замковую кухню, и замковая повариха лично определит его квалификацию.

До ревнителя цеховых прав дошло раньше, чем я закончил:

— Но... господин барон, моя семья уже триста лет печет самый лучший...

Я резко поднялся, заставив Упыря с недовольным мурком свалиться:

— Обязанность гильдий перед городом — блюсти качество товаров и услуг, именно за это им дается привилегия! Вам предоставлено право набора учеников и составления испытаний, но горе тому, кто сочтет себя избранным! Я не видел в твоём магазине ничего, что не смог бы повторить Пресслер.

Кроме того, ты пытаешься закрыться бумажкой о привилегиях, а между тем не проведены гильдейские презентации, не указаны особые умения членов гильдии, не предоставлено подтверждение того, что ты в самом деле мастер, лучший в своём деле! — От пафоса начало сводить скулы, но я держался. — У тебя три дня на то, чтобы перед магистратской комиссией подтвердить положенным шедевром свое звание мастера. К тому же я не видел, чтобы кто-то из гравштайнских уроженцев смог повторить — я на секунду задумался, вспоминая, — ванильные рогалики, которые так хорошо удаются Пресслеру. Если Гравштайнская гильдия пекарей требует привилегий, не умея обеспечить добрых горожан всем ассортиментом соответствующих изделий, то не о защите ваших интересов речь должна идти, а о штрафе, равномерно распределённом на всех членов цеха!

Вообще-то я натурально влезал в чужой бизнес, не положено феодалу контролировать профессиональные объединения, пусть даже и руками подчинённых своего вассала, но для бывших-будущих граждан Федерации казалось естественным, что все должно идти по порядку, под присмотром назначенных лиц.

Сделав вид, что постепенно успокаиваюсь, я сел, за шкуру вытащил из-под кресла кота и, возложив его на колени, «мирно» обвел толпу взглядом:

— Ну, кто тут еще хочет привилегий по национальному признаку? Лучше не доводите до греха! А то я вам тут наиздаю законов, замаетесь выполнять.

Из окружающей толпы бочком-бочком начали выкарабкиваться два-три человека, но остальные довольно загудели. Шоу идет своим чередом, барон слёгка злобствует, нахальный (хоть и хорошо пекущий традиционный хлеб с орешками) пекарь поставлен на место.

Людам нравится видеть работающую власть.

Главное, не давать им повода подбросить работенки.

— Господин барон! Я требую справедливости!

Из толпы вышел еще один... я бы сказал «ряженный», но сам-то кто?

Обычный человек, наряд вот только напоминал «шведского посла». Ну что, «кемску волость» будет требовать?

— Я представитель юридической компании, осуществляющей надзор за правами...

— Короче.

— В вашем замке обосновался пират!

— Вот как?

— Вы, конечно, в курсе, что один из ваших арендаторов — пиратский.

— Ну, в замке Гравштайн пиратом никого не удивить.

— Да, мне рассказывали.

Я присмотрелся, но физиономия просителя никаких эмоций не демонстрировала. Можно, конечно, возмутиться, только чем? Я сказал, он согласился...

— Они сами, во всеуслышание, называют себя пиратами, состоят в сношениях со многими людьми, грабящими почтенных мастеров, чем доказывают

свое ремесло. Пират, как всем известно, это морской разбойник. По «Правде эсков», морской разбой наказывается смертью. Я прошу вашего суда для тех, кто сам признался в преступлении.

Мда. Красиво он это. Наверняка, если я выскажу что-то насчет того, что одних слов недостаточно, выкатит еще какую-нибудь хитрую идею. И главное, я не понимаю, против кого это придумано? В самом деле кто-то решил программистов накрыть, или меня на прогиб испытывают? Одет подобающе, ведет себя вежливо, за спиной «посла» два крепких незаметных мужичка, да и «Правду» он точно процитировал, есть там такой раздел.

— Господин фон Шнитце, пошлите человека к этим «пиратам».

Управляющий кивнул, а я снова стал поглаживать кота, спокойно глядя поверх голов собравшихся, обсуждающих новую проблему. Кто-то уже начал раскручивать спор, мол, люди хорошим делом занимаются, и вообще, кто ж знал? Ему отвечали, что за свои слова надо отвечать, тем более, если... Что именно «если» я не дослушал: прибыл рекомый «морской разбойник».

Программист как программист, мужик лет тридцати, всклокоченный, тощий, бледный и профессиональная травма — выемка слева на подбородке от постоянного упора ладонью. Смотрит нахмуренно и дерзко, а вот «посла» узнал, тот даже улыбнулся, разве что ручкой не помахал.

— Ты главный в конторе?

— Я!

— Пират?

— Этот сказал? — Он кивнул на просителя.

— Этот. Требуется, чтобы тебя казнили. Как пирата.

— Дорвались, заразы! На суде ничего не вышло, решили так достать?

— Тебя никто за язык не тянул.

Он оглянулся по сторонам, заметил стражников, прикинул шансы вырваться.

А ничего, мне нравится, бойкий.

— Ладно, говоришь здесь вслух, что ты всего лишь...

— Я пират!

— На виселицу хочешь? — Он утрюмо насупился. Не хочет, значит? — Хотя... как мне только что сказали — в Гравштайне к пиратству не привыкать. По закону я должен тебя повесить, но как личному гостю барона могу дать убежище, под слово не покидать замка и не причинять вреда добрым эскенландцам или их союзникам.

«Посол» нахмурился, но я успокаивающе кивнул ему:

— Только остается одна тонкость — есть сомнение, тот ли ты, за кого себя выдаешь? Поэтому проведем ряд испытаний, так сказать, на профпригодность. — Я поднялся с кресла под очередной недовольный мявк кота. — Повелеваю: рыбакам взять этого мужчину на корабль и проверить! Если же он не покажет умений в морских делах, учить, ежедневно, не давая сойти на берег, пока не станет настоящим «морским человеком»!

— А если я не смогу выполнить ваши условия?

— Значит, ты не настоящий пират и позоришь это высокое звание. И, следовательно, я тебя за это повешу. Точнее, повешу за шею, но и за самозванство тоже. Тьфу ты, в общем, понятно, да.

— А можно в тюрьму?

— Тюрьма у меня для серьезных людей, всякой швали нечего там делать. Вот докажешь, что ты настоящий пират, а не воришка компьютерный — добро пожаловать за мой стол, я лихих молодцов уважаю! Нет? Повесим к чертям морским. Доволен? — Последнее было адресовано «послу». Тот задумчиво нахмурился:

— А может, вам проще выдать его властям Федерации?

— С Гравштайна выдачи нет! Мы суверенное баронство! — Подданные согласно зашумели, «посол» поморщился, но потом не удержал лица и с довольной гримасой посмотрел на программиста. Видимо, он хорошо представлял разницу между офисом компьютерной компании и рыбацким судном.

Ну вот и прекрасно. Виселицы, конечно, дисциплинируют, только у баронов тоже есть шея, и не стоит давать на это намеки.

— На сегодня суд окончен! Ступайте по домам, добрые эски!

Туристы довольно зашумели, горожане расходились, переговариваясь.

Рядом недовольно звякнул ножнами сэр полицеймейстер.

— Зря вы, господин мой, не выдали этого мерзавца! Он делает доступными компьютерные игры, а ведь они провоцируют жестокость и так вредят мирным обывателям!

Что с людьми вытворяет титул! Всего две недели как рыцарь, а велеречив сделался неимоверно. Еще не Дон Кихот, но уже близко. Сэр градоначальник пока держится, но тоже сдает: Эгги рассказывал, что мэр собирается заказать полный комплект доспехов, по фигуре. Бронированный колобок, смерть врагам!

— Отчасти это даже хорошо, нынешним воинам не хватает доли здоровой кровожадности, слишком мягкотелы! А вообще, сэр Ульффрик, раз вы рыцарь — шли бы вы! В смысле совершите что-нибудь героическое, пора бы уже оправдать звание?

— Увы, господин мой, нынешние времена скучны и не дают повода проявить себя. Вот если бы вы позволили мне сразиться с викингами...

— Умерьте аппетит, благородный сэр! Приказываю вам — пойдите и совершите какой-нибудь подвиг, во славу... хм.

— Чью?

— Мою. Или прекрасной дамы. Сами придумайте, рыцарь обязан владеть поэтическим слогом!

Милостиво кивнув мечтательно задумавшемуся полицейскому, я сошел с помоста, потягиваясь. Так, что у нас сегодня? Вроде бы должна приехать какая-то комиссия, но это часа через два, значит, есть время проверить, что там с подвалом, фон Шнитце сейчас должен быть где-то там.

Размышления прервали слова стражников, вполголоса обсуждавших итоги суда:

— Суров наш барон-то: я три года после школы на сейнере отходил... не вытянет программист. Суров, да.

— Ну, понятно, привык, наверное, еще тогда... ну когда еще был... — Заметив, что я их слышу, стражник вдруг резко оборвал разговор и, суетливо попрощавшись, убежал куда-то:

Так. Это когда я был — кем? Ох и навязла в зубах эта легенда про «рашин мафиозо»! Пять евреев, армянин, два таджика — грозная русская мафия!

Я проследил за ними, а потом вдруг увидел сидящего у стены на корточках людоеда — тот с хищным

выражением лица смотрел в спину проходящей Марти. Пришлось хмыканьем привлечь его внимание, кивнуть на девушку, а потом изобразить пантомиму на пальцах — вот что-то болтается, покачиваясь, вот я беру ножницы, они щелкают, что-то отрезая, и это болтающееся «что-то» падает на землю. Негр, секунду подумав, выпучил глаза и, замотав головой, решительно отвернулся в сторону. Я проследил за взглядом — смотрел он в сторону хлева. Ну что же, сердцу не прикажешь. Главное, что мы друг друга поняли. Вообще приятно, когда люди разных стран так хорошо друг друга понимают. Хотя пажам я намекну, пусть приглядывают за ним.

Негр со временем оказался сущим дитем. Если воспитывать и вовремя пороть, то получится пример для младших и радость для родителей, а вот если не углядеть — не всякий взрослый бандит сможет повторить «подвиги» веселящихся ребятишек. Здоровенное, резкое такое дитя природы. Ничего, пара плюх от меня и десяток от Фиска, постоянный надзор и присутствие «взрослых» сделают из людоеда человека. Мы еще научим его родину-Африку любить!

Так, что у меня еще первоочередного?

Открыв папку, я перебрал бумаги. Ремонт, значит. Поток наличности, резко увеличившийся с ростом интереса туристов к древнему замку, уходил в этот ремонт, как в песок, оставляя самый минимум. Надо пройтись по всему списку работ, убрав ненужное в данный момент. Эгельберт, конечно, будет орать и драться за каждый эре, но тут ничего не поделать.

Словно услышав, что я думаю о деньгах, позволила бывшая:

— Я выяснила, откуда ты звонишь! Значит, устроился сторожем? Или повезло, и взяли дворником? — Голос у нее был неожиданно мирным.

— Бароном я тут работаю.

— Да ну? Что, даже палача изображать не взяли?

— Тут на эту должность целая очередь, с драками. Никогда не понимал желания некоторых так плотно работать с людьми, но местным нравится.

— Видела пару фоток, во что ты все время одет? Ты там что, туристов привлекаешь?

— Можно сказать и так.

Все в Эльке хорошо, но вот одно ей не давалось упорно — языки. Русский да русский командный, которому я с удовольствием учил приличную девочку. А вот насчет европейских — для этого есть переводчики. Впрочем, у нее полно других достоинств.

Сначала я слушал ее рассказ о том, как хорошо отдыхают девчонки, потом упреки, что их пришлось отправить отдыхать, потом еще что-то... Прошел на кухню, снял пробу с обеденного меню, отослал Эгги в помощь сэру Ульриху, пусть вместе себе подвиг придумают, потом, зажав микрофон, объяснил группе пожилых туристов, что казни у нас не каждый день, и вообще, сегодня выходной.

В момент, когда бывшая, ойкнув, заметила, что треплется со мной уже полчаса, и попрощалась, настроение было уже вполне сносным, так что, найдя начальника стражи на стене, сидящим в шезлонге и аппетитно откусывающим от контрабандного багета, даже немного умилился. Вот, тоже человека тянет на город с высоты смотреть. Правда, я обычно повыше забираюсь, ну так я и в чинах постарше!

— Ну, что нового придумало Мировое Гасконство? Конклав Тайных Аквитанцев уже вынес свое решение по захвату мира?

— Вам все бы шуточки, Александр Николаевич.

— Хм, разве не твои соотечественники правят из-за кулис?

— Когда бы им подобными глупостями заниматься, они серьезные люди.

— Серьезные? Изя, почему у тебя недельный отчет не сдан?

— Александр Николаевич, ну как можно в такой замечательный, такой солнечный, такой выходной день говорить о скучных проблемах? Присаживайтесь, я тайком от служак Эвальда пронес в замок две бутылки замечательного вина и просто великолепный контрабандный сыр. Присоединяйтесь, господин барон, присоединяйтесь!

Ага, «две бутылки». Типа я не знаю о регулярных поставках продовольствия через стену, с участием двух веллешвармцев?

Что самое смешное, я сам хотел что-то подобное учинить, но... не поднялась рука! Я ж барон, я ж слово дал, етить его в три коромысла!

Может, в самом деле этот замок проклятый?

— Ты, между прочим, на работе.

— Это эски живут, чтобы работать. Французы работают, чтобы жить!

— Гасконец, или ты будешь работать, или тебе не жить! Это я тебе как румын обещаю! Отчет к вечеру предоставь!

— Что-то случилось?

— Черт его знает. У меня предчувствие.

— Seriously. — Он уже вскочил, сунул мне полный стакан и приглашающе протянул тарелку с мяс-

ной нарезкой. — Комиссия, да? Да бросьте, это просто говорильня, реальной власти у них нет, а если что — камеры пустуют!

— Кацмант, до выборов чуть больше месяца, а потом за все сотворенное придется отвечать.

— Ваша милость, вот только не надо заливать бедному гасконцу, что вас это хоть сколько-то беспокоит!

— Тебе предложений не делали?

— Пару раз, от веллешвармцев, ничего серьезного.

Я посмотрел в его глаза, Изя, как впрочем и положено, смотрел абсолютно прямо и честно, убедительно доказывая, что места для совести у него в организме не предусмотрено.

— Смотри, господин brave уса, повесят тебя на воротах, если что.

— Нашему роду нет переводу!

— Ну-ну...

Мы сидели, перебрасываясь фразочками, глядя на город и море, минут десять, а потом меня, наконец, нашел фон Шнитце.

— Господин барон...

— Иду.

Сегодня управляющий хотел показать мне часть подвалов, которые можно сдавать под склады.

Подвалы были знатные! Древние, сводчатые, с непонятным мусором, вычистить который мы собирались силами волонтеров. Может, пустить слух, что тут есть какие-нибудь клады? Охотнее копать будут.

— Кстати, Александэр, вы, наверное, не в курсе, «неистовая дева Гравштайна» опять натворила дел.

— Трупы спрятали?

— Не настолько натворила. Один турист с юга отпустил ей очень лестный, но сомнительный комплимент. Что-то там о форме ягодиц.

— Боже... бедняга!

— Ему всего-то и досталось два удара кочергой. Эдгар успел утащить фрекен Марти из кухни.

— Выпишите ему премию, едой. У Исабеля возьмете. Кстати, где мы и что это за пролом?

Старик удивленно огляделся, потом раскрыл папку и вдруг нервно схватил меня за руку.

— Стыдитесь, старина! Мы только-только заблудились, а вы уже начинаете примериваться, с какой стороны я вкуснее?

— Господин барон! Этого прохода нет на моем плане подвалов!

Я взвесил в уме возможности. Разумнее всего было бы отметить дыру и пойти дальше... но азартный любитель истории уже лез в узкую щель, вытащив из кармана маленький фонарик.

— Александэр! Тут кости!

— Только не говорите, что это какой-то турист потерялся!

— Ну, думаю, его можно было бы назвать и так. — Старик наклонился к груде костей и тряпья, поворошил их, разглядывая. — Шестнадцатый век, испанец. Испанец? Ох ты, да неужели?! — Он подхватил с пола продолговатую железяку, выхватив у меня фонарь и тут же начал что-то скрести, очищая вековую грязь. — Не может быть! Не может этого быть!

— Чего не может? — Старик даже подпрыгивал на месте, что заставляло меня нервно дергаться — вдруг расколотит наш единственный фонарик? — Я ошибался! Невероятно! Легенда о Мигеле де Альваресе — не выдумка, вот же она, вот!

И он сунул мне под нос железяку, повертев ее с торжествующими возгласами.

— Точнее — это шпага де Альвареца, а это, значит... — Он примолк, глядя на лежащие у стенки останки. — Сам несчастливый дон Мигель, так и не ставший когда-то владельцем Гравштайна.

Вдруг старик оглянулся вокруг, быстро осветил все углы:

— Да, кажется, сюда никто не заходил уже сотни лет.

— А я говорил вам, Эгельберт, что служащие из рук вон плохо занимаются уборкой. Посмотрите вниз. — Луч фонаря тут же осветил пол. На нем виднелась цепочка ясно читаемых следов. — Первым после этого несчастного сюда свалился я. И притомившись, сидел всего в шаге от своего предшественника.

Представив, как в полной темноте нашарил бы эти кости, я содрогнулся.

— Скорее всего, вы свалились в один проем. Легенда гласит, что дон Мигель, незаконнорожденный сын очень высокопоставленной особы, отличившись в войне, проходившей неподалеку, получил от отца во владение этот замок, но в первый же день исчез вместе со своим слугой.

— Череп слуги, видимо, валяется там, под лестницей.

— Вероятно, именно так и есть. Они упали в потайной колодец, слуга разбился насмерть, а господин заблудился в подземелье и остался здесь навсегда. По преданию, следующие сто лет призрак являлся жителям замка и просил показать ему выход, но вид его был столь ужасен, что никто не мог ответить, все в страхе кидались прочь. Однако последнее упоми-

нение о призраке де Альвареца относится к семнадцатому веку.

— Останки никто не тревожил с тех самых времен.

— А ведь испанцы тогда подняли изрядный шум, пропавшего долго искали, он доводился родней через отца едва ли не самому королю. Но не нашли!

— Зато мы теперь можем спокойно пройти по моим следам, так замечательно видимым в этой пыли. Не забудьте прислать сюда человека, забрать кости... лучше Фиска. Ленъ шариться, но один золотой я здесь нашел, вдруг еще что-то ценное отыщется?

— Так и сделаю, Александэр. Кстати, вот эта железяка — меч самого короля, пожалованный дону Мигелю за славные подвиги!

— Вот как? Ну, тем более надо достойно похоронить храбреца. Идемте!

Теперь, с фонариком в руке прослеживая по отметинам в пыли путь, проделанный некогда на ощупь, я поражался своему везению. Даже при свете я несколько раз бился головой о балки, а ведь тогда прошел более-менее без потерь. Впрочем, сейчас путь оказался гораздо короче, чем тогда. К тому же вскоре мы наткнулись на спасательную группу.

Впрочем, эти шестеро сюда пришли спасти не меня, а что-то другое.

Что-то, что можно найти металлоискателем, который нес Дэн. Сейчас он исследовал какую-то дыру, а остальные пажи азартно его подбадривали.

— Здорово, орлы!

Хорошо прыгают. Экие они у меня живчики, право слово.

С иронией разглядывая машинально выстроившихся ребят, я задал вопрос:

— А что вы здесь делаете? По случаю выходного можно было бы и в город метнуться, погулять?

— Мы решили... подготовиться к ремонту. Вы с господином фон Шнитце так много о нем говорили.

— С металлоискателем в руках?

Пажи начали старательно изображать непонимание, мол, а что тут такого? Эх, молодые! Ну кто же начальнику такой повод дает? Было бы у меня настроение похуже, то готовились бы вы отсюда и до вечера. Марти углубленно изучала что-то в бумагах... между прочим:

— Марти, наш незабвенный боевой друг! Я как-то до сих пор не удосужился спросить — а как твое имя звучит полностью?

Девушка отчего-то замаялась, а потом, быстро оглянувшись на остальных пажей, отчеканила:

— Мартиша!

Все пятеро стоявших за ее спиной парней, не сговариваясь, одновременно пропели короткое «Та-да-да-дам!» и два раза щелкнули пальцами. Марти, как заправский хамелеон, тут же сменила цвет лица с гордо-бледного на мрачно-багровый. Мартиша Адамс? Знакомо, только никак не вспомню откуда.

— Удальцы, а какое прозвище дала команда своему боевому другу?

— Как было приказано, господин барон, — так и зовем! — Дэн стоял по стойке «смирно», подняв металлоискатель «на караул».

— Злится?

— Постоянно, господин барон!

— Это хорошо! Злость прогоняет ненужные умятствования и закаляет характер. И что, только так и зовете?

Дэн, оглянувшись на строй пажей, делающих какие-то совсем невозмутимые лица, кашлянул и уже тише добавил:

— Иногда — Баффи.

Хм, тоже что-то знакомое. Кажется, из книги какой-то? Видел что-то на прилавке...

— Ну-ну. Хвалю за сдержанность.

— Рады стараться, господин барон!

Так, милитаристские замашки Изи надо придержать, а то он из нормальных ребят роту королевских мушкетеров обучит. Ну да, какой же гасконец не мечтает стать генералом?

— Кстати, Марти, честь оруженосца — это честь его господина, и конечно, не стоит стесняться в методах ее защиты. Если нужно, можете взять мою булаву или вот отберите у нашего Умника наградное копье. Но гоняться за излишне свободным в выражениях туристом с кочергой — это подрыв имиджа баронства на международной арене.

— Виновата, господин барон! В следующий раз так и сделаю.

— Хвалю. Продолжайте искать... вон там и там проверить стены и пол. Что найдете, сдадите Эгги под расписку. Кстати, там еще кости лежат, одного из предыдущих баронов, собрать со всем почетом, перенести наверх, сложить в цельный скелет.

Поскучневшие пажи — как же, приключение превратилось в работу! — согласно проблеяли, и мы с Эгельбертом пошли по их следам к выходу.

— Господин барон, можно вопрос?

— Слушаю.

— Марти все-таки девушка, а вы с ней постоянно так...

— Как? Между прочим, у меня две дочери, я с ними так же. Если ты игнорируешь законы вежливости, то эти законы могут начать игнорировать тебя. Ее убеждения — это ее дело, до тех пор, пока она не пытается воздействовать ими на меня. Умная — сама сообразит. Общительная — друзья подскажут. Ограниченная дура — сгинет, как сгинули и тысячи до нее. Хотя такой бюст, конечно, будет жаль, да и глаза у нее красивые. — Старик попытался что-то сказать, но я договорил: — Если для нее так много значат слова, что она не обращает внимания на реальное положение дел, при котором ее окружили всяческой поддержкой и защитой, то я сделаю все, чтобы за время своего испытания, наш боевой подруг хоть немного научилась отличать оттенки. Чтобы поняла, что к чему в этой жизни. Согласны?

— Дети должны сами выбирать свой путь, они имеют право набить свои собственные шишки.

— Эгельберт, вспомните себя в этом возрасте. Славный был парнишка, да? Глупый, неопытный, зато с фантазией и полон оптимизма. Вы действительно хотите, чтобы выбор всей вашей жизни делался именно этим балбесом?

— Ну, Александэр, мы все-таки были другими.

— Такими же, такими.

— Э-э...

— Чего тут спорить?

— А-а!

— Да что с вами?

Луч фонарика вдруг заплесал в руке старика, высвечивая белую фигуру, висящую в воздухе метрах в десяти от нас.

— Да нет, не может быть...

Я крепко вцепился в его плечо, лихорадочно пытаясь вспомнить, каким образом избавляются от привидений — Отче наш? Или как там: да воскреснет Бог, да чего-то там враги его... Нахрен, я лучше кулаком!

Привидение, плавно колышась, подплыло к нам и гулким баритоном спросило:

— Эта, вихад гидэ, а?

— Твою мать! — Я еле удержался от того, чтобы не дать в морду ничего не понимающему негру; фон Шнитце стоял, держась одной рукой за стену, а другой за сердце. — Эгельберт, вы как?

— Ох... я в порядке, Александэр.

— Что ты тут делаешь?!

— Туалэт пашел, заблудилса!

— Иди... — Мы с Эгельбертом одновременно переглянулись и показали: — Туда!

— Ага, идить.

Закутанный в бесформенное белое национальное одеяние негр, с совершенно невидимыми в темноте руками, ногами и головой, двинулся в указанном направлении. Минуту мы прислушивались, затаив дыхание, а потом до нас донесся сначала дружный вопль ужаса, потом крики негодования, а потом шум, словно шестеро каких-то очень испугавшихся и разозлившихся молодых людей гнались за кем-то, чтобы больно побить.

В общем, через три минуты на поверхность выбрались два очень довольных, хотя и очень грязных человека. Эгельберт тут же улизнул по делам, а я двинулся в донжон, размышляя о будущем. Пажы — славные ребятишки, в оруженосцы я их всех посвящу, хотя до последнего стану держать в напряжении. Но вот годятся ли они в рыцари? Дэн, или Норман, или

даже Марти — рыцарь? Воин, облаченный в сталь и несущий справедливость на кончике меча? Нет, я понимаю, что идеал далек от реальности, но стоит ли? И кстати, если рыцарь — «сэр», то как будет именоваться женщина-рыцарь? Леди? Быстрый поиск в Интернете показал, что правильным будет «дама». Рыцарственная дама, точно.

Представив Марти и сравнив ее с гордым термином «дама»... нет, не катит. «Дама Мартиша» — вот это уже ближе, только она, похоже, этого имени стесняется. А почему? Спустя минуту, я хихикал, вспомнив, наконец, откуда это имя. Бедная Марти, вот попадутся же такие юмористы-родители, и доказывай потом всю жизнь, что ты ни при чем!

Черт, опять дверь не закрыли. Да, тут ближе бегать в рыцарский зал, но туристы же по всему замку расползутся!

Я задвинул засов и пошел по коридору к своему кабинету. Так, что у меня тут со сметой на обновление проводки и освещения в подвале? Лучше не тянуть, там это действительно необходимо. Или все-таки попробовать законопатить все входы? А если опять провалюсь?

За спиной кто-то остановился, вежливо кашлянул и спросил:

— Не подскажите, где тут выход? Кажется, я заблудился.

— За дверь, вниз по лестнице, второй проход направо, а во дворе спросите любого стражника, вас проводят. — Самому провожать очередного отставшего от группы туриста мне не хотелось. Да, замок большой, но они же умудряются теряться по пять раз на дню! Может, поставить ограждения? Черт, опять расходы!

— Благодарю, сеньор.

Несколько секунд я пытался понять, что же тут не так, а потом резко развернулся. Коридор за моей спиной был пуст. Дверь в конце его все так же закрыта на засов.

Минуты две я стоял неподвижно. Потом вздохнул, пожал плечами и пошел дальше. Припекло беднягу, посреди дня является. Ну да пусть, в самом деле, что это за древний замок без привидения?

«Прикиньте, шеф отправился на мост! Сказал, что будет вызывать всех проезжих рыцарей на бой во имя своей Прекрасной Дамы!

Кто у него дама? Фру Матильсен?

У него их сейчас десяток уже, скоро в очередь станут записываться...»

Из переписки во внутреннем чате.

«Особую отвагу и рвение при спасении пострадавших проявил полицмейстер Гравштайна. Подобное поведение было принято как должное — недавно, в соответствии с местными обычаями, этот пятидесятилетний отец семейства был возведен в рыцарское достоинство своим сюзереном. Звучит немного архаично, но, на мой взгляд, нам все еще есть чему поучиться у старушки Европы».

«Авария туристического автобуса на севере Федерации», статья в «Дейли Планет».

Эгги оторвал меня от бумаг спустя полчаса, сообщив о приезде долгожданной комиссии. Ругнувшись вполголоса на всяких там умников, что отрывают

честных людей от работы, я все-таки подавил первое желание послать кого-нибудь разбираться с ними, а самому сачкануть под предлогом работы. Особых хлопот они доставить не могли, разве что подгадить, дав турфирмам повод для жалоб, но все равно надо принять дорогих гостей лично. Так сказать, увеличивая престиж государства. Поэтому, отправив парня к отцу, который должен был заготовить кое-какие бумаги для отмазки, я поспешил вниз.

— Приветствую вас в замке Гравштайн! Простите, забыл переодеться. Да и привычнее в этом, не говоря уже, что в подземельях прохладно. Итак, чем я могу вам помочь?

Инспекторов было четверо. Суховатый высокий мужчина лет сорока, при взгляде на которого хотелось сказать «Здравствуйте, доктор», двое слабо отличимых друг от друга существ трудно определимого возраста и пола, типичные активисты-общественники, и Особа, Приближенная. Есть среди офисных крыс подобные, сами по себе ничего не представляют, но постоянно стараются присосаться к кому-то со статусом или получить солидную корочку, после чего все у них вертится вокруг этой причастности.

— Здравствуйте, господин барон. Я руководитель инспекционной комиссии международного независимого фонда «Равные права» доктор Конрад ван...

— Аaaa! — Члены комиссии резко дернулись, оглядываясь, и только я страдальчески вздохнул. — Должен... должен... умереть! Древнее зло тянет меня... тянет! Аaaa!

Стоявший на стене волонтер неровными шагами приблизился к краю стены и кинулся вниз. Вот засранцы, я же запретил прыжки в страховочную сеть, натянутую по случаю осады, но они, на голубом

глазу, выдают, что подобные конструкции должны проверяться каждый день, и то и дело устраивают «проверку»! Конечно, после прыжка автоматом следует наряд на хозяйственные работы, но их это уже не пугает. Они таким образом теперь меняются — один прыгнул со стены, получил наряд вместо другого, а тот чем-то платит.

— Вы прикиньте? При свете дня, на моих глазах!

— Он... прыгнул со стены?!

— Ну да! Хулиганье!

Хм, повадились прыгать, там сетка прочная, на мужика в доспехах рассчитана. Ну и что я торможу — это же готовый туристический аттракцион! Вот, даже инструкторы-энтузиасты имеются! Или, все-таки, слишком опасно? Правила техники безопасности тоже отменены, но я страховку ставил из ее требований.

Волонтер, пузатый мужик лет тридцати, как ни в чем не бывало вошел в ворота под аплодисменты стражи. Я кивнул ему на хозблок, и он, отсалютовав, пошел, чеканя шаг. Комиссия смотрела ему вслед, раскрыв рты.

— Надо бы еще десяток человек со стены скинуть, посмотреть, что получится... Впрочем, чего это я о делах? Сначала о гостях — вы, как я понимаю, прибыли что-то проверять?

— Д-да. — Конрад ван... еще раз оглянулся на стену, там весело ржали еще несколько слуг, подталкивая друг друга к краю. Пришлось погрозить им кулаком. — Поступили многочисленные жалобы, что должностными лицами баронства и лично вами злостно нарушаются основные права человека!

— Вот как? Ну-ка, интересно!

По кивку доктора, один из общественников, кажется — женщина, открыла папку и стала перечислять. Судя по ее взглядам, я был если и не порождением бездны и реинкарнацией Калигулы, то очень близко к этому.

— Первое и основное — массовые нарушения прав беженцев!

— У них есть какие-то особенные права? Работой и жильем обеспечиваем, чего еще?

— Они бегут из вашего города!

— Так я тут при чем?

— Они бегут от ужасного к ним отношения, есть сведения, что вы используете рабский труд, запрещаете проведение национальных ритуалов и... — читавший (или читавшая) прервался, глядя мне за спину. Пришлось обернуться.

Негр шел через двор, пританцовывая под неслышную музыку и дирижируя сам себе какой-то костью. В другой руке у него был череп, видимо — давешнего испанца, и он то и дело к этому черепу наклонялся, словно прислушиваясь. Зрелище было странным даже для Гравштайна.

— Это кто?

— Это тот самый людоед, которого у нас якобы эксплуатируют.

— Людоед?!

— Мы вообще-то предпочитаем говорить «человек с альтернативными гастрономическими предпочтениями», но от фактов никуда не денешься — постоянно норовит вцепиться в кого-нибудь зубами.

— А что у него в руке?

— Кажется, большая берцовая кость человека. Ничего страшного, владелец конкретно этой уже давненько мертв.

— И вы так просто об этом говорите?!

— Ну что поделатъ, в наших подвалах, бывает, пропадают люди, исторический, видите ли, факт. Но большинство находится, во всяком случае, к ужину приходят все. Еда у нас для сотрудников бесплатна, а в Федерации по такому поводу даже мертвые поднимаются, сами знаете.

Шутку они не поддержали, провожая взглядами негра до тех пор, пока он не скрылся за углом.

— Ладно, можно считать, что на тяжелую рабскую долю вы посмотрели, если хотите, можете потом с ним поговорить, он на кухню пошел, предпочитает отираться рядом с едой. — Я вспомнил, как недавно чернокожий напугал нас в подвале, и с чувством добавил: — Коз-зел. Столько жратвы на него переведем! Ну да ладно, что там следующее?

— А-а... кхм. Похищение и заключение под стражу без суда. Установлено, что вами удерживается несколько человек, граждан Федерации!

— Резонное замечание. Думаю, смогу объяснить, в чем именно вы заблуждаетесь, на примере.

— Александэр! Ой, простите, ваша милость, не знал, что вы заняты.

— Ничего страшного, Эгельберт. Господа, это управляющий замком, господин Эгельберт фон Шнитце, историк и патриот. Что случилось?

— Зверь, господин барон! Опять вырвался! — Отчего-то в замке укоренилась дурная идея, что я способен чуть ли не уговорить здорового козла, и теперь, как только он в очередной раз сбегал, все кидались ко мне. Что странно — среди волонтеров было немало крепких парней, но... но ведь всегда проще спихнуть работу на начальство, ему ведь проще нечем заняться.

Городские ребяташки! Слабоваты в коленках. Вот и приходилось то мне, то громиле Эдгару занимать-ся таким неподходящим делом. Еще, правда, козел не трогал двоих: повариху, опасаясь получить тесаком промеж рогов, и нашего людоеда, видимо чуя родственную душу. А может, просто по окрасу принимая за своего.

— Пошлите кого-нибудь за доспехами.

— Уже. Только прошу вас, Александэр, полегче! Это особенный экземпляр, породистый, немного нервный...

— Он своими нервами весь замок достает. — Дэн и один из слуг уже бежали с броней. — Что опять случилось?

— Зверь и Упырь сцепились, случайно разломали перегородку в стойле.

— Что, туриста не поделили?

— Нет, что-то другое, экскурсия в этот момент была далеко.

— Ну хоть что-то хорошее.

— Прошу прощения? — Конрад показал пальцем на доспехи. — Это — что?

— Видите ли, дорогой доктор, есть в замке одна скотина...

— Александэр! Как можно так о несчастном животном!

— Вот даже вы согласны, что он животное! И этот черный скот всех уже достал! Если бы не ваше упрямство, его давно бы прирезали!

— Дитя природы, просто немного игривое... — Управляющий упорно не хотел признавать, что с выбором вожака для замковых коз он серьезно просчитался.

Особа вдруг кашлянул и надменно выдал куда-то в сторону:

— Мне кажется, что к списку обвинений стоит добавить расовую нетерпимость!

— Да ладно уж, расовую, так и говорите — межвидовую!

Я решительно нахлобучил шлем и двинулся к хлеву, откуда раздавались шипение, бляение и жалобные крики неосторожного волонтера, загнанного дракой мохнатых ужастиков на потолочную балку.

Спустя пять минут и три новых синяка, я вернулся.

— Порядок, раздевайтесь. — Пока я считал потери (что козы иногда кусаются, я знал, но что они при этом рычат и мотают башкой, пытаясь оторвать кусок — это новость!), а комиссия о чем-то шушукалась в стороне, Дэн, страдальчески вздыхая, снимал с меня железо. — Эй, полегче!

— Прошу прощения, ремешок заело.

— Не заело, а зажевало. — Я осмотрел наруч, пряжку крепления перекосило. М-да. — Ладно, неси остальное в оружейную.

Быстро надев кафтан поверх наруча, я вернулся к комиссии.

— Кхм! — Из повернувшихся ко мне приличным человеком выглядел только Конрад, к нему я и обратился:

— Прошу в темницу!

Доктор подозрительно прищурился, близняшки-общественники отгородились бумагами, Особа, так и не представившийся мужик с благородной проседью и породистой брезгливой физиономией, поднял бровь и фыркнул.

Тем не менее, все последовали за мной.

— Вот, как видите, наши подвалы просторны, чисты, уютны и соответствуют всем нормам. Убираются тут регулярно, питание заключенным приносят с общей замковой кухни, грех жаловаться. Впрочем, как вы уже могли убедиться, режим у них весьма свободный.

— И вы так же свободно используете труд заключенных!

Не оборачиваясь к Особе, я пояснил для Конрада:

— Конечно, используем. Им, знаете ли, скучно. Хотя сейчас все сами увидите. Вот!

Близняшки сунулись в дверь и тут же отпрыгнули. Я, заглянув, понял, что ошибся.

— Прошу прощения, это наша замковая пыточная.

— У вас еще и пытаются?

— Только по требованию туристов. Нам немного дальше, пойдемте.

Близняшка вроде-бы-мужского-пола вдруг пригнулся, словно охотничья собака, взявшая след, и протянул:

— Это кро-овь? Здесь кого-то... боже!

Я сдержал смехок. Ну да, у меня тут человек пятьдесят активной молодежи разного пола, плюс ночующие туристы. Кто ж удержится и не попробует заняться этим на дыбе? Они чуть ли не расписание составляют, уже и в городе эвфемизм подхватили, «сходить в пыточную». Ну а кто придумал во время «пыток» вместо крови использовать варенье, это мне уже неизвестно. Думаю, зря они это, но тут уж запрещать бесполезно.

Подойдя ближе, я мазнул пальцем по бурым пятнам на кандалах, приняхался. Попробовал на вкус.

— Карлин, наверное. Она вечно клубничное варенье во все добавляет, даже сама пропиталась. Хотя вкусно. Хотите попробовать? — На меня уставились четыре пары выпученных глаз. Конрад стоял впереди, остальные спрятались за него. Ладно, объяснять им суть происходящего было бы глупо, я просто пригласил:

— Пойдемте. Камеры тут за поворотом.

Когда я проходил мимо, близняшки и Особа аж по стенке распластались. Тоже мне, нашли кровавого диктатора. Понапридумывают, а потом сами боются. Похоже, единственный нормальный человек в их компании — это доктор. Вот к нему я и решил обращаться впредь, игнорируя остальных:

— Пять камер. Новодел, оборудованы по стандартам Федерации, пусть и слегка устаревшим. В этой содержится африканец, вы его видели — нападение на полицейских, есть пострадавшие и покусанные. Здесь у меня сидит некий Блюмшилд, очень подозрительный тип.

— Которого вы похитили, дабы избежать уплаты долга! — Особа попытался угрожающе нависнуть надо мной. Ага, как же! Не обращая на него внимания, я пояснил для Конрада:

— Как видите, никакого похищения, дверь в камеру открыта, рядом постоянно находится смотритель, готовый помочь заключенным.

Дверь и в самом деле была открыта, и перед ней лежал большой кусок колбасы. Нитка, к которой он был привязан, в полумраке почти не заметна, но, узник, должно быть, понимал, что это ловушка. Очередной тюремщик-доброволец сидел сбоку от двери у стенки неподвижно, и только пальцами поглаживал короткую дубинку. Все-таки уважаю местных! Наш

бы не вытерпел, сам в камеру зашел, а тут — порядок, выдержка и коварный план. Ну и еще камера над дверью, через которую трансляция идет в Интернет. Там постоянно ставки заключают, кто сможет выманить банкира из камеры.

— Понимаю, стандарты проживания довольно далеки от тех, к которым привык заключенный. — Тюремщик растянул губы в мрачной улыбке, кивнул и снова погладил дубинку. — Но никаких зверств, только необходимые при отправлении правосудия строгости.

Доктор остановился рядом с темным проемом камеры, заглянул в нее.

— Странно. Мне сказали, что Блюмшильд жалуется... а он даже не выглянул.

Еще бы он выглянул. Он сам просил закрыть дверь решетки, а лучше поменять ее на сплошную и покрепче. Видимо, давит нечистая совесть, давит. Ничего, думаю, благодаря его проделкам, не один человек сменил свой привычный дом на менее приятные места проживания, пусть на себе почувствует. Хотя я точно знаю, что за последние две недели ему досталось плеткой ровно два раза, можно сказать, в тепличных условиях сидит.

Особа начал было набирать в грудь воздуха для очередного заявления, но я уже шел дальше.

— Третий заключенный, господин Шрайбер. Стал нашим невольным гостем, не разобравшись в текущих реалиях и допустив неразумные высказывания. К счастью, более серьезных мер удалось избежать.

— Вы очень кстати, господин барон! — Налоговик подскочил к двери и, распахнув незапертую решетку, решительно направился ко мне. — Прошу вас

немедленно завизировать эти документы! По вашей вине я уже на день просрочил сдачу отчета.

Особа, нахмурившись, протянул:

— Это что — заключенный?

— Это самый популярный из наших заключенных. И самый неугомонный, как видите, налогового инспектора недостаточно посадить в камеру, чтобы он перестал вас доставать.

Я взглянул на поданную им бумагу и присвистнул. Может, питание ему урезать? А то вон как жирует, вражина! Конрад подошел к Шрайберу, участливо прикоснулся к его плечу и спросил:

— Вас ведь удерживают здесь против вашей воли?

— Эм-м...

Спасаемый от тирана незаконно осужденный мялся на месте, подыскивая слова.

— Что, Шрайбер, хотите домой?

Мытарь заерзал, уводя взгляд в сторону. Ну да, еще бы, он и там зарплату получает, с «боевыми» командировочными надбавками, и тут очень неплохо зарабатывает, чего ему рваться на волю? Пришлось оборвать его неловкие попытки вывернуться грозным окриком:

— Марш в камеру!

— Есть, господин барон!

Да, сильна у федератов тяга к военному ремеслу. Вроде бы гражданский, а как шаг печатает!

— Таким образом, господа, все эти клеветнические измышления по поводу пыток и застенков не более, чем происки неизвестных, но явно стремящихся ввести вас в заблуждение лиц. Имеет место воспитательная работа с нацменьшинствами и частные случаи национального судопроизводства. Про-

шу за мной, дорогой доктор, здесь прохладно, это мне ничего, а вы, я вижу, стремитесь на солнце, да?

Поднимаясь, они снова начали перешептываться, но стоило открыть дверь, как нас оглушили вопли. По двору с криком неся длинноногий негр, а за ним, не менее громко выкрикивая что-то матерное, гнался Сато.

— Стоять! — Оба как заправские эскенландцы мгновенно остановились, вопросительно глядя на меня. — Сато, ты очень занят? — Людоед нервно дернулся, а Сато кивнул, мрачно покосившись на противника. То, что африканец был на полторы головы выше и килограммов на тридцать тяжелее, японца не смущало. — Ножницы принеси, пожалуйста?

Негр, с воплем подпрыгнув, рванул с места, как мультяшный персонаж, начав бежать еще в воздухе. Сато, кивнув и почему-то кровожадно ослабившись, бросился за ним. М-да, похоже, так и ходить мне с наручем до вечера.

— Если не догонит, то мы этого козла из подвала не выковырнем вообще. Ну и пусть. Будем туда пленников сбрасывать. — Я повернулся. Члены комиссии смотрели на меня с очень странным выражением лиц. — Шутка, конечно же! У нас тут юмор свой, особенный, если не понимаете, не стесняйтесь переспросить. Что там следующее на повестке?

Двойняшки зашуршали бумагами, потом представили листок доктору, который зачитал:

— Произвол по отношению к патриотически настроенным гражданам.

— Это еще что? А, помню. Был тут один, требовал «Эскенланд для эсков».

— И что вы сделали с патриотом?

— Дал возможность реализовать мечту — отправил улучшать любимый край. Много работы, мало времени для глупостей, нет сил на лозунги, зато оставляешь о себе хорошие воспоминания и занят настоящим делом.

— Он этим занялся тоже совершенно добровольно?

— Ну что вы, патриоты любят говорить, а не делать. Так что трудится он в соответствии с постановлением суда. Все абсолютно законно, позже господин фон Шнитце предоставит вам необходимые документы для ознакомления.

Особа презрительно хмыкнул, показывая свое отношение к качеству этих самых документов.

— Александэр! Александэр! Ужас! — Запыхавшийся Эгельберт остановился рядом и затараторил: — Все ваши пажи! У них слишком много свободного времени, я уже говорил! Они загнали его в подвал! Он сломал ногу! Ужас, он же единственный такой на всю округу!

— Стоп! Кто кого в подвал загнал?

— Козел!

— Туриста?

— Сломал козел!

— Вот козел.

— Простите, но я не...

— Погодите, доктор! Эгельберт, вы уверены, что он сломал?

— Упал в пролет, погнавшись за этим молодым человеком, и зацепился! Нога — пополам! Надо его скорее к врачу!

— Простите, я все-таки врач, может, я смогу помочь?

— Да черта с два я подпущу к этому черному отморозку приличного человека! — Так, значит, пока мы спускались, только что запертый козел опять вырвался? Все, мне надоело! — Знаете что, дорогой мой, давайте его на живодерню.

— Что?! — кричали одновременно Конрад и Эгельберт и тут же принялись попеременно возражать:

— Всего-то сломана нога. Если его как можно скорее доставить в больницу...

— Зачем в больницу? На кухню, чтобы мясо не пропало!

— Господин барон! Я не знаю, как принято у вас на родине, но у нас каждый вправе рассчитывать на достойное обращение!

— Этот козел меня забодал, причем не один раз!

— Александэр, будьте милосердны! Простите и вам простится!

— Чаша гнева преисполнена!

— Тут надо еще подумать, кто из вас людоед!

— Я козлоед! Свежая вырезка по народным рецептам — оставайтесь на ужин, доктор, и я вас угощу на славу!

— Александэр, он нам слишком дорого обошелся!

— Да вы вспомните, сколько раз я от этого черного придурка туристов спасал!

— Господин фон Гравштайн, я буду вынужден сообщить об этом!

— И что мне впаяют? Максимум — жестокое обращение с животным, переживу!

— Александэр! Вы осиротите всех коз нашего хлева!

— Зато наполню кастрюли нашей кухни! Мозги с горошком будут сегодня на ужин... хотя сколько там тех мозгов!

- Александэр!
- Господин фон Гравштайн!
- Держи гада! Убью!

Мы все трое одновременно обернулись.

По двору, но уже в другую сторону, неся Умник. Несмотря на то что в одной руке у него была тележка с тяжеленным щитом, а под мышкой — копье, он бежал очень быстро. Причина была слишком уважительной — за ним гналась Марти. С ножом в руке.

- А это кто?
- Мой паж пытается убить другого моего паж.
- Такая активная девушка. Не боитесь, что и на самом деле убьет?

— Нет, нисколько. Она слишком кровожадна для этого. Вот покалечить и оставить мучиться — это да, может. Эгельберт, в чем дело?

— Могу только предположить. Утром он что-то пронес в ее спальню.

Я вздохнул и закрыл глаза рукой. Ну вот, опять что-то натворили, опять мне все разруливать. А если она толстяка догонит?

— Пойдите и скажите ей, что если она его сегодня пощадит, то следующие три дня кросс Умника вокруг замка — на ней. Может издеваться как захочет.

- А козла?
- Ладно, ваша взяла, пусть живет. Вызывайте ветеринара. Но в следующий раз я его сам добыю!
- Э-э...

Я повернулся. Доктор, оказывается, держал меня за руку, пытаясь привлечь внимание, чего я через наруч не почувствовал. Сейчас Конрад стоял, ошарашенно глядя то на мою руку, то на свою, потом резко дернулся, словно обжегся.

— Ладно, что у вас еще там по списку, надо проверить?

— Поступили данные, что вы замешаны в морском разбое.

— Каком именно?

— Вы что, не можете припомнить конкретно? — Особь скривил морду в усмешке: Так, не обращать внимания, не обращать. Сейчас отстреляюсь, прогони их и спокойно отдохну на своем любимом месте с чашечкой кофе...

— Нет, не припомню. У нас тут есть морские разбойники-викинги, это клуб исторической реконструкции. Приплывали на фестиваль. И еще есть пират компьютерный, этого по просьбе представителя властей Федерации отправили в море.

— За добычей?

— На исправление. Пусть тяжелым честным трудом искупит вину, есть она или нет. В конце концов, нормальную профессию получит.

Доктор откашлялся:

— Я все-таки хотел уточнить — почему вы не хотели отправить пострадавшего в больницу?

— Господин барон, вот бумаги, отец просил передать. А с козлом все просто — у нас тут животных в человеческих больницах не лечат, ветеринар сейчас на выезде, ну так и что с ним делать? — Эгги отвернулся от инспектора и протянул мне папку.

Конрад отшатнулся и прошептал что-то типа «он и людей оболванил». Вот же! И что я должен был сделать?

— Все, с этим закончили. Что у вас дальше по программе?

— Производство оружия массового уничтожения.

— Чего?! — Это мы с Эгги произнесли одновременно. Один... одно из близняшек шагнуло вперед и с выражением зачитало:

— «Также довожу до вашего сведения, что в замке, а именно в подвалах, проводятся секретные работы и создаются какие-то удушающие газы!»

— Пошли. — Я повернулся и пошел к ближайшему спуску в подвал. — Чем сто раз объяснять, лучше один раз вас туда сводить. Только осторожнее, один там уже ногу сегодня сломал!

— Угрожаете?

— Предостерегаю. Прошу! — Я снял засов и открыл широкую дверь, закрывающую спуск вниз. — Аккуратнее, глядите под ноги.

— Спасибо за предостережение! — Конрад, сердито хмыкнув, покосился на мою руку, а потом шагнул вперед. И тут же вылетел обратно.

Мы с Эгги переглянулись и вздохнули.

— Что это... воет... так?! — Голос доктора дрожал, близняшки вцепились друг в друга, Особь медленно пятился. Причуда акустики, вой звучал здесь особенно задумчиво.

— Это? Упырь. Опять где-то в трубах старого отопления шарится. Тут, знаете ли, чуть не с римских времен везде дырки для теплого воздуха, вот он по ним и ползает, жертву ищет.

— И вы так спокойно об этом говорите?

— А как еще об этом говорить? Воет и воет. Откуда он выпрыгнет, никому до сих пор угадать не удавалось. Не бойтесь, меня он боится. Смелее!

Конрад как-то дернул рукой, словно собирался поправить что-то на груди, а потом опять шагнул вперед.

И опять выпрыгнул наружу!

— Там! Там!

Инспекция опять выстроилась «боевым ромбом» — впереди отважный, хоть и бледный, доктор, за ним близняшки, боязливо выглядывающие из-за его плеч, и совсем сзади пригнувшийся Особь.

Мы с Эгги дружно заглянули в проем.

Эскенландец тут же вцепился мне в руку, сминая железо.

По лестнице вверх шел зомби.

Серо-зеленый, покачивающийся, невнятно мычащий!

— Сп... — Я сглотнул. — Спокойно! Призраки у нас тут есть, ведьма имеется, Упырь. Но вот зомби тут быть не должно.

— Но ведь есть!

— Куда я попал!

— Куда мы попали!

Я повторил:

— Спокойно!

Зомби, услышав голоса, рванул вперед, спотыкаясь на ступеньках.

Я пнул его в грудь, опрокидывая, потом быстро закрыл дверь и прижался к ней спиной. Кажется, среди купленных сериалов было что-то о зомби. Жаль, не успел просмотреть, знал бы, что делать в подобной ситуации. Тварь еще пару раз ударилась об окованные железными полосами доски, потом отошла и что-то забубнила потусторонним голосом.

Нет, положительно мне достался какой-то слишком оживленный замок!

— Господин барон! — По двору бежал Роберт, сегодня работавший с экскурсией. — У нас турист пропал!

— Вот, у них еще и люди пропадают! — Писк одного из близняшек я проигнорировал.

— Что за турист? Когда пропал?

— На лестнице не туда свернул, швед, кажется.

— Где это было?

— Вон там, час назад последний раз видели. — Парень махнул в сторону одной из башен, я мысленно представил, куда там мог пропасть человек, потом вздохнул и отошел от двери.

— Открывай. Там твой турист.

Швед, через минуту поднятый наверх, был измазан в штукатурке и до изумления пьян. Если я правильно прикинул, то он как-то ухитрился вломиться в винный погреб... ну и не упустил шанса. Теперь на его лице кроме синяков и царапин имелось блаженное выражение человека, исполнившего мечту жизни. И было бы чему радоваться, все более-менее ценное я давно приказал перенести наверх, к себе поближе. Ну да некоторым важнее количество...

— Ну что же, в целом, все данные подтвердились, но ничего однозначного я сказать не могу.

— Зато я могу! И скажу, будьте уверены! — Особь, выправившись и откашлявшись, старался говорить громко и важно, видимо, чтобы все забыли, как он вел себя только что.

— Альберт, все же нужно...

— Доктор, при всем моем уважении к вам лично и к славе вашей семьи, я настаиваю — в замке явно и намеренно нарушаются основные права человека! Этот, — он оглядел меня с головы до ног, — человек слишком много себе позволяет! Он узурпировал власть, вертит одурманенными горожанами как вздумается, устраивает войны, подвергает опасности людей и совершает еще массу поступков, которые...

Меня вдруг перемякнуло. Водишь их как людей, время тратишь, показываешь, объясняешь, но нет, оно цедит через губу и считает, что его фантазии важнее фактов. Что же, не я это начал. И черт с ним, с общественным мнением и нервными особами в турфирмах!

— Конрад, кто вы по профессии?

— Врач-инфекционист.

— Чума и все такое?

— И это тоже, но я специалист по более редким заболеваниям.

— Уважаю. Реально уважаю, опасная и нужная человечеству работа! А кто он? Бездельник, живущий на заработанную папой ренту?

— Что вы себе позволяете!

Я не обратил внимания на выкрик Особы.

— У вашего случайного спутника есть профессия? Чем он зарабатывает себе на жизнь?

— Господин цу Вихтигфелер много лет является одним из активнейших участников фонда...

— Конрад, я не о том. Что? У него? За? Профессия?

— М-м... Альберт?

Особь презрительно отвернулась:

— Мы зря теряем здесь время! Все уже ясно, надо поспешить...

— Нет, торопиться не надо. Стража!

Двое с довольными улыбками до ушей появились за спиной правозащитника. Кажется, они этого ожидали с момента появления комиссии:

— Обыскать!

В следующую минуту было много визга, криков и возмущенных воплей.

Кричал Особь, возмущался и даже пытался помешать доктор, близняшки скулили что-то в стороне, видимо, идея бороться за права не виртуального, а конкретного человека для них была нова. Но, наконец, все содержимое карманов было аккуратно разложено передо мной.

— Это возмутительно! Вы еще пожалеете!

Я, не слушая, перебирал добычу:

— Кредитки, платок, таблетки для чистоты дыхания. Денег нет, дорожной нет, профессии нет, поручителей нет... простите, Конрад, но хотя вас лично я очень уважаю, принять ваше слово как поручительство в данный момент не готов. Может быть, позже. Итак, данный бродяга арестован за оскорбление добрых гравштайнцев и приговаривается к тюремному заключению и каторжным работам. В камеру его!

Хвать! Вжих! Руками за косяк — хвать! Рывок!

И опять несмазанная дверь проскрипела вслед очередной жертве моего произвола.

— Господин фон Гравштайн!

— Да-да, произвол и все такое. Нет, Конрад, он будет сидеть.

— Вы обязаны отпустить его!

— Какую из букв слова «нет» вы не понимаете?

— Но это важно!

— Важно? Женаты?

— Да.

— Дети есть?

— Есть.

— Все здоровы?

— Да.

— Вот это — важно. Все остальное подождет! Разговор закончен!

— Но ведь есть законы Федерации!

- А мы тут при чем?
- И общепринятые права человека!
- А он тут при чем?
- Я буду жаловаться!
- Кому?
- Тому, кто тут главный!
- Это я, слушаю.
- Тогда я в суд подам!
- Судьей тут тоже я.
- Вынесу на суд общественности!
- Это моим верным подданным? Ну-ну.
- Тогда... полиция?
- В смысле — баронская стража?
- Правозащитные организации?
- Сидят в камере.
- Мировая общественность?
- Обещала не вмешиваться.
- Но... нельзя же так?

— Добро пожаловать в новое Средневековье! Мы и сами не в восторге.

Он застыл с раскрытым ртом, глядя обиженно и возмущенно одновременно. Двойняшки, прижав папки с бумагами к груди, следили за нашим словесным поединком, открыв рты.

— Что поделать, дорогой Конрад, оскорбительно поведя разговор со мной, он оскорбил всех моих людей. Я не просил этой обузы, но деваться мне некуда, и если я должен жить по законам Средневековья, то никто, оскорбивший меня или моих добрых подданных, безнаказанным не останется. Вот, надеюсь, вы передадите эти документы, подготовленные моим управляющим, руководству вашего фонда и тем людям, что послали вас сюда. Там полный набор законов, которые мы соблюдаем, а подобные это-

му вот, — я кивнул на дверь за спиной, — стремятся нарушить, даже не узнав, чем это может для них обернуться. Вы, я вижу, славный человек, которого используют втемную всякие мерзавцы, прикрываясь благой целью. У меня у самого отец врач, я уважаю и вашу профессию, и ваше стремление защитить слабых и обездоленных, но молча снести подобное поведение я не имею права, увы.

Вокруг постепенно собирались услышавшие о новом аресте обитатели замка, вдалеке оживленно обсуждали и фоткали все вокруг туристы. Доктор попытался еще раз:

— Мы могли бы собрать некоторую сумму...

— За кого вы меня принимаете, Конрад? Я не бандит. Просто, общаясь с людьми, было бы неплохо делать это не через губу, с высоты своего мнимого превосходства. *Bytchit' ne nado*, как говорят у меня на родине. Вы старались разобраться, а этот хотел лишь обвинить. Ну, получил своей же мерой. Останетесь на ужин, доктор?

Он оглянулся, покачал головой.

— Ну что же, тогда могу лишь пожелать, чтобы вы приехали сюда еще раз, уже не как строгий инспектор, а как турист или даже гость. Мы здесь всегда рады хорошим людям!

Народ, словно по команде, зааплодировал.

Глядя в спину уходящим инспекторам, я кивнул Норману и Дэну проводить их, а сам задумался. Не хорошо все-таки получилось, не сдержался. Зато не дал ему по морде, и к тому же теперь полный набор — мытарь, ростовщик, людоед и правозащитник. Пятую камеру оставим для туристов. В смысле — для фотографий. Хотя еще бы продажного журналиста посадить или даже кого-нибудь из особо прожжен-

ных ювенальщиков — для полного комплекта. Но камер всего пять, нельзя же все отдать всякой пако-сти, надо же что-то и честным людям оставить? Я добрый барон, у меня и тюрьма маленькая, и законы мягкие. И плаха всего одна на целое баронство.

Ладно, не вышло добром, пусть будет как будет. Вечер уже, пора ужинать с туристами и все-таки попробовать урвать хоть полчаса, спокойно посидеть на башне.

Обо всем остальном я подумаю завтра.

«Я к этому психу в его безумный замок больше не сунусь! Не знаю, действительно ли он тот, за кого его принимают, но что он опасен для окружающих — это точно!»

Из блога доктора медицины
Конрада ван Хельсинга,
старшего инспектора
общественного фонда «Равные права»

«Девочки, у меня новый фик! О древнем страдающем зле, чье безумие сводит с ума даже самых стойких противников, заставляя их мучиться в переживаниях!»

Из блога модератора
сайта «Анимир», тэги «вдохновение»,
«слэш», «новое», «пошлятинка!!!!!!».

— А вы, господин барон, пользуетесь правом первой ночи?

Я тяжело вздохнул, отрезал кусок мяса и начал сосредоточенно жевать.

Когда этот вопрос задали в первый раз — было смешно. Во второй, третий, пятый — я еще отшучи-

вался. На десятый уже злился. Сейчас, потеряв счет, я просто молча жую, не отвлекаясь. Ничего не знаю, нет у нас всяких таких прав!

Тем более что обед нынче вкусный, а эта баба меня уже достала.

Туристки... туристки на завтрак, туристки на ужин, у меня скоро изжога от них начнется! Каждая вторая хочет показать, какая она воспитанная и утонченная, каждая первая старается привлечь внимание. Мужья ревниво сопят, но это ладно, есть ведь и такие, которые, прости господи, намерены гордиться «победой» супружницы, а то и лично сфоткать вожденный процесс...

— Попробуйте этот паштет, гордость моего повара. Но будьте осторожны: замковый повар, мадам ван Шторре... ох, ну что же вы так! — Туристка, сунувшая в рот целую ложку означенного лакомства, надула щеки и волнами меняла окрас, словно испуганный осьминог. — Она любит все острое. Ничего-ничего, к этому надо просто привыкнуть. У меня в пажах проходит обучение молодой человек из Японии, они разработали этот рецепт вместе.

Туристы, сразу заинтересовавшись, начали борьбу за блюдо, а дамочка, все так же с торчащей изо рта ложкой, тянулась одновременно к двум бутылкам. Ну, может, напьется и перестанет домогаться? С утра мне всякие намеки делает с изяществом носорога. Уж и так ей ответил, и эдак — делает вид, что не понимает. Суровая нордическая прямота, возражения от жертвы не принимаются.

Туристы, по очереди пуча глаза, замолкали, но даже видя, что творится с их сотрапезниками, отказать от искушения попробовать не могли. Постепенно за столом воцарилась тишина, прерываемая

только страдальческим сопением. Надо же, опять сработало. Неужели никто из попавшихся раньше не предупредил? В среднем я использую этот трюк раз в день. Ежедневно экскурсанты оставляют отзывы на сайте, но никто ни слова не говорит о том, что с ним случилось за обедом!

Я опустил глаза и продолжил терзать отбивную.

Теперь понятно, почему жизнь барона — пиры, охота и война.

Потому что скучно!

Затея с пажами как-то вдруг обрела свою жизнь и теперь практически не требовала от меня усилий. Ребят разбирали с утра желающие, кого-то в полицию, кого-то в помощь Эгельберту, еще куда — всюду, где требовалось символическое присутствие представителя барона. После выходных снова возобновились осады, вчера «армией» командовал Умник, сегодня Дэн, завтра Марти ползет на стену, надо предупредить нападающих... хотя они и сами знают. Девчонка, несмотря на взрывной характер, голова-стая, но иногда не в ту сторону, так что ее боятся едва ли не больше, чем меня.

В город я не совался, зная, что чем меньше начальство видишь, тем больше его уважаешь. Народ должен быть уверен, что правитель неустанно думает о его, народа, благе, так что нечего с довольным видом слоняться без дела.

Гильдейский пекарь-сутяга принял экзамен у своего коллеги-инородца и, торжественно вручил ему «Удостоверение мастера». Впрочем, скандалист показал себя крутым профи, ухитрившись соорудить из подобия мамалыги нечто весьма и весьма смахивающее на деликатес. Они еще и меня сделали почетным членом гильдии пекарей, как «вернувшего

эскам утраченный секрет «вареного хлеба». Ну что скажешь, лизнули начальство.

А в замке дел почти не осталось. Шесть экскурсий в день, три трапезы с туристами, живу, как медведь в клетке, вроде бы кормят и нет проблем, а вроде бы чего-то не хватает. Тираню потихоньку слуг и пажей. Придумал для провинившихся наказание, бег с бревном на плечах вокруг замка, даже выбрал парочку корявых полешек, для наглядности. На следующий день проверил — одно бревно выдолблено, другое вообще из крашеного пенопласта. Выругал, сказал, что будут бегать, как рыцари из сказаний, со своими конями на плечах, и наутро в каждом стойле вместо нормальных лошадей оказались пони. Причем крашенные в разные цвета, я таких видел, когда с девочками своими мультики смотрел. Спросил, куда дели живность — молчат, сопят и хихикают. Туристы увидели — обзавидовались, как раз какая-то детская экскурсия была, так от восторженного визга уши закладывало, надо бы детскую программу придумать, «Средневековые для маленьких». Тут еще Анька позвонила, начала подарок кланчить, услышала о пони и тоже захотела. Кое-как договорился, что куплю ей какую-то модную тряпочку, хотя сдается мне, что это был развод в лучших бабских традициях. Ну да все ж таки дочь, и подарок я им обещал, надо будет выбраться куда-нибудь.

Кстати, на международной арене у меня репутация крутейшего экстремиста и тирана. Я в бумагах Особи покопался, там указано, что в баронстве, оказывается, сто десять заключенных на каждые сто тысяч человек, и с момента отделения от Федерации средний показатель растет на двадцать процентов в месяц. И плевать, что в городе и окрестностях этих

самых тысяч всего одиннадцать, главное, что статистика красивая, так что можно немного округлить! Причем указано, что треть из этой сотни попала в застенки без суда, а каждый второй «используется на принудительных работах». Нет, все сходится — в городском участке на тот момент сидело пятеро, еще трое — в замке, плюс «патриот», плюс «пират», и половина в самом деле трудится. К тому же в самом деле до референдума сидело восемь человек, сейчас десять — получается преступность возросла при моем антинародном режиме. В том же отчете пунктик, что на каждые десять тысяч населения в обязательном порядке строится одна виселица и одна плаха. И ведь не поспоришь, вон, на заднем дворе стоят! Вопрос подачи материала. И эдак тревожной ноткой высказано: «население баронства запугано и потому поддерживает экстремистские выходки самозванного правителя». Еще бы не поддерживало, благодаря мне об этом захолустье вдруг узнали по всему миру! А на миру и смерть красна...

Между прочим, если подданные довольны, то и барону как-то легче. К примеру, меня все уважают, а вот того чудика, что решил это клятое право первой ночи вернуть, торжественно изгнали из баронства. Пацан прибежал ко мне жаловаться, я же тут старейший, а это помимо призрачных прав дает обязанность блюсти достоинство всех остальных, при необходимости принимая какие-то меры. Опрошил, покачал головой и предложил покинуть замок. Этот дурак правил людьми по компьютерной игрушке про рыцарей! Ну а что, он в нее три года резался, там все срабатывало, опыт есть, надо применить! Доприменялся, выгнали. Фон Шнитце уже невзначай намекал, что нехорошо, когда земля и люди без при-

гляда. Я и так тиран-мучитель, а он меня еще захватчиком-агрессором сделает!

— Господин барон?

Я повернулся, кресло подо мной скрипнуло. Эгельберт, как всегда, ничуть не запыхавшийся от подъема на верхушку донжона, протянул мне телефон, а сам кивнул парнишке-сопровождающему, тут же поставившему рядом со мной на раскладной столик еще чашку и наполнившему ее из термоса. Вот его они все слушаются беспрекословно, не то что меня.

— На связи посол Израиля в Федерации. Хочет поговорить о Блюмшильде.

— Что, уже и до него добрались? — Я отвернулся, уставившись на яркие городские крыши вниз. — Передайте, что как христианнейший владетель я любые переговоры с ним соглашусь вести только после крещения всего населения его страны. Включая палестинцев. Лучше в православие, но можно и в католики.

— Простите, господин барон сейчас занят. Попробуйте перезвонить позже. — Старик отключил мобильник, щелкнул пальцами, и слуга тут же достал из-за двери раскладной стул. Усевшись, фон Шнитце оглядел меня и глубокомысленно заключил:

— У вас плохое настроение, Александэр.

— Пусть скажет спасибо, что я не потребовал восстановления королевства Иерусалимского.

— Вы скучаете.

— Точно.

— Но у нас же постоянно что-то происходит?

— Постоянно — это раз в год?

— А война с осадой?

— Рабочий момент.

— А нашествие викингов?

— Да сколько тех викингов... не всем горожанам хватило.

— А визит комиссии?

— Когда это было? Три дня назад, я уже забывать стал!

— Александэр, мне страшно подумать, чем заняты ваши дни там, на родине, если здесь, при такой жизни, вам скучно.

Я открыл было рот, помолчал и закрыл.

Нет, в самом деле — что со мной?

Пока я разбирался, Эгельберт взял у слуги еще одну чашку и вежливо уставился вдаль.

Так что же? Почему я бешусь? Может, дело в том, что я отчего-то решил, что будто может вернуться прежний Сашка-Шустрик? Что вот сейчас проснется тот, кем я давно перестал быть, что я снова стану шалить и куролесить, что... что возвратится молодость? А она не возвращается. Просто я в самом деле стал другим. Нет, серьезно, я бы раньше не выдержал все эти любознательно-безразлично-веселые морды круглый день, а сейчас терплю. Эта сегодняшняя навязчивая туристка — да я бы ее в окно выкинул лет двадцать назад! А вместо этого терпеливо сношу навязчивые попытки привлечь внимание со вполне определенной целью, прячусь вот на крыше. Последние годы, спокойно тянувшиеся в суете мирных дел мирной конторы, незаметно закончили мое изменение. Или взросление? Да ну, чушь, какое взросление на пятом десятке, просто, словно отмершая чешуя, отпали последние иллюзии. Вот и ноет, так сказать, неприкрытая душа, мечется. Ничего, новые нарастут. Наверное. Стану бронированным драконом. Или черепахой.

Фон Шнитце снисходительно наблюдал за тем, как я пытаюсь понять сам себя.

— Знаете, Александэр, я рад, что я живу здесь, в замке. Это позволяет мне ежедневно отсюда, сверху, любоваться таким прекрасным городом, как Гравштайн.

— Как заверяет величайшая группа всех времен и народов — нет на свете прекрасней города Bodun.

— Это в Румынии?

— Почти. Это идеализированный город, который всегда в одном шаге от тебя. И никто не знает, когда ты сделаешь этот шаг.

— Очень интересно, очень... Вам стоит лучше узнать эту землю, Александэр. У нас тут много интересного. К примеру, традиционный мужской танец с посохами. Его любители собираются по вечерам в баре «Голубая устрица».

— Смешно.

— Почему, господин барон?

— Ну как же? «Голубая» — «устрица»... ну же?

— Обычное название. Устричных ферм вокруг немало, а герр Мальхоф любит голубой цвет...

— Там собираются мужчины?

— Как правило.

— И танцуют?

— Ну да.

— И это вместе с названием вам не смешно?

— Боюсь, что нет, господин барон.

Я вздохнул. Надо было ехать в отпуск в цивилизованные места. Патайю, Кению или под Тамбов. А то занесла горькая судьбинушка в Европу... и крутись как можешь. Теперь я понимаю, почему эти средневековые рыцари постоянно воевали — само окружение провоцировало! Посидишь так в этих сумрач-

ных стенах, на сквознячке у камина, да и сбежишь через неделю куда угодно, хоть в крестовый поход, хоть в кругосветку.

— Почему именно с посохами?

— О, это очень интересно! Видите ли, многочисленные захватчики, зная о нашем боевом духе, запрещали иметь эскам оружие и упражняться в обращении с ним...

Я рассеянно слушал эскенландскую версию возникновения боевых танцев угнетенного, но сильного духом народа. Вечно хмурое небо затягивало хмарью в лад моим мыслям, кофе привычно грело руку, за спиной шумно зевал слуга.

Нет, я тут точно не развеселюсь.

Управляющий умолк сразу, как только я встал, и быстро пристроился рядом, пропустив вперед на узкой лестнице. За спиной страдальчески вздохнул слуга, на ходу торопливо складывая сидушку. Это он верно сделал, что не оставил все наверху, старик за подобную бесхозяйственность мозг выедает на раз.

На четвертом этаже мимо прошмыгнула, поздоровавшись, парочка, на третьем мы раскланялись с экскурсией (лица некоторых ужинавших со мной туристов все еще были красными), между вторым и первым повстречали кота. Упырь шел гордо, словно победитель, попирая покоренную землю, но, увидев меня, тут же превратился в бедную, некормленную, никем не глаженую кису с глазами, полными страдания и ужаса перед ничем не оправданной злобой мира. Как бывало обычно. Поняв, что не прокатит, дернул ухом и ушел в стену. Слуга за спиной прошипел что-то злобное, управляющий вторил ему мысленно. Я только ухмыльнулся, открывая дверь во двор.

Лязг со стороны малого дворика возвещал о еще одной попытке кого-то взобраться на коня в полном доспехе. Идея пришла в голову Умнику, вдруг вспомнившему, что история Средних веков полна мифов и сказок. Вот например — может ли упавший с коня рыцарь в полном доспехе встать и залезть обратно?

Может, конечно. С разбега можно даже перепрыгнуть коня, если заранее потренироваться, что и проделывают мои пижонящие минестериалы. И падать ненамного больнее, чем с современными пластиковыми наколенниками-налокотниками и всем прочим. Но туристы, они ж, как дети — только дай чем-нибудь поразвлекаться! Вот, теперь у нас есть еще один аттракцион, «Наряди папу в металлолом», очень популярный у семейных: отцы показывают свою мужественность (нацепив тридцать кило железа «турнирного комплекта», нелегко не то что бегать, даже просто стоять, к тому же через отверстия в шлеме мало что видно), мамы возвращаются в детство и одновременно поддаются иллюзии собирательства, цепляя отобранные у других желающих куски доспеха на своего «манекена», дети мешают маме, с удовольствием пинают папу по бронированным местам, иногда промахиваясь, и периодически кидают что-нибудь тяжелое и металлическое на камни двора, наслаждаясь звуком.

А когда пап уже наряжают, то мамы с детьми становятся зрителями и болельщиками мини-эстафеты «Бег вокруг замка». Каждому добежавшему или хотя бы доползшему — кружка местного пива, сваренного «по старинным рецептам». Понятное дело, что бесплатна только первая, и без того постоянные убытки — за неделю от нас попытались «убежать» два комплекта брони! Не знаю, как там было в древ-

ности, может, и в самом деле доспех стоил, как деревенька, но сейчас он явно не такая ценность, чтобы бросать в заложниках жену с детьми — но ведь бросили и убежали! Эх, падение нравов!.. Я за ворюгами отправил сэра Ульфрика — тот поймал и вернул. Показательно на час в колодки забили, со всеми удобствами, но всерьез: толпа поддерживала, доспехов-то мало, всем желающим не хватает, а тут еще всякие проходимцы инвентарь крадут!

Кстати, эмансипация эмансипацией, а среди женщин желающих надеть полный комплект почти не было, я поначалу даже думал, что они в самом деле умнее мужей. Но нет, когда Марти принесла что-то вроде кольчужного белья, дамы тоже стали наряжаться. И вот ведь странное дело — мужик в доспехах выглядит как-то браво, а женщина в железе наоборот, теряет в обаянии. Впрочем, латы, они от ветра хорошо защищают, а на местном постоянном ветерочке да с кольчугой на полуголое тело... синие женщины в пупырышках — это на любителя.

— Баро-он?

Звук шел снизу, я наклонился. Внизу стоял мальчуган лет шести, требовательно дергая меня за полу кафтана. Пришлось присесть на корточки:

— Что тебе, малыш?

— Господин барон, а у вас есть принцесса?

— Как тебя зовут, парень?

— Луиджи Марио Ланчини! Я хочу принцессу!

— Извини, Марио, наверное, твоя принцесса в другом замке. У меня тут только суровые воины со своим боевым подругом. Но вон та яркая девица с ножом в руке будет рада показать тебе пару трюков. Давай, ты же мужчина, нельзя заставлять девушку ждать!

Я проводил уносящегося мальчишку взглядом и встал.

— Александэр, ну зачем вы опять провоцируете бедную Марти? Она же теряется, когда приходит-ся общаться с детьми? Или снова воспитательный момент?

— Нет, Эгельберт. Просто какой смысл быть главным, если нельзя делать подчиненным гадости? — Я замолчал, резко остановившись. Что-то в только что сказанной фразе было подозрительно знакомым. Прямо-таки до ужаса знакомым.

— О, господин барон! Как хорошо, что я вас нашла. — Эгельберт сочувственно похлопал меня по руке и дезертировал. — Я не успела договорить — вообще-то я только наполовину француженка, а на одну восьмую — румынка. По бабушке.

— Я больше русский.

— А на вторую половину я русская, по прадедушке. Какое удивительное совпадение!

Мда, это кто же она по национальности? Хотя какая разница, у меня вот отец русский, мать украинка, а сын получился эскенландский румын.

— Как причудливо тасуется кровь...

— Я вижу, что у вас среди оруженосцев всего одна женщина.

— Нет.

— Вы хотите сказать, что есть еще? Или что я не умею считать.

— Среди моих пажей нет женщин. Есть боевые друзья. Как передовое и просвещенное баронство их половой, национальной и религиозной принадлежностью мы не интересуемся. Пока делают то, что я им говорю.

Туристка была не то чтобы некрасивой, просто я с молодости предпочитал сам бегать за девчонками, и с возрастом эта привычка только укрепилась. Сейчас же, чувствуя себя осажденной крепостью, я терялся и начинал хамить. Плохо, ну да и черт с ним... с ней! С ними! Тур-ристы.

— Простите, я отвлекся, когда нас представляли

— Бек. Маргарита Бек. Я известный блогер со своей аудиторией, пишу о специфических традициях и достопримечательностях.

— Фрекен Бек. — Я подавил нервный кашель. Нет, ну вообще-то так домомучительница из любимой книжки детства и должна была выглядеть в молодости: воплощенная валькирия, монумент! Я бы даже сказал, триумф духа нордической поэзии. Интересно, а папу ее, как зовут? По манерам вылитая Маргарита Павловна, ага.

Уже набирал воздуха для очередной колкости, как внезапно лицо туристки стало вдруг одновременно азартным и мечтательным, она уставилась мимо меня, наливаясь румянцем и хищно прищуриваясь. Я проследил за ее взглядом.

У крыльца остановился роскошный лимузин, и распахнувший дверь шофер предупредительно ждал, пока молодой, спокойно-безразличный, бело-волосый джентльмен, выйдя, закончит важный ритуал оглядывания замка.

Ну, примерно вот так я и представлял дворянина.

Рост средний, костюм классический, в руке трость, причем совсем не выглядит анахронизмом или манерничанием. Длинные, до лопаток, светлые волосы. Выражение лица в духе «ну что же, я, вас еще немного потерплю, пожалуй». Увидев меня, молодой человек вежливо улыбнулся, причем так, чтобы часть

этой улыбки досталась всем присутствующим, одновременно передавая и радость встречи, и сожаление, что помешал моим планам, и безразличие к тому, желаю ли я этой самой встречи. На секунду захотелось оглянуться, нет ли за моей спиной камеры и съемочной группы. Оглянулся.

Туристы Глазели! Им удалось увидеть еще кусочек жизни Настоящей Аристократии — визит некоего высокородного юноши к матерому, седеющему барону. Гость, не обращая внимания на щелканье фотоаппаратов и восхищенные вздохи, сделал несколько шагов ко мне и, остановившись, осведомился:

— Господин фон Гравштайн?

Я промолчал. Черт знает, как в таких случаях нужно отвечать, так что для начала повернулся к френкен, извиняясь:

— Прошу прощения, меня навестил старый друг.

Туристка посмотрела на меня, на него, опять на меня, потом оглянулась на дверь, глубоко и обреченно вздохнула, пробормотав что-то типа «проклятые аристократы!», и лишь после этого решительно направилась к выходу.

Молодой человек проводил ее безукоризненно-безразличной улыбкой.

— Идем.

Спустя пять минут я закрыл дверь, приказав не беспокоить, повернулся и осмотрел «его высочество» с головы до ног. Нет, то, что крашеную растрепанную гриву вдруг собрали в прическу, светлым нимбом окружающую лицо с тонкими чертами, это ладно, это визажисты постарались, но куда делся мой знакомый неформал? Где серьги, боевая раскраска, манеры «своего парня»?

— Говорят, в старых замках заводится всякая дрянь. В Эскенборге, похоже, завелись мозговые слизи. Слышал, они по ночам заползают людям в голову и делают из них зомби.

— О, почему вы так решили? — Передать целую гамму эмоций приподнятой на миллиметр бровью? Силен!

— Интересно, если я тебе сейчас в лоб дам, слизень сдохнет?

— Не вздумай, прическу испортишь! Чего прицепился, думаешь, легко изображать фамильное привидение? — Осторожно выглянув из окна, Аск вздохнул и пожаловался:

— Третью неделю пытаются! Стоит выйти из образа, как тут же начинают шипеть, что это недостойно будущего правителя.

— Введи свои законы, отмени всю эту мишуру. Ты герцог или не герцог?

— Я наследник, к тому же пока не правящий, так что должен соблюдать правила приличия, причем сразу все, придуманные за тысячу последних лет.

— Справляешься?

— Очень помогают два года любительского театра в школе. Правда, я там обычно играл прекрасных дев — типаж такой. — Несчастливая жертва этикета рухнул в кресло, брыкаясь, скинул туфли, перекинул ногу через подлокотник, откинулся на другой и, потянувшись, застонал от счастья.

— Что, девчонок не было желающих?

— Были. Но я же все равно лучше!

— А сейчас что была за роль?

— Из современного творчества — Люциус «Само Совершенство» Малфой! В молодости, конечно. Люблю почитать фанфики, попадаются просто пре-

лестные. Бывает приятно поржать над тем, как восторженные девы представляют себе жизнь аристократии.

— Знаешь, прежний твой образ слабо вязался с герцогским. Крашенные ногти, эта твоя одежда унисекс...

— У меня каникулы, я из заключения вырвался, целое лето свободы! Ты знаешь, что такое закрытая школа? Только за ворота выйдешь — голову сносит от счастья! На вечеринке в Нордхейме попались две девчонки, они на стилистов учатся, затащили к себе и покрасили.

— А ты сопротивлялся?

— Пока я сопротивлялся с одной, другая меня украшала.

— И ты еле вырвался?

— Даже часть шмоток у них оставил. Все равно порвали.

— Между прочим, пижонство — грех.

— Ничего, у меня три святых в родословной. Они как-нибудь договорятся со Всевышним о потомке.

— И каково это, иметь в роду святого?

— Довольно хлопотно, налагает обязанности, зато можно быть спокойным, местечко на небесах мне уже уготовано!

Сердиться на него было трудно, настолько явственная волна обаятельного оптимизма катилась по комнате.

— Кстати, я слышал, что вот тебя как раз никто не стесняет? Даже в нарушение всех традиций есть оруженосец-девушка? И как смотрят на это твои консервативные подданные?

— Как я им прикажу, так и смотрят! И не забывают при этом говорить: «Спасибо, господин барон».

— Счастливчик! Ты хоть знаешь, что о тебе твои люди рассказывают?

— Да какая разница? Плетут, небось, какую-нибудь чушь, для начальства никогда доброго слова не находится. Лучше скажи, зачем пожаловал?

Аск задумчиво опустил глаза, изображая что-то вроде благородного смущения, потом медленно и с расстановкой удивил:

— Я хочу, чтобы какой-нибудь хороший человек озаботился возвратом Чаши святого Эгберта на родину. — Он ждал от меня реакции, но спустя минуту молчания все-таки продолжил: — Символично же — она использовалась первым герцогом, и она же сквозь века дошла до нас... а тут опять в своем роде первый герцог, первая, после долгого перерыва, церемония. Было бы очень уместно.

— У вас что, других реликвий не осталось?

— Есть, конечно, но не такого уровня. В Эскенборгской и Мевеншлосской церквях хранятся руки святого Эгберта.

— Правая и левая?

— Нет, только левая.

— Две левых руки? И какая настоящая?

— Обе настоящие. Так постановила специальная комиссия в семнадцатом веке.

Ага, знаю я такие комиссии. Сколько раз возил, то в ресторан, то на природу.

— Возьми в аренду у испанцев.

— Нельзя. Этим я признаю, что они имеют на нее право. К тому же Чаша нужна через месяц, а возврат ее, даже при самых лучших условиях, займет годы. Национальные сокровища просто так не выдают. Даже чужие, а уж свои...

— И что же ты предлагаешь?

— Ходят слухи, что тебе передавали некие чертежи в качестве благодарности за то, что ты блюдешь старинные обычаи. — Он с ехидной рожей изобразил кавычки. — Чаша сейчас в логове злейшего нашего врага, так что если с ней что-то вдруг произойдет...

— То никто не догадается, кто ее украл, особенно с учетом того, что церемония наверняка будет транслироваться на всю Федерацию уж как минимум? Они Францию тоже не любят, но зачем тебе международный скандал? Ты же нормальный вроде человек.. ну, насколько это возможно в твоем возрасте?

— У меня француз увел девчонку.

— И что, она последняя на земле?

— Именно что последняя! Коллекционка, только один экземпляр оставался! Никогда не прощу. Я все фан-магазины обегал, на каникулы в Японию летал — таких уже не будет!

— Бедные эски, и вот это вот станет их правителем?!

— Их уже ничем не напугать.

— Между прочим, то, что ты предлагаешь — уголовщина! А отвечать мне!

— Между прочим, ты барон Гравштайна, самого пиратского замка на пятьсот лиг вокруг! А это накладывает обязательства.

— Я простой руководитель музея и тематического парка.

— Устраивающий суды, отбивающийся от нашествий и публично вершащий суд? Ты барон, и ты барон замка с очень неоднозначной репутацией! От тебя просто ждут чего-нибудь такого и не простят, если ты этого не сделаешь! Если в любой истории на стене висит ружье, то оно обязано выстрелить!

— А если в этой истории появляется подсвечник, — я взял со стола означенный предмет, — то им просто обязаны кого-нибудь прибить? К черту эту твою философию, мы живем в реальном мире!

— Вот именно! — Он вскочил, поежился, обнаружив, что каменный пол даже летним днем холодноват, и, обуваясь, начал убеждать: — Александр! Все, от твоего замшелого патриота фон Шнитце до моего умненького папá считают, что ты на место правителя эсков не метишь.

— Политика? Без меня!

— Точно, ты обжегся еще до моего рождения, в девяносто пятом. Не по тебе бизнес, характер не того склада, ты слишком честен.

Оба-на. Я и сам про ту историю почти забыл, а мне про нее между делом намекают? Ну понятно, что навели справки, хотя странно слышать это от молодого пацана. Пусть даже аристократа с тремя святыми в родословной.

— Но у тебя замечательная репутация в герцогстве! Ты по всем параметрам настоящий Гравштайн. Точнее, такой, каким представляют этих бывших бандитов обыватели — суровый, но справедливый, немножечко загадочный, немножечко чужой. Твоего авторитета достаточно, чтобы на следующий день после присоединения баллотироваться в фольксрат, и ты бы прошел туда стопроцентно! А то и в Совет Федерации. Но ты же не станешь?

Стану? Да нет, пожалуй. В принципе работа как работа, но уж больно грязная, даже для меня.

— Не стану.

— Но если ты не хочешь этого, то тем более не захочешь стать герцогом. И, значит, мы естествен-

ные союзники! Так помоги мне и сними эту угрозу с себя!

— Твой интерес? Ты же не просто хочешь получить запись в биографии?

Он вздохнул, поправил прядь волос, твердо и внимательно посмотрел на меня.

— Это игры не твоего уровня, барон. Мой интерес — получить место правителя эсков без оговорок, по наиболее старинным правилам. Очень давний спор нескольких ветвей одного древнего рода, спор, из-за которого было пролито немало крови, а моему отцу пришлось жениться на моей матери в надежде, наконец, разрешить все миром.

— Шекспировщина какая-то.

— Просто другой мир. В него тебя не впустят и ничего о нем не расскажут. Да ты и не поймешь, там надо родиться.

— Давно спорите?

— Не очень. Пятьсот лет.

— И тот факт, что я типа старший барон и типа как бы говорю от лица эсков?

— Мне на руку. Более того, если во время церемонии Чашу поднесешь именно ты, это будет... просто великолепно!

Парень постепенно «зааристокративался», леденея, но подрагивало в нем что-то азартное, улыбочивое. Веселое. Знакомое. Лет двадцать назад я видел это часто. Отражением в зеркалах, в чужих глазах — то злейших врагов, то любимых девушек. Когда лицом к лицу и кровь кипит, и можно не притворяться.

Меня вдруг придавило осознание того, что тот самый я, молодой, азартный, смотрит на меня со стороны и предлагает авантюру. А я нынешний никак не могу решиться, поддержать его или нет.

— Я подумаю.

Он, без какого-то перехода, вдруг стал законченной мороженой сволочью:

— Благодарю, господин фон Гравштайн. Необходимые дополнительные материалы будут предоставлены вам по первому требованию. — И снова, ничуть не манерничая, но все равно очень величественно он прошествовал к выходу, мимо слегка склонившегося в поклоне управляющего и взирающего с открытым ртом волонтера.

Провожать его я не стал. Грубо, но я лучше отсюда, сверху, посмотрю, как он, приветливо и без фальши улыбнувшись ожидающим чего-то туристам, садится в свой шикарный рыдван и уезжает. Уехал.

Какой вывод делаем? Вокруг замка и всей земли эсков ведется игра, причем не одна; впрочем, это я знал еще до того, как неожиданно обнаружил, что у меня в подвалах заточен Шеф. Вот и у герцогеныша своя игра есть, причем на нескольких планах — довольно очевидная со мной, какая-то своя с прекрасной Францией, что-то непонятное с местными. Мне он впаривает, что это семейные заморочки, а фон Шнитце уже несколько раз сообщал, какой удачей для эсков будет возвести на трон именно этого претендента из многих желающих... надо делить на сто все ими сказанное. Политика — это танцы на минном поле, оплетенном колючей проволокой, лезть в нее я не стану. Подать ему Чашу? Да легко! Мой интерес это не затронет, даже как-то позиция попрочнее станет. Но красть ее из музея, где она сейчас в экспозиции? Стоит ли? Плохо, что, кроме Аска, нет выходов ни на кого из других игроков. Я начал загигать пальцы, считая заинтересованных в сложившейся ситуации, двух рук не хватило, а ра-

зваться было лень. Впрочем, черт с ними со всеми! Может, продержаться три недели, потом немножечко торговли, церемония, подписать несколько бумаг и сваливать отсюда в темпе, пусть мальчишка сам выкручивается? Наверняка я не первый и не десятый, с кем он беседовал, дело такое. Будем ставить ему это в вину? Или отправимся за реликвией, тем более что и слово головастiku фон Виндифрошу давал? Какая мне с этого всего выгода? Можно, конечно, просто пошалить, как в далекой юности — я зажмурился, со смущенной улыбкой вспоминая тогдашние проделки, — но одного ощущения полной жизни мне уже мало. Хочется чего-то еще... Сам ведь час назад наконец понял, что того меня уже не вернуть.

Значит, хитрый Аск, хочешь Чашу добыть чужими руками? Рискну? Да что я тут дурью маюсь, конечно, рискну! Скучно же! Главное, это понимать, что в любой игре есть пешки, есть фигуры и есть игроки, и надо внимательно смотреть по сторонам, чтобы вовремя понять свое место. Я уже давно отучился делать что-то лишь потому, что кто-то мне сказал, что это было бы круто, но у пешек бывает своя маленькая игра, и они вполне способны пробиться в фигуры, не нужно только слишком слепо доверять подталкивающей тебя в бой руке. Что же, я всегда имел склонность к авантюрам, вот и соблазнился когда-то на предложение Шефа. А большинство моих здравомыслящих одноклассников так и остались в небольшом городке на окраине развалившейся Империи.

— Вижу, Александэр, визит его сиятельства маркиза Готальского вас приободрил. — Эгельберт стоял в дверях, чуть нервно на меня поглядывая.

— Маркиз, значит? Почему вы выбрали Эска, а не его отца?

— Мальчик лишь первый наследник, но, в силу некоторых причин, имеет больше прав на Эскеборг, чем его отец. Когда двенадцать баронов проведут выборы, он станет правителем по праву крови и старшим из вас по договору. — Старик вздохнул и пояснил: — Это все очень запутанно.

Ага, примерно, как попытки выяснить, кому принадлежит наша стройконтора. Там тоже неясно, кто какой долей, через кого и на каких правах владеет. Но, думаю, здесь точно так же есть поводы для истинных владельцев не высовываться, прикрываясь сыновьями и маркизами. Которые почему-то представляются при первом случайном знакомстве как герцоги.

— Главное, я вижу, что вы, наконец, отбросили меланхолию. Чем думаете заняться в ближайшие дни?

Чем же я займусь? С учетом предложения Аска и, откровенно говоря, желания развлечься?

— Как положено барону, отправлюсь совершать подвиги. Буду воевать сарацин или сплаваю в Винланд, чтобы пограбить тамошних дикарей!

— И где же вы собираетесь воевать с сарацинами?

— У нас тут богатый выбор — под боком Франция, Дания... Еще держится, но уже сдает Швеция.

Старик нахмурился:

— Боги Вальхаллы! Никогда не задумывался... Мы окружены!

— Зато сколько земель мы можем покорить, неся истинную веру!

— Один с нами!

— И Перун, благослови его святой Януарий!

Так, перебрасываясь планами на возможные завоевания, мы снова спустились во двор, где подходила к финалу последняя экскурсия. Преследовавшая ме-

ня весь день туристка уже оправилась от аристократического холода прошедшего мимо юного маркиза и теперь с кислым видом слушала восторженную речь волонтера-экскурсовода. Секунду подумав, я решил, что почему бы и нет? Подойдя к дамочке, вежливо поклонился, кивнул слуге продолжать, а сам, понизив голос, предложил:

— Любезная фрекен Бек, я подумал, что слишком мало уделял внимания такой обаятельной гостье. Я даже не показал вам своей коллекции! Прошу вас, пойдёмте.

Насмешливо подняв бровь, она приняла протянутую руку и последовала за мной. По пути я узнал, что слуги в моем замке несносны, пища груба, поглядеть приличному блогеру не на что, и только природная доброта не позволяет ей бросить все и уехать. Наконец, мы вошли в нужное помещение, где ей пришлось прерваться. Я звенел цепями, присматриваясь, что из инвентаря можно будет использовать в процессе, потом подошел к двери, оглянулся. Туристка стояла, с недоумением озираясь по сторонам.

— Что это? Тут как-то... неуютно?

— Неужели вы пропустили пояснения гида? Странно, вроде бы весь день в замке. Это место, в котором вам давно следовало бы оказаться.

И я закрыл дверь пыточной за нами.

«Я понимаю, древний замок, хочется сделать его антуражнее, но надо же и меру знать! Эти стоны и вопли из подвала... Внутри все леденеет, реально страшно! Пожалуйста, сделайте детскую версию, что-то не настолько ужасное!»

(Из отзывов на сайте музея «Замок Гравштайн»)

«Эски подтвердили свою репутацию ребят заторможенных, но способных на Поступок. Рекомендую, приятно удивлена! Подробный рассказ [ссылка только для зарегистрированных читателей]. Вот так! Теперь на очереди загадка века — что же у шотландских горцев под юбкой? Отчет через неделю!»

(С форума журнала «Kvinne etsii»)

Как вычислить среди одинаково одетых людей стража порядка? Легко!

Ничего не имею против ментов, у нас любой труд почетен, но есть у них одна неприятная черта, видимо, от профдеформации происходящая. Они отчего-то всегда встают на проходе. Причем так, чтобы их приходилось огибать, делая лишние движения. Был у меня знакомый ментенок, так вот, когда я ему про это сказал, он очень удивился, задумался и подтвердил, смутившись. Хороший такой паренек, да. Только все это он проделал, загораживая мне путь из комнаты на кухню. Непроизвольно. И явно не понял, к чему я этот разговор завел.

Вот и сейчас, если я скажу о своем наблюдении одному из трех присутствующих в комнате людей, он тоже задумается, а потом подтвердит. Второй промолчит или скажет что-нибудь неприятное.

Третий — я.

И находимся мы все в служебном помещении местного полицейского участка. Пока что предлог — «для выяснения обстоятельств». Под этим незамысловатым эвфемизмом подразумевается грубое «Пока не найдем, за что тебя посадить». Естественно, это все из-за нашей утренней проделки.

Музей, скандал, переполох, громогласное заявление, истощный вой сигнализации, дым и крики — было весело! Впрочем, сейчас тоже не слишком скучно. Относительно удобный стул, полицейский у двери смотрит с любопытством, напротив изучает что-то важное в бумагах серый типчик из вездесущей касты бумажных крыс, причем периодически поглядывает на меня с оч-чень многозначительным видом. Ну-ну.

Ничего у него на меня нет, и глядит он так, просто подготавливая клиента в ожидании какого-то важного человека. Что в бумагах — тоже не секрет, там перечисление причин, по которым меня задержали, причем он уже пошел на четвертый, кажется, круг изучения. Видимо, понравилось описание, но это неудивительно, зрелище было забавным. Ну и совершенно ясно, что важное лицо появится не раньше, чем улетит мой самолет, билеты на который были внимательно изучены первым делом. Словно уехать из прекрасной страны вина, сыра и забастовок такое сложное дело.

Откинувшись поудобнее на спинку стула, я благожелательно улыбнулся полицейскому и, не обращая внимания на бубнилку, прикрыл глаза. Протестовать или требовать я не собирался. Во-первых, меня взяли «с поличным», а во-вторых, не надо дергаться раньше, чем вам предъявят обвинение. Сколько народу так себе сроку добавили — не сосчитать. Смотрит многозначительно? Говорит что-то угрожающее? Нависает, пугает страшными карами? Не стоит обращать внимания на брехливых псов, опасаться нужно скалящихся.

— Так-так. Однако! — Чинуша, судя по звукам, аккуратно перелистнул последнюю страницу, подбил

листы в пачку, ровняя... и зашуршал опять. Нет, он все-таки профессионал, уж лучше бы орал и угрожал, все меньше нервы трепались. Надо отвлечься, только вот чем?

Вздохнув, я начал вспоминать все, что послужило причиной моего попадания в участок. Прямо со вчерашнего утра.

Коварно заманенная в застенки «несчастливая жертва» затихла только под утро (я, оказывается, еще очень даже!), а пробудившись, грозила всеми карами, на что я, в свою очередь, ответил угрозой обвинения в колдовстве и скверном характере. Эх, были же времена, когда онный считался достаточным для бичевания и позорного столба! После чего сделал пару комплиментов и поскорее выпроводил, потому что при намеке на цепи и порку у «невинной пленницы» краснели щеки и учащалось дыхание.

Изнасилование в особо крупных размерах и особенно циничным образом. Причем я — потерпевший. Довольная победительница покинула замок с торжествующей улыбкой, я остался оплакивать разгром в пыточной: дыба месяц стойко сносила издевательства, но на нас таки сломалась. Уж не знаю, повод это для огорчения или для гордости?

Впрочем, плакать долго не пришлось: сначала традиционный завтрак, потом я озадачил начальника стражи необходимостью найти тридцать человек в Париже, готовых сделать большую глупость задешево, а желательно, вообще готовых на все из одной только любви к глупостям. Гасконец озадаченно умолк, спросил, для каких надобностей, а после объяснений просил, сказав, что легко соберет целую сотню. Задавать нетактичный вопрос, сколько

он с них будет брать за участие в самом настоящем ограблении, я не стал.

Затем я сделал несколько звонков старым знакомым и пригласил к себе фон Виндифроша.

Элепар явился через полчаса и выглядел, как засидевшийся в квартире щенок, услышавший заветное «Гулять!» — разве только хвостом не вилял. Откуда он узнал о визите Аска и о просьбе вернуть реликвию, я не спрашивал; провинция, в одном месте сказали — и через минуту за десять километров уже обсуждают. Коллегу-барона я озадачил перевозкой ценного груза — коробки с надписью «Сувениры Гравштайна», которую он должен был довести, не раскрывая, до отеля с забронированными мной номерами.

Собственно, как раз содержимое этой коробки и стало основой моего плана, одновременно грандиозного и гениального в своей простоте. Но не будь ее — нашел бы что-то другое. О чем-то надо было ночью думать, отвлекаясь от истязаний?

На утреннюю осаду я глядел одним глазом, отмечая в бумаге пункты готовящейся операции, так что момент, когда Марти схватилась в одиночку сразу с тремя итальянскими наемниками-туристами, пропустил. Вот Сато, молодец, не сплеховал, ворвавшись в ряды атакующих со слегка визгливым, но оттого гораздо более впечатляющим боевым матом на родном языке. Этот берсерк Восходящего солнца каждому выкинутому со стены вслед еще и кланялся, извиняясь! А потом виновато жался под гневным ором боевого подруга, которой не хватило жертв.

Потом Изя доложил, что все готово, дал контакты командира группы, затем сэр Ульффрик принес отчет за неделю, Эгги потребовал денег на свои примочки, мол какой-то там сервер чего-то там не тянет,

потом пришлось искать очередного потерявшегося в подвалах туриста, потом искали тех, кто искал туриста, потом нашли всех и еще одного, отбившегося от вчерашней экскурсии, премировали невольного последователя дона Мигеля участием в обеде и «личным куском» с тарелки барона, поданным пажом на серебряной вилке.

Очень вовремя вспомнил об этом обычае, туристы проводили кусок настолько голодными глазами, что я невольно проверил, полны ли у них тарелки? Полны. И блюда на столе на любой вкус! Но в чужой тарелке всегда вкуснее, а уж на чужой вилке да из баронских рук и подавно.

Отмеченный моей милостью турист тут же встал и закатил речь на десять минут, восхваляя доброту хозяина, сырость подвалов и ужасные стоны и вопли древних духов. Пришлось затыкать ему рот наградной чаркой вина, а то разошелся.

Не так уж громко и стонали...

Затем я, наконец, вырвался, отмахиваясь от попыток Эгельберта подсунуть мне какие-то бумаги, нырнул в такси, двадцать минут дороги, регистрация, посадка, час в воздухе, Париж, такси, музей, ожидающий меня нетерпеливо пританцовывающий студент — руководитель собранной Кацмантом группы. За двадцать минут пробежались по экспозиции, оглядывая будущее место преступления, причем большая часть усилий ушла на то, чтобы заставить молодого парня не прятаться от зрителей и не смотреть по сторонам с таким таинственным видом. Расстались у входа, я чуть не насильно заставил его опустить воротник, снять темные очки и шляпу... потом подумал и приказал нарядиться вновь, для плана это даже полезно.

Позвонил Элепару, головастик как раз подбирался к границе на машине, везя свой тайный и ценный груз. Миссией он впечатлился настолько, что даже сидя в машине посреди дороги, понижал голос — еще один! Все, конечно, было в порядке. Звонок Эгельберту, в замке ничего не поменялось, разве что туристы, рассчитывавшие ужинать с бароном, слегка огорчились, узнав, что меня заменит сэр Эррайн. Тот, хоть и был впечатлен почетной обязанностью, все же немного нервничал. Чай, не прием в ратуше — самого барона замещает! Ничего, в национальном костюме у него вид донельзя антуражный, справится.

Я подтвердил, что понимаю, меня заменить — дело немыслимое, но я в него верю, а потому пусть свершает подвиг, ему это обязательно зачтется. Прежде чем фон Шнитце отобрал у мэра телефон и начал опять что-то от меня нудно требовать, я отключился.

Четыре часа пополудни, как тут ни крути и ни оттягивай, а деваться некуда. Слово дано, а значит, как бы ни было жутко, придется исполнять. Взяв телефон, я вызвал абонента:

- Привет, детеныш. Как дела?
- Привет, пап! Все нормально!
- Нормально хорошо или нормально плохо?
- Нормально зашибись!

Голос у дочери был бодрым и предвкушающим.

Это значило, что впереди у меня очень сложный вечер.

— Значит, так: я в Париже и готов сделать вам с сестрой подарок. Один. Максимум два! У меня есть три часа.

— Три часа в месяц на родных дочере-ей! — Сказано было с плаксивым подвыванием, но я не купился.

— Потом будет больше, а сейчас дела. Так что располагай отцом как хочешь, только в терновый куст не бросай. — И прежде чем она ответила, добавил: — Время пошло!

— Сейчас! Так-с, Париж, тхе кепитал оф белле франце.

— В кого у тебя такой страшный акцент?

— В популярного актера-британца.

— Лучше бы с отца пример брала.

— Я тебя вижу реже, чем его!

— А время-то идет!

— Не подгоняй!

— Кстати, половина времени принадлежит Ленке. Чего сеструху не позвала?

— Маленькая еще! Я ей свою косметичку отдам. Старую.

— У тебя есть косметичка, даже две? В тринадцать лет?

— Говорила мама, что мужики до смерти детишки, а я, дура, не верила...

— Два часа пятьдесят семь минут! И кусок мыла в подарок. Хозяйственного!

— Все-все-все, не надо кипятиться, я уже почти наш... — Голос из нахально-бодрого вдруг переменялся на жалобно-умоляющий: — Па-апочка-а, у тебя с собой много денежек?

Черт, ну как же она на мать-то похожа!

— Говори, маленькая вымогательница.

— Тут ящик показывает, что в галерее моды Роже де Нюи через два часа начало прода-аж...

— Окстись, распродажа и вдруг вечером?

— «В ночи Париж оживает!» — это его лозунг! Он гений, он самый лучший модельер современности!

Он всегда все делает наоборот, и у него всегда все получается!

— Наш человек. Ладно, диктуй адрес.

Адрес оказался незнакомым. Я и был-то здесь всего раз десять, мы больше в портовые города мотались, так что пришлось спрашивать дорогу у дочери. Она, минуточку похихикав, проложила мне маршрут. Ехидина не удержалась, и в одной точке скомандовала: «Стой! Повернись вправо... еще чуть-чуть... а теперь помаши рукой дочке, тут вебкамера на столбе! Ну надо же, совсем такой, как я помню!» Тьфу ты, понастроили Интернетов! До чего дочь довел, родного отца только в компьютере и видит, только по телефону и слышит...

По дороге я трепался с Анькой на все темы, что в голову пришли. Деньги со счета так и летели, но что поделывать, если с дочкой поболтать вот так, спокойно, время выдается раз в месяц. Сказал как-то об этом Митричу, он заржал по своему обыкновению и заявил, что через пару разговоров она меня на свадьбу пригласит, а еще через два-три и внуки появятся, с ними я еще реже разговаривать стану. Ну, ему виднее, он в этих делах опытен. Впрочем, всего двадцать минут спустя у меня возникло желание придушить паршивку. И возникло оно после жизнерадостного:

— Ну вот мы и пришли! Вон там конец, вставай!

Я оглядел длинную, на полтора квартала очередь, состоящую исключительно из девушек и женщин (десяток существ смутно напоминали мужчин, но однозначно отнести их к сильному полу не удавалось). И головой своей очередь упиралась в пока еще закрытые двери магазина, на витринах которого... а рядом еще и объявления... О черт!

— Дочь, ты послала меня покупать женское нижнее белье? Меня, взрослого мужика?!

— Пап, мама говорит, что ты выкрутишься из любой ситуации!

— Приятно, когда в тебя верят, но сдается мне, что в следующий раз отдыхать вы будете у бабушки с дедушкой. Давненько ты не брала в руки тяпку! Ужо огород тебя перевоспитает, научит уважению старших!

— Пфе! Если мне там что и грозит, так это лишние килограммы на талии!

Да, мамины пироги — это нечто. Глубоко вздохнув, я начал постепенно смиряться с безвыходным положением, из чистого упрямства прокомментировав:

— Ну ты даешь, отправить родного отца на гибель!

— Па-а, они распродажу раз в год устраивают, нельзя такой шанс терять! Два часика постоишь, потом схватишь какую-нибудь тряпочку и беги, пока не отняли!

— Любую? А если это будут семейные сатиновые трусы шестидесятого размера?

— Все равно стану носить! Это высокая мода! Ты ничего не понимаешь!

— Та-ак, что за мамины интонации?

— Я хотела сказать, что ты только в моде ничего не понимаешь, зато ты самый хороший, самый добрый, самый щедрый и вообще самый-самый!

— Уже лучше! Но если не подойдут?

— Ленке подарю!

— Мамина помада, сапоги старшей сестры?

— Помаду она у меня и так ворует. Па, мне нужна вещь «от Нью!»! Очень нужна!

Спрашивать, перед кем она собирается в этом белом щеголять, я не стал. Натравлю Эльку, все узнаю и тихо прикопаю засранца где-нибудь в лесу. А дочь в замок, в башню, на хлеб и воду! Барон я или нет?!

Скрепя сердце и разогреваясь такими планами, я шел вдоль очереди. Не сказать, что мне было страшно, но что не по себе — это да! Женщины — замечательные существа, когда поодиночке, но целая толпа... Да еще разогретая желанием ухватить модную шмотину... Агрессией и азартом шибало вдоль улицы почище, чем перед дракой район на район. Но так же, как там, здесь не принять участия было нельзя. Вздохнув, я подошел к замыкающей очередь стайке девчонок-подростков. Те, быстро осмотрев меня, оживленно и почти не понижая голоса, стали обсуждать, что из купленного в какой жизненной ситуации лучше подойдет. Спустя минуту, уши у меня горели, а спина взмокла. Попытался отвлечься, рассматривая окружающих... и быстро сделал вид, что никуда не смотрю: ответные взгляды были откровенно приценивающимися. Как на кусок мяса — тут съесть или за угол оттащить? Может, конечно, мне и казалось, но... но, может, и не казалось.

— Господин барон?

С трудом сдержав нервную икоту, я оглянулся. Рядом стояла и удивленно махала ресницами невысокая дама средних лет, такая типичная француженка... черт знает, почему их так легко отличить от остальных европейцев.

— Вы пришли в галерею де Ньюи?

— Да... по просьбе дочери. Прошу прощения, сударыня, мы знакомы?

— О, простите! Я была у вас в замке, две недели назад. Мари Баведьер.

— Рад вас снова увидеть, Мари. Тоже в магазин за покупками?

— Нет-нет, я работаю на маэстро Роже.

В следующую секунду очередь мгновенно затихла, а все головы развернулись в нашу сторону. Если честно, это было по-настоящему жутко!

— Так... господин барон, прошу оказать нам честь! К тому же маэстро будет рад увидеть вас! Это же будет!.. Идемте! — В следующее мгновение я летел, схваченный за руку, а полтора метра французского энтузиазма тащили мою тушку за собой, как воздушный шарик, иногда подправляя полет, чтобы я не сбил какую-нибудь из покупательниц. По пути мне объясняли, что именно рассказы о Гравштайне послужили решающим толчком к созданию новой коллекции, темные с серебром двери магазина неутомимо приближались, потом в какой-то момент распахнулись, проглатывая добычу, и с тихим лязгом отрезали нас от шепчущейся толпы.

Бросив меня в кресло, Мари одним прыжком (нет, в самом деле!) вспорхнула через лестничный пролет на второй этаж и куда-то скрылась. Надо же, в замке она, кажется, была такой тихой, вежливой, а на работе прямо горит! Или я ее с кем-то путаю?

— Господин барон?

— Александр, просто Александр. — Я поднял глаза, посмотрев на подошедшего. Судя по тому, что за плечом мужчины стояла Мари и подавала мне какие-то сигналы, а суета вокруг вдруг резко упорядочилась, это и был сам «маэстро». Высокий, аристократично осанистый, вежливая улыбка на каком-то слишком бледном лице. Простой темный костюм с водолазкой, и целая куча рыжья. Нет, это, наверное, ювелирка от лучших мастеров, но в таком ко-

личестве эти килограммы золота иначе не назвать! По три перстня на пальце, браслеты, на шее десяток цепочек с подвесками; понятно, почему он такой осанистый, согнется — уже не выпрямится!

— Роже де Ньюи, модельер. Рад приветствовать вас в моем скромном заведении! — Рука у него была тонкой, но цепкой. — Прошу прощения за некоторый беспорядок, но через час мы откроем двери для посетителей, а в программе не только торговля, но и демонстрация новой коллекции.

— Распродажа одновременно с показом? Думаете, покупательницы обратят внимание на манекенщиц?

— Я хочу, чтобы обратили, а значит, так и будет! И поверьте, Александр, все пройдет замечательно. Я — не ошибаюсь! — Он снисходительно улыбнулся и добавил: — По крайней мере, в таких вопросах. Вы надолго в Париже?

— На денек выбрался. Кое-какие дела, надо помочь коллеге.

— Коллеге?

— Барону фон Виндифрошу. Давний долг, а я пообещал ему немного.

— Дело чести?

— Можно сказать и так.

— Понимаю... Но вы нашли время и заглянуть в мою скромную мастерскую?

Я огляделся. Гхм... да уж, скромно. А Гравштайн — небольшая дача на побережье, точно.

— Одна молодая девушка попросила подарок. Увы, здесь тоже долг, не отвертеться. — Еще раз оглянувшись, я поинтересовался: — Роже, у вас всегда так... вот так?

— Так? — Он снисходительно улыбнулся: — Ну что вы, обычно у меня гораздо веселее! Кстати, за-

крытая часть показа начнется через десять минут, не желаете попристутствовать? Прошу вас, мне очень интересно узнать именно ваше мнение! Можно сказать, это будет вам близко!

— Как пожелаете, я не...

Дальше меня не слушали. Де Ньюи, мгновенно переключившись, сорвался с места. Видимо, на меня он как гостеприимный хозяин истратил весь лимит свободного времени, а теперь приходилось наверстывать — темно-золотая фигура знакомым прыжком вознеслась на второй этаж, не касаясь (ну я клянусь!), ступенек, высокий безапелляционный голос начал командовать, а меня тем временем уже вытащили из кресла. Опасаясь, что Мари в азарте закинет меня на плечо и потащит лично, чтобы не задерживал, я попытался повторить их гимнастические упражнения с лестницей. Выглядело, наверное, это не так элегантно. Увы, мой предел четыре ступеньки. Брюки мешают. Мари проще, она в широкой юбке, а модельер наверняка сшил себе специальные штаны...

Наверху мне не дали опомниться, несколько милостивых девушек, схватив под руки, потащили куда-то в темноту, оглушительно щебеча и дергая из стороны в сторону, потом щебет стал почтительно-приглушенным, меня с размаху швырнули вперед, в глаза ударил яркий свет.

— Друзья, прошу поприветствовать особого гостя нашего вечера — Александра фон Гравштайна! Мое почтение, господин барон.

С испугу, как бывало всегда, приняв деловой вид, я обвел комнату угрожающим взглядом... ну и пускай ничего не вижу, главное, меня, кажется, видят!

Во всяком случае, аплодисменты и перешептывания слышались явственно, и тон был уважительным.

— Мари... — Одного слова было достаточно. Меня снова подхватило и понесло, потом опять с размаху кинуло... — Мы начинаем!

Наконец, зазвучала музыка. Минуту я пытался проморгаться, кляня все на свете, пока из ярких пятен и непроглядных теней не проявился большой зал с идущей по центру дорожкой подиума.

По «языку» уже шли отстраненно-безразличные манекенщицы, причем не стандартные «гренадерские швабры», а вполне живые, пусть и слишком спокойные, девушки. Парочка так даже очень фигуристые попались. Ну и надето на них было... Не знаю, при чем тут Гравштайн, по эскенландской погоде лучше что-нибудь сильно утепленное носить, но зрелище было приятное. Покупай я это все для Эльки — хех, а ей бы пошло, даже очень!

Но для дочери? Все в темно-красных тонах, кружавчики, разрезики, стразики, ленточки... срамота!

И ведь пообещал. Может, сбежать?

Моральные терзания позволили пережить соседство с то и дело сосредоточенно что-то писавшим в блокноте артистического вида типом, с одной стороны, и с постоянно подхихикивающей дамой средних лет — с другой. В спину нервно дышали, отовсюду то и дело слышались какие-то непонятные возгласы, но в целом, кажется, публике демонстрируемое нравилось. Мне тоже, но к тому моменту, когда я, наконец, успокоился окончательно, показ закончился. Мелькнула Мари, меня рывком вытащили из кресла и понесли куда-то. Интересно, а наша Олечка-секретарша — не ее сестра? То же избыточное давление энтузиазма по всему телу...

За кулисами лучился добротой и золотым блеском модельер.

— Ну как, барон? Вам понравилось?

Помолчав несколько секунд, чтобы поточнее сформулировать ответ, я не удержался и все-таки брякнул наболевшее:

— Мне — да. Но... это в самом деле может понравиться молодой девушке?

— Конечно!

— Что за странные нынче наряды носят!

В зеркале я видел, как Мари со значением подмигнула одной из помощниц. Ну да, конечно, все мужики козлы и ничего не понимают в моде.

— Одну минуту! — Кажется, в этот раз я успел заметить, как маэстро с помощницей улетели куда-то по неотложному делу. Ну, в какую сторону, это я уж точно видел!

Повертев по сторонам головой, я повеселел. Рабочая атмосфера всегда в чувство приводит, а здесь она была самой, что ни на есть, рабочей! Ряды вешалок с клочками ткани на них, бумажки-программки, бегающие девочки-помощницы и мальчишки-на-все-руки, унылого вида охранник, приятным серым пятном выделяющийся среди этого буйства красок, полуголые и совсем голые тела, на которые никто не обращает внимания, какой-то бумажный лист с фотками — а интересно ведь!

— Господин баро-он?

Не вздрогнуть было сложно, я еле удержался.

— Да?

За спиной стояла молодая девица полуодетого вида и умоляюще хлопала ресницами. Ага, щас меня заманивать будут, это я уже проходил. Привычная ситуация окончательно протрезвила.

— У меня что-то с носом, вы не поможете, это какой запах?

Она мазнула пальцем по горлышку флакончика, потом по ключице и подставила ее мне на опознание. Исключительно из вежливости я наклонился к шее девушки, приняхался...

— Дорогой барон, я понимаю, юная красота влечет, но если вы так голодны, то стоит лишь намекнуть! Но не моделей же, им еще работать!

Помотав головой, взглянул на девуцу с «насморком», которую увлакивала вперед спиной Мари. Де Нюи с некоторой укоризной смотрел на меня. Я пожал плечами:

— Не так уж и голоден... Просто у меня в замке сейчас время ужина, Эгельберт, управляющий, постоянно требует, чтобы я чаще питался. Мол, туристов много, каждому нужно дать шанс... — Я pokrутил рукой в воздухе, поясняя мысль. — А тут этот запах. Популярный аромат, видимо? И атмосфера, как за столом у меня там, в Гравштайне.

Модельер нервно ерзнул телом, отводя взгляд.

— Разумно, разумно... туристом больше, туристом меньше.

— Ну да, вот вчера один потерялся, никто и не заметил. — Я не понял, к чему это он, но поддержать разговор как-то надо.

— Разумно... у меня тут тоже иногда теряются... в смысле, теряют голову. Кстати, позвольте подарить вам на память несколько сувениров. — В воздухе прошуршало, возникшая откуда-то сверху Мари с улыбкой протянула несколько свертков и конверт. — Боюсь, Александр, дальше здесь не будет ничего, достойного вашего внимания. Скудная проза

мира моды! К тому же через десять минут сюда ворвется толпа жаждущих обновок дам.

— Это опасно?

— Порвут к чертям. — Судя по интонации, именно порвут, именно к чертям. Они там стоят часами, а меня без очереди провели, вон подарки просто так дали. Прощание вышло коротким, я пригласил модельера к себе, в Гравштайн, на что онотреагировал как-то нервно. Ну да, занятой человек, его постоянно куда-то приглашают. Роже лично проводил меня до выхода, причем не главного, а в какую-то калиточку сбоку, пообещал прислать приглашение на показ новой коллекции, а также пригласил обращаться к нему в любой момент запросто. М-да, разница менталитетов, это у нас в самом деле можно было бы обратиться, а здесь... вежливые люди, эти французы, без пары извинений и вслух высказанных сожалений даже в задницу не пошлют. Впрочем, этот какой-то нетипичный попался, подарков надавал. Бесплатных! Ну, я же теперь какая-никакая, а персона, типа реклама для него.

Вытащил из-под мышки конверт, достал фотографии. Мастер снимал, даже мне понятно! Изящный, воздушный, блестящий всем своим золотом Роже, а рядом тяжелый, как танк, и такой же обаятельный, я. Ну что, могло быть и хуже. Помню, что для меня свет на подиуме был чересчур режущим, а тут никаких слез, в глазах читается одно желание — дать кому-нибудь в морду. Впрочем, мы с Роже были чем-то неуловимо похожи. Да, хорошая фотка, можно будет похвастаться — дескать, был как-то на модном показе, закрытом, конечно... Брр, лишь бы при мужиках не ляпнуть!

Я посмотрел на сумки в руках и вздохнул. Ладно, час позора, зато девчонки счастливые. Или порезать эту кружевную пакость и прислать им магнитиков с Эйфелевой башней? Оглянувшись на втягивающуюся в магазин вереницу страждущих, я еще раз прочитал «Сегодня вечером! Новая коллекция Роже де Нюи — «Шепот сумрака!» Что-то такое в курилке ругали, дескать, бабы без ума от какого-то там сумрака... Небось, и Анька тоже без ума?

Страдания размышляющего отца прервал звонок, Элепар шепотом доложил, что он уже в отеле и ждет меня.

Такси, двадцать минут, отель, сидящий на кровати в обнимку с коробкой головастик.

Кинув свертки на кресло, я прошел в ванную, сунув голову под струю воды. Черт, жуть какая! По отдельности все эти тряпки, бабы, модельеры, свет — можно перенести, но вот в таком коктейле? Два часа, а утомился, как после битвы за годовой отчет.

— Александр?

— Сейчас... так, давайте-ка все разворачиваем.

— Это оружие? — Элепару было очень интересно. Он сидел, ерзая всем телом; видимо, врожденная порядочность не дала ему по пути вскрыть коробку и узнать, что там внутри, а теперь, когда можно было наконец узнать... бедняга, целый день мучился.

— Это больше, чем оружие. Это инструмент нашей победы! — И я вытащил из коробки Эскенландскую Чашу.

Обтрუსил с нее крошки упаковочного материала, кинул на кровать, полез в коробку, вытащил еще одну Чашу... еще одну... и еще. Заказывал двадцать штук в пробной партии, столько и прислали.

Фон Виндифрош смотрел на меня с трудно определяемым выражением лица. Было там и легкое недоумение, и откровенное сомнение, и даже немного обиды.

— Итак, мой друг, я обещал помочь вам вернуть Чашу на родину. Так?

Он кивнул, успокаиваясь.

— Элепар, один из величайших мудрецов моей родины учит — всегда чтите Уголовный кодекс! Чаша, как считается, принадлежит Испании.

— Она наша и всегда была нашей!

— Ша! — Возмущенно сопящий головастик сел обратно, сердито глядя на меня снизу вверх. — Я же сказал, «как считается». Но мы-то знаем, что все права у эсков. Значит, надо сделать так, чтобы этот замечательный... м-да... лучше сказать — исторический образец средневекового ювелирного искусства поменял хозяина. И что важно, мы должны это сделать до последнего дня года. Все так?

Фон Виндифрош кивнул.

— Значит, слушайте, что мы будем делать завтра...

План был воспринят без восторга. Элепару хотелось драк, погонь, подвига. Я же предлагал сомнительную проделку, в которой ему отводилась довольно скромная роль. Потребовался час уговоров, чтобы он, вздохнув, согласился, что прямые пути не всегда самые быстрые. До конца я его, впрочем, не убедил.

С утра позавтракав (мой сообщник еле смог запихнуть в себя чашку кофе, на нервах искрошив свой круассан в лохмотья), я созвонился с glavой «отвлекающей группы», а спустя полчаса мы уже встречались на площади перед музеем. Вчерашний студент нервничал, причем в компании.

Пришло не тридцать, как он обещал, но двадцать человек были точно. Выглядела эта группа заговорщически переглядывающихся людей всех возрастов так же естественно, как фрак на корове, пришлось сначала всех благодарить за помощь, потом долго объяснять, что именно им предстоит сделать (снова куча разочарованных гримас, люди, похоже, собирались, отбиваясь от охранников и зрителей, выносить витрину с экспонатами под пулями... р-романтики хреновы!). Объяснив план и три раза, не смущаясь приглядывающейся полиции, прорепетировав прямо под взглядами прохожих намечающееся ограбление, я счел, что артистических данных собравшихся вполне хватит. Впрочем, все более-менее опасное я поручил Элепару и выглядящей наиболее сообразительной пожилой даме. Последняя, как оказалось, попала в число сообщников случайно — она вообще приехала в Париж только утром, случайно проходила мимо музея и присоединилась к намечающейся тусовке по-привычке. Пока я вел ее под руку к залу, где выставлялись второстепенные реликвии, то с интересом выслушал несколько рассказов о «веселом шестьдесят восьмом» и бурной молодости на баррикадах. Оглядевшись, я встретился глазами с одетым в рабочий комбинезон старичком, который утвердительно мне кивнул. Реквизит роздан, массовка на позиции, время выхода главного действующего лица. Извинившись перед спутницей, я вышел вперед и громко откашлялся. Энергичнее всего на мою попытку привлечь внимание отреагировали служители музея, подобравшиеся, как перед прыжком. Я был более чем уверен, что подготовка к «ограблению по-эскенландски» мимо полиции не

прошла, и наверняка уже предприняты все необходимые меры по предотвращению.

Впрочем, это даже лучше.

— Дамы и господа! Леди и джентльмены! Граждане Республики! В этом зале выставляется вещь, некогда украденная у народа эсков! Веками коронованные угнетатели хранили реликвию, не давая простым людям прикоснуться к частице собственной истории! — Служители стали просачиваться мимо посетителей ко мне. Старичок в спецовке, проходя за моей спиной, сунул мне в руку металлический кубок и куда-то испарился. — Друзья! Поднимаю этот бокал за всех малых, несправедливо угнетаемых сильными! Эта Чаша не пуста! Она преисполнена гневом на тех, кто жадно хранит в своих подвалах чужое добро! Реликвии народа должны принадлежать народу! Пусть будет набита до отказа алчная пасть, щедрость наша не знает границ! Да здравствует Эскенланд!

— Да здравствует Эскенланд! — И в воздух поднялись двадцать точных копий Чаши, розданных еще на площади. Два десятка человек сделали вид, что пьют из пустых кубков, а в следующий момент где-то в коридоре запищала сигнализация, показывая, что одну из витрин пытаются вскрыть. Это было последним толчком — на меня кинулись! Я спокойно отступал, прячась за своими поделчиками от пытающихся вцепиться в меня охранников, а над головами последних под визг сигнализации бабахали, осыпая праздничным конфетти, хлопушки, розданные из расчета пять штук на участника, и летали полоски серпантина.

Наконец, минуты две спустя, под аплодисменты собравшихся, меня «арестовали». Повязали добра

молодца — но вежливо. На пол не валили, ногами не пинали, только нервно сбрасывали все новые и новые нити серпантина, которые щедро раздавала моя спутница-революционерка. В процесс втягивались все новые и новые посетители музея, пока меня тащили по коридорам, я услышал на разных языках штук пять разных версий происходящего. Основная, как я и предполагал, заключалась в том, что какая-то группа устроила флешмоб протеста. Ну, если Элепар со товарищи не подведет, то...

— Вы ничего не хотите сказать?

— Простите? — Я дернулся, просыпаясь, и посмотрел на сидящего передо мной чиновника. — У вас тут так уютно, задремал. Вы не повторите?

— Повторю. — Он снова собрал листы, снова подбил их, выравнивая, но, слава богу, не стал читать заново. — Вы ничего не хотите сказать по произошедшему в музее?

— А там что-то было? Меня, наверное, увели раньше, чем это самое — произошло. Что случилось-то?

Полицейский присмотрелся к моей физиономии, сделал какие-то заключения для себя и соизволил наконец предъявить претензии:

— Насколько нам известно, вы готовили похищение кубка из экспозиции сокровищ испанской короны.

— Похищение? О нет, я готовил массовое выражение протеста против кражи, да, но само преступление было совершено еще при Карле Девятом, когда реликвию эсков выкрали оккупанты.

— И вы не покушались на хищение?

— Увольте, неужто я выгляжу идиотом? Среди бела дня, на глазах у десятков людей?

— В ваших вещах обнаружены планы музея!

— Это преступление?

— Это отягчающее обстоятельство!

— Отягчающее обстоятельство чего? Ну хорошо, признаюсь... — Он напрягся. — Я в самом деле планировал вызвать некоторый общественный резонанс, привлекая художественной инсталляцией внимание к факту незаконного владения частными титулованными лицами общественной реликвией. В конце концов, уж не гражданам прекрасной Франции объяснять, к чему может привести произвол коронованных особ!

Чиновник поморщился, стоящий у двери полицейский еле слышно хмыкнул.

Взяв из лежащих перед ним бумаг мои документы, «серый» вздохнул, показывая свое неколебимое терпение:

— Хорошо, начнем с начала. Александр Никола... евитч Могиля.

— Могила.

— Пусть так. Что вы делаете в Париже?

— Прибыл по личным делам. Бизнес, немного туризма. Искусство.

— Мгм.. хорошо. Вы, я вижу, прибыли в Федерацию месяц назад? С какой целью?

— Работа.

— Ага! У вас нет разрешения на работу в Евросоюзе!

— Формально — нет, конечно. Только это не работа, скорее нечто среднее между долгом и обязанностью.

— Обязанность грабить музеи?

— А что, кто-то кого-то ограбил?

— Это мы и выясним!

— Понял, понял. Значит, пока ничего не известно?

— Нам известно все, что следует знать! По какой причине вы оказались на экспозиции?

— Любопытство и чувство долга.

— Мы здесь не шутим! — Чиновник даже стукнул по столу. — Вы арестованы на месте преступления!

— Так я уже арестован?

Он пощелкал мышкой, что-то ища в компьютере, а потом «добил»:

— Ну, для вас это не новость? Вы уже были под следствием и провели немало времени в тюрьме!

— Это была политика.

— Все так говорят!

— А вы проверьте. Я был арестован по делу, связанному с господином Михайловым, а он у вас признан узником совести.

Точно. Его до сих пор держат, ждут, пока эта самая совесть проклюнется и он хоть половину награбленного вернет.

— Ну-ну. У нас тут не любят рецидивистов! Советую сразу помочь следствию, это вам зачтется!

На вопрос, арестован ли я, он так и не ответил. Пока все идет, как планировалось... но это не долго.

Чиновник, ища к чему придраться, поковырялся в пакете с отобранным у меня имуществом и радостно вытащил складник.

— Это нож!

— О, вы совершенно правы. Это нож.

— Вы всегда носите с собой оружие?

— Нет, я ношу нож, как любой нормальный мужчина.

— Так-так.. он оскорбил меня, назвав ненормальным! — Последнее было сказано стоящему у двери полицейскому.

— Просто констатировал факт.

— Почему вы носите нож?

— Мне положено это делать. Видите ли, совершенно традиция моего народа... — Следующие пять минут я вываливал на француза все, что помнил из одной любопытной книжицы, стараясь поменьше гнать отсебятины. — Таким образом, поединок чести на кинжалах требует кинжала. Вот я и ношу с собой нож.

Чиновник даже потряс головой. А что он думал, не ему одному дано людей грузить! Хотя слабоват, слабоват. Или время тянет. Как я.

За дверью тем временем нарастал шум. Мельком глянув на часы, я удивился, нанятые мной журналисты должны поднять его только через сорок минут, а тут явно кто-то чего-то требовал, а иногда в речи мелькало «могила». Наконец, дверь открылась, и к нам зашли сразу несколько человек. Одного я точно знал и меньше всего ожидал здесь встретить.

Роже де Нюи, во всем блеске своего золота, с приветливой улыбкой слегка поклонился.

— Рад снова вас видеть, господин фон Гравштайн!

— Гравштайн? Это ошибка, он не...

— Это в самом деле ошибка, инспектор. И совершили ее вы! Господин комиссар, я хотел бы знать, в чем обвиняют моего друга и гостя, Александра Могила фон Гравштайна?

— Господин граф, что вы, пока никто никого не обвиняет...

— Молчите, инспектор, с вами будут говорить мои юристы!

Оторопев, я смотрел, как модельер, к которому служащие великой Республики почему-то обращались исключительно с титулованием, строит сразу

двух полицейских, а те вяло и как-то без энтузиазма отбрехиваются. Комиссар, плотный усатый дядька, кидал злобные взгляды на допрашивавшего меня, как оказалось инспектора, и уверял, что вот-вот все разъяснится и дело будет решено ко всеобщему удовольствию. При этом он что-то не рвался меня освободить, юля изо всех сил — видимо, все еще лелея надежду как-то меня упечь за ограбление.

— Вы задерживаете невиновного человека!

— Мы всего лишь попросили мсье Могиля... в смысле, господина барона, разъяснить некоторые аспекты, так сказать пообщаться...

— Ну что же, мы пообщались от души, я могу теперь идти?

— Э-э... я еще должен выяснить...

— Могу я тогда позвонить своему управляющему?

— Не уверен, что...

— Можете, господин барон. — Граф сердито взглянул на комиссара и, взяв со стола, протянул мне телефон. Спустя минуту мне ответил знакомый голос:

— Александэр?

Я переключил на громкую связь и доложил:

— Фон Шнитце, я в Париже, меня схватили по сфабрикованному обвинению.

Спустя секунду молчания, озадаченного вокруг меня и воинственного в трубке, старик утверждающе спросил:

— Прикажете собрать ополчение?

— Собирайте. Я могу объявить войну Франции?

— О, это интересный вопрос! В принципе — да.

— Отлично. Позвоните ярлу Эрику и сообщите, что я предлагаю ему завоевать Лютецию вместе со мной.

— Он будет в восторге, Александэр! Его предок однажды это уже сделал. — Полицейские смотрели на меня со все большим недоумением, а модельер расплывался в совершенно детской счастливой улыбке. — Но хочу заметить, что господин ярл сейчас лечится, у него сломана одна рука.

— Эгельберт, это Эскенланд завоевывать ему две руки надо было и то не получилось. На прекрасную Францию и одной хватит.

— Совершенно с вами согласен, господин барон!

Инспектор злобно засопел, комиссар сердито откашлялся, де Ньюи с лукавой укоризной покачал головой. Ему я кивнул, извиняясь, и подмигнул.

— Хорошо. Что с фон Виндифрошем?

— Передаю дословно — он на точке три, все штатно.

— Замечательно. Если я не отзвонюсь до трех дня, объявляем войну!

— Да, господин барон!

Я отключил телефон и развел руками:

— Эскенландец, горячий парень. Им только дай с кем-нибудь подраться.

Полицейские попереглядывались, наконец, комиссар откашлялся и с «политической улыбкой» задал вопрос:

— А что это было там насчет войны? Какая-то игра слов?

— Никакой игры... вон там, в бумагах, лежит свиток. Инспектор, потрудитесь развернуть.

Час назад полицейский уже разворачивал его, но прочитать не смог и отложил за ненадобностью, теперь же он нервно схватил пергамент и с какой-то тревогой протянул комиссару. Тот развернул плотный материал и уставился на повисшие печати.

— Это что?

— Это мои документы. Выписаны, как полагается, в соответствии с обычаем эсков... ну, привнесенным обычаем, все-таки собственной письменности у этого маленького народа не было, так что вся дипломатическая переписка велась на латыни.

— Дипломатическая? — Комиссар еще пытался изобразить непринужденность, но было ясно, что политика ему не нравится.

— Ну да. Визит главы государства, пусть и неофициальный... я на всякий случай захватил верительные грамоты. Это они и есть.

— Главы государства?

— О, вы не в курсе? С отделением Эскенланда Гравштайн стал самостоятельным субъектом международного права, а поскольку последние двадцать три года я руковожу баронством... Наша суверенность была признана Республикой во время Консулата, я проверял, а раз положение обязывает, пришлось выписывать самому себе документы. Правда, очень не хотелось вручать их лично президенту, все-таки я здесь с частным визитом — вдохнуть воздух свободного Парижа, посмотреть на новую коллекцию маэстро, посетить музей... и высказать свое отношение к экспозиции украденных когда-то у нас реликвий.

Инспектор с комиссаром переглянулись, в уши графу зашептали с двух сторон люди очень официального вида, в дверях еще трое что-то оживленно чиркали в планшетах. Наконец, окончательно помрачневший комиссар, откашлявшись, спросил:

— Тогда, какого... в смысле, зачем, уважаемый господин барон, вы позволили себя задер... в смысле — неужели вы не могли объяснить это еще два часа назад? Мы бы со всем уважением приняли участие,

и уверяю вас, что... гхм... нам удалось бы избежать некоторых... ненужных трений. Опять же, господин граф...

Я встал и начал собирать вещи со стола, рассовывая их по карманам.

— В самом деле, зачем мне могло понадобиться отвлекать на себя внимание? — Удерживая серьезную мину, я со значением подмигнул одному из журналистов, у которого мгновенно заблестели от азарта глаза. — Два часа, масса времени... думаю, заказанная мной партия копий Эскенландской Чаши уже подъезжает к Гравштайну. Мне стоит поторопиться, много дел. Значит, говорите, Чаша на месте? Отлично, я так и предполагал. Разумеется, где же ей быть, ведь Ее. Никто. Не. Похищал. — И снова подмигивание журналисту. — Приятно было познакомиться, господин комиссар. Граф, а не пройти ли нам немного?

— О, конечно, Александр!

Выражение физиономии инспектора, из-под носа которого уводили удачно раскрытое дело и возможное повышение, стало приемлемой платой за два часа скуки и нервозности.

— Раз выяснились все обстоятельства, я больше не могу вас задерживать, уважаемый фон Гравштайн. Конечно, есть еще некоторые вопросы...

— Следующий месяц я практически безвылазно буду занят, но уверен, управляющий охотно вам поможет. Он у меня по совместительству министр иностранных дел, так что обращайтесь. А теперь прошу простить, господа, много дел!

На выходе из участка журналисты рванули с места наперегонки. Мы с де Ньюи посмотрели им вслед и с одинаковыми улыбками (пусть и по разному поводу) одновременно поклонились:

— Благодарю, граф! Ваше участие оказалось очень кстати, но право, стоило ли беспокоиться?

— Конечно, Александр, конечно! Вы и как личность, и как барон меня очень интересуете, я не мог поступить иначе! Благодарю, господа, дальше ваша помощь не потребуется. — Отпустив юристов, мы пошли по улочкам, ведя неспешный разговор.

— Все-таки что-то нехорошее есть во всех присутственных местах, а особенно связанных с управлением правосудия. Когда выходишь оттуда, дышится легче... впрочем, может, это тот самый «воздух Парижа»?

— Возможно, Александр, возможно. Я так понимаю, что вам надо было...

— Просидеть некоторое время в участке, пока мой друг, барон фон Виндифрош, занят другими делами.

— Другими делами, вот как? Ну что же, надеюсь, у него все получится. Кстати, хорошее кафе. Заглянем?

У меня еще было время, так что заглянули. Граф-модельер оказался неплохим собеседником, но почему-то все темы сводил к одному:

— Как барон фон Гравштайн вы можете претендовать на трон Нейморики, через вашего дальнего предшественника, Эгроина Гравштайна. И, таким образом, на трон некоторых европейских государств, к примеру, на все ту же Британию... ну, или точнее, на Англию.

— Право лишь тогда право, когда оно подтверждено силой.

— Приятно видеть настоящую эскенландскую практичность!

— Скорее — римскую. Румыния, все-таки, последняя из провинций старого Рима, окруженная тьмой невежества.

Чем-то наш разговор напоминал те суматошные годы, когда постоянно приходилось доказывать, кто ты есть, кто за тобой стоит и кто тебя знает — причем не факт, что хоть в одном твоём слове была хоть капля правды. Главное, чтобы верили твоим словам, типа «Да за меня вся Слободка подпишется! Да я с самим Черепом работаю!» Впрочем, что-то подобное об аристократии я всю жизнь подозревал. Формулировки чуть-чуть гламурнее, а суть та же.

Не съездить ли на могилку к старине Карлу Иерониму Фридриху, не похвастаться ли своими подвигами, как барон — барону? Тем более, от моего баронства недалеко...

— Так что, в принципе, вы можете претендовать на герцогский трон.

— Скажите, любезный граф, может, у меня и на трон Франции есть права?

Он нервно ерзнул взглядом, но, прежде чем ответил, я перебил:

— Так, все! Не продолжайте, а то мне в самом деле придется Париж завоевывать!

— Знаете, друг мой, — он оглянулся по сторонам и неожиданно тяжело вздохнул, — я был бы не против... Да и не только я.

Нет уж! Зачем мне столько арабов и шампанского?

Минуту помолчав, я спросил, переводя тему:

— И как это у вас под рукой оказались нужные люди?

— О, мой дорогой Александр, еще вчера я понял, что вы из тех людей, которые плохо вписываются

в цивилизованные рамки. Есть у вас в лице что-то такое... — Он неопределенно пошевелил пальцами, и я со вздохом подсказал:

— Пиратское?

— Точно! Именно! — Де Ньюи вдруг отчетливо щелкнул, переключаясь и уходя куда-то в себя. — Пираты... но ведь в самом деле... отличная идея, как раз последний штрих!

Стараясь не представлять себе бородатых, одноглазо-одноруко-одноногих морских разбойников, наряженных в кружева «от Ньюи», я невежливо посмотрел на часы. Роже, впрочем, уже что-то чертил на салфетке, иногда бросая на меня извиняющиеся взгляды. Не знаю, зачем он мне помог, но сейчас мы резко отдалялись друг от друга. Еще раз поблагодарив за участие и пригласив к себе в замок, я откланялся.

Звонок, такси, десять минут дороги, вокзал, поезд. На мое счастье, сегодня из города можно было выбраться без помех, так что час спустя я был уже далеко. Вокзал провинциального городишки, очень похожего на эскенландские. Кафе. Звонок.

Получасом позже мы гнали по дороге к границе с Бельгией в стареньком, совершенно не аристократическом «Фольксвагене». Мой сидящий за рулем «подельник» периодически мешал проглядывать появляющиеся в новостях сообщения о произошедшем и наконец не выдержал:

— Александэр... а что дальше?

С удовлетворением закончив еще один комментарий в дискуссии, я пожал плечами:

— Дальше? Об инциденте в музее станет известно всем заинтересованным лицам и охочей до сенсаций публике, и всем станет интересно — а что же,

собственно, произошло? Сначала станут оправдываться французы, мол, у них ничего не крали, все это злобные наветы. Им, конечно, никто не поверит. После того как сами они меня арестовали и держали в застенках, любые их слова, противоречащие моим, будут восприняты именно как жалкое оправдание: люди всегда считают истиной то, во что верят, а верить в красивое ограбление гораздо приятнее, чем слушать скучные доводы властей. Шум в музее был? Был, вы сами его устроили, замкнув сигнализацию! Есть мнение, что Чаша подменена авантюристом, в смысле патриотом-эксенландцем? Есть! У нас целых двадцать человек сообщников, которые будут месяц хвастаться своей отвагой, и сотня очевидцев, которые «вспомнят» все, что угодно. Еще бы, мы им такое зрелище устроили!

Затем мы будем делать вид, что Чаша уже у нас, просто мы боимся за нее и прячем в разных местах под видом копий, и вот нам как раз поверят. Потом возмутятся испанцы, но у меня, по случаю, есть чем их успокоить.

Так что впереди несколько раундов переговоров, а потом тихо-мирно промелькнет где-нибудь сюжет, что произошел обмен историческими реликвиями, имеющими культурную ценность для братских, исторически связанных народов Испании и Эскенланда, да и Федерация не упустит шанса показать, что и она при делах, поэтому правдивые доводы Франции никто слушать не станет, всем выскажут, что да, Чашу украли, но не будем об этом, тем более что эски как благородный народ откупились. Нам преподнесут как «памятный сувенир» «копию» Чаши, я отдам эту «копию» вам, и вы, исполняя данный обет, отдадите ее в руки старика Эгельберта, кото-

рый будет рад до смерти. Мы получим оригинал без преступлений и насилия, испанцы получают сопоставимую реликвию, федераты получают шанс показать фигу соседям, а французы... ну что же, «победили мы французов», им не привыкать! Франция прекрасна и так:

— Но ведь Чаша на церемонии будет не настоящая? Вряд ли вы успеете закончить переговоры к последнему дню августа?

— Дорогой мой, что делает реликвию — реликвией? Наша вера в это. Все будут уверены в том, что Чаша настоящая, и это сделает ее настоящей. А оригинал мы вернем на место чуть позже.

Элепар отвел взгляд и тяжело вздохнул, покачав головой, а я еще раз посмотрел в накладные. Копии Чаши заказаны солидной партией, но я уверен, что смогу сделать так, чтобы они разлетались, словно горячие пирожки на большой перемене. Просто надо пустить один слух... И прибавить нолик. Если уж торговать национальными реликвиями, то делать это нужно за солидные деньги!

«Читали про ограбление музея? У меня есть знакомый в парижской полиции, там говорят, что эскенландскую чашку в самом деле украли! Но эски, как всегда, лопухнулись, сунули настоящую в кучу копий, а теперь никто не знает, где она! Будете покупать сувениры в Гравштайне — присматривайтесь повнимательнее, есть шанс купить оригинал!»

Комментарий в популярном блоге.

«Братья! Сегодня мы на шаг приблизились к тайнам Основателей! Мы помогли одному из Древних,

тому, кто есть сын Истинных Повелителей Ночи. Это малое деяние, но Истинный Свет озарит нас, и мы наконец сможем...»

Из воззвания Верховного Магистра
к членам ложи «Золотая Тьма».

Гравшайн встретил нас привычно хмурым небом и легким дождиком. Элепар тут же распрощался, даже не заезжая во двор, так что я шел по улице к воротам в смешанных чувствах — приятно вернуться в какой-никакой, а все-таки собственный дом, да и поездка выдалась забавной, но вот впереди опять будут какие-то проблемы, требования, странные люди и все прочее, что прилагается к древним замкам. Впрочем, черт с ними, с проблемами, расплююсь как-нибудь! Или вообще на утро оставлю. Барон я или нет? А значит, устрою-ка пир с верной дружиной!

Эгельберт ждал меня у ворот, такой же хмурый, как все вокруг.

— Гот даг, господин барон.

— Можно менее официально, старина. Или у нас что-то случилось? Впрочем, конечно, у нас что-то случилось. Надеюсь, замок еще не захвачен?

— Нет, утренняя осада прошла удачно, мы опять победили.

— Славно! Ну так что же такого скверного?

— Город посетил барон Элиг фон Кустхив. К несчастью, произошел инцидент...

Мы подходили к главной башне, вокруг было странно тихо. Впрочем, от этой мелкой мороси с неба и мне хотелось спрятаться поскорее. Не дождь, а какое-то издевательство над психикой. Хоть само-

му себе выписывай наряд на кухню, поближе к горячим печам!

— Что за инцидент?

— Миллер, тот, что владелец магазина у поворота к замку, слегка обиделся на высказанное к нему требование, после чего непочтительными словами и действиями вызвал... возмущение барона. В соответствии с требованием благородного лица, лавочник был задержан. Сейчас он находится в камере замковой тюрьмы, так как фон Кустхив приговорил простолюдина к должной каре и передал его в ваши руки для свершения правосудия.

— Что, сам не мог, что ли?

— Он воспользовался случаем передать обвиняемого вам. — Голос фон Шнитце был странным. — Во-первых, подсудимый гравштайнец, а во-вторых, вы, как старший из баронов страны, можете и обязаны защищать интересы других баронов, пользуясь правом «защитника по слову».

— Ладно, давайте его на суд, будем оправдаловку выправлять.

— Суд уже проведен бароном фон Кустхив.

— Тогда на дополнительное рассмотрение дела, чтобы помиловать. Или нет, я его на неделю в общественные работы запрягу, а то уже третья жалоба!

Я с облегчением кинул на кровать сумку, повернулся к двери. Управляющий стоял, все так же опустив голову и нервно подергивая манжеты.

— Помиловать осужденного можно лишь на расвете следующего дня.

— Что? Ах да, помнится, вы говорили уже что-то такое. Тогда суньте старого скандалиста в камеру, пусть до утра посидит, подумает над своим антиоб-

щественным поведением. Не забудь подушку и нормальное одеяло ему принести

— Александэр... господин барон... Приговор по «Правде эсков» приводится в исполнение до заката того же дня.

До заката... суд уже был. Барон. Простолюдин. Несколько частей головоломки с щелчком соединились воедино, а в следующий момент я сгреб старика за ворот и прошипел ему в лицо:

— Ты предлагаешь мне казнить человека?!

— Так гласит закон... Александэр, я не знаю, что делать!

— К черту такие законы!

— Его принимали наши предки.

— К черту и предков! Сделаем исключение!

— И как скоро кто-то решит, что можно сделать исключение для себя? Закон — это внутренняя потребность, подтвержденная опытом и принятая как правило. Закон — это то, во что мы верим.

Он отводил глаза, но фраза была слишком знакомой, чтобы возражать. Отпустив управляющего, я подошел к окну. До заката оставалось еще часа полтора. Вот же!

— Как это вообще возможно?

— Видите ли, Александэр, наши законы принимались в короткие времена свободы, случавшиеся, увы, очень редко. И в такие мгновения...

— Вы оттягивались за все прошедшее.

— Можно и так сказать. — Голос у него был то-скливым. — Закон «О праведном суде» был принят фольксраатом по совершенно конкретному поводу, когда один из баронов, поддерживаемый очередным захватчиком, слишком откровенно пользовался своими правами.

— И сколько человек о нем помнят?

— Пожалуй, только историки. Тот период освобождения продлился меньше полугода, и под действие закона попал единственный человек, именно тот, против кого он и принимался.

— И кто же это у нас такой памятный?

— Не знаю, Александэр. Вы придумаете что-нибудь?

Я промолчал. Итак, один из моих горожан приговорен к смерти за непонимание политического момента. Барон-скотина воспользовался своим правом спихнуть на меня приведение приговора в исполнение, формально он даже прав — а то, что казнить придется мирного, хоть и желчного, старикана, это дело второе. По закону все правильно.

Верю ли я, что фон Кустхив не знал, что творит?

— Где эта сволочь?!

— Он уехал сразу, как только прибыли стражники сэра Ульфрика, но успел при свидетелях провести суд и процедуру передачи подсудимого старшему из баронов земли Эсков. Вам.

— Напакостил и смылся, гад. Есть варианты отложить казнь?

— Увы, я не нашел. Я звонил вам, возможно, мы бы за день успели что-то сделать, но не смог дозвониться.

— Я отключил телефон, пока разговаривал с де Ньюи, а потом просто забыл о нем. Но вы-то почему... ну хотя бы не устроили побег?!

— Мы ждали вас, господин барон.

— Ждали они! Ждуны хреновы... — Я еще раз перебрал возможности и без надежды переспросил: — Дело зарегистрировано?

— В мэрии и в бумагах полицейского участка.

Оставалось лишь выругаться. Идиотская ситуация, когда эски, считавшиеся у окружающих народов людьми недалекими и, скажем прямо, слегка повернутыми на обычаях и законах, сами себя загнали в состряпанную кем-то ловушку и оправдали это мнение. Все правильно, все по закону. Пусть и против здравого смысла. Как, впрочем, и вся эта история с отделением и возвращением старых обычаев... обычаи? Обычаи!

— Так, стоп! — Я судорожно кинулся к шкафу, куда забросил все принесенные фон Шнитце старые книги и свитки... ну было же тут что-то, было?

Должно быть! Не в книжке, а именно в этих бумажонках, что подсовывал мне управляющий для лучшего понимания духа нации, я видел что-то такое... Это? Нет... Да!

— Вот! Сказано, что согласно обычаю, приговоренный может читать молитву, пока палач готовится, и казнить его можно, лишь когда он молитву завершит!

— Это лишь указание, а не...

— Молчать! Повелеваю — поставить старика под виселицу, и пусть читает до самого утра! Не смей прерывать его общение с Господом!

— Господин барон, не слишком ли это жестоко? Миллер слишком стар, он не простоит ночь. Ожидание смерти страшней самой смерти...

Я снова сгреб управляющего за ворот:

— Фон Шницель, если этот старый скандалист, дожив до седых мудей, не нажил ни любящих детей, ни почтительных учеников, ни надежных соседей, которые могут позаботиться, чтобы он простоял положенный срок, то нахрен мне такой подданный?!

— То есть они могут?

— Знаешь, какой мой любимый анекдот? Когда человек попросил у джинна несколько пустяков, а в ответ на вопрос, почему он не выбрал могущество или мудрость, ответил: «А что, разве можно было?»

— Я понял, господин барон!

— Тогда бегом! Когда ему на шею наденут петлю, все уже должны знать суть происходящего! И туристов чтобы близко не было, это только наше внутреннее дело!

— Да, господин барон!

Я еще раз прочитал протокол суда с красивой, в завитушках подписью барона. Миллера я знал, скандальный такой старикан, он даже мне попенял на что-то при встрече. Но обзывать и кинуть камнем? Это как же надо было его довести?

Меня дергало в стороны противоречивыми желаниями. Хотелось поехать, найти ту гниду, что так подставила меня, хотелось надавать всем местным по морде, чтобы очнулись и перестали жить идиотскими представлениями о мире, хотелось сесть в уголок и спросить Господа Бога, за что он так со мной, но это все потом. Сначала... что сначала? Оружейная!

Верную булаву я оставил без внимания, сразу пройдя к стеллажу с мечами, и начал искать нужное. Не то, опять не то... это, может быть? Повертев кацбальгер, сунул обратно, тупой, зараза. Наконец, повезло с одной из сабель. Видимо, это было настоящее оружие, из-за своей неказистости так и оставшееся в стойке, а не проданное прежними баронами. Длинная, изогнутая, с простой рукоятью без украшений, зато даже сейчас острая. Сможет она, в случае чего, перерубить веревку? Ладно, поднаточим.

Стоявшего в дверях слугу послал в замковую мастерскую, сам быстро переоделся в парадную форму боярина. Если вознамерился нарушить парочку законов, то надо соответственно подготовиться!

Когда я открыл дверь во двор, то чуть не нырнул обратно — десятки людей, горожан, замковых обитателей, полицейских в форме, работников мэрии в национальных костюмах — сотни человек заполнили весь замковый двор. И все они смотрели на меня.

За месяц все они уже привыкли к тому, что живут по правилам Средневековья, но вот такого поворота не ожидали. Барон-чужеземец, обвиненный и приговоренный земляк, мрачное небо, морось периодически затихающего дождя; добро пожаловать в темные века, где жизнь человеческая ничего не стоила!

Впрочем, будто бы с тех пор что-то изменилось?

Я, не глядя в ожидающие лица, пошел сквозь раступающуюся толпу к ступеням эшафота, поднялся. Осужденный, с одеялом, накинутым на плечи, потерянно смотрел куда-то в сторону, рядом стоял, переминаясь, старший стражник. В углу насмешливо озирался незнакомый детина в национальном наряде, но с вариациями — вместо деревянных ботинок на нем были высокие узкие сапоги. Видимо, представитель обвинения.

Кашлянув, что в тишине сотен молчаливо ожидающих фигур прозвучало особенно громко, я обратился к старику:

— Господин Миллер, бароном фон Кустхивом вы были обвинены в оскорблении его достоинства и попрании исконных прав и, в соответствии с ныне действующими законами, приговорены к смерти. Воззвав к праву старшего из баронов Элиг фон

Кустхив передал вас в мои руки, дабы я проследил за исполнением правосудия. Можете ли вы чем-то оправдать свое поведение?

— Я... господин барон, этот гад начал приставать к моей внучке! Я не мог стерпеть!

— Да не так все было! Элли просто сделал девчонке пару комплиментов, никто ее пальцем не тронул! А старик сразу набросился, хотя мы бы могли и вообще в его доме остановиться, закон такой есть! — Детина из угла говорил с довольной усмешкой, было ясно, что умом он не блещет, поэтому и оставили. Впрочем, не только поэтому. — Все было честно — и суд, и приговор, и передача. Ваш — вот вы и вешайте. А то разбаловались, правильных законов не блюдете!

— Фон Шнитце?

— К сожалению, барон фон Кустхив был в своем праве. — Управляющий поднялся на помост и встал рядом. — В законах земли эсков есть упоминание о праве постоя, в соответствии с ним бароны, находясь в пути, при необходимости могут остановиться в любом доме, но не более чем на одну ночь и один день.

— Понятно. Что же, помиловать, в соответствии с «Правдой», я могу лишь завтра. Господин Мюллер, вы верующий?

— Крещен, господин барон.

— Хорошо, можете помолиться перед казнью. — Я оглянулся на улыбающегося детину, и тот вдруг насторожился. — Этого — в камеру. Он мне не нравится. Поутру будем его судить.

— Чего-о?! — Но кустхивца уже тащили к двери в подземелья, по пути награждая пинками. Мельком глянув в ту сторону, я проследил, как Фиск ставит

табуретку под петлей, помогает осужденному подняться. Эшафот был достаточно широк, метров пять в поперечнике, так что даже при нескольких стоящих на нем людях окружающим все было хорошо видно. Ну да, это же туристический аттракцион — самая настоящая виселица! Любый желающий может попробовать на себе роль приговоренного...

Тишина в сгущающихся сумерках перемежалась бытовыми звуками. Вот корова в хлеве мычит, вот что-то звякает в башне, вот машина проехала за воротами. Кто-то кашлянул, и сразу волна покашливаний прошла по двору.

Мы стояли молча, ожидая сигнала, и, наконец, из окна, показывая часы, высунулся Эгги:

— Закат!

Стражник накинул на шею стоявшему на табурете петлю, казнь формально началась. Я успокаивающе кивнул Миллеру и приказал:

— Начинайте!

Бледный, но стоящий прямо старик вздохнул и начал:

— Патер ностер кви эст ин цели...

Мимо меня прошел и встал рядом со стариком мужчина, такой же кряжистый, краснолицый, только седины в усах было поменьше. Муж старшей дочери, приехавший из столицы Федерации час назад, был слегка ошарашен происходящим, но стоял и аккуратно держал тестя под локоть. Пока его помощь не требовалась, но... восьмидесятилетний старик не простоит без чьей-либо помощи целую ночь на одном месте. Или все-таки простоит?

Я отвернулся, прошел сквозь все так же расступающуюся толпу к вынесенному во двор креслу и, тяжело опустившись, положил на колени саблю. Во

дворе было тихо, стоявшие вокруг десятки людей молча смотрели то на эшафот, то на меня. Смотрите, смотрите. Вы сами могли остановить суд, укрыть от «злобного меня» преступника, выдав его наутро, да мало ли чего можно было придумать — но вы ждали! Смотрите теперь.

Я прикоснулся точильным камнем к кромке и провел. Теперь в слова молитвы вплетался звук затачиваемого лезвия.

Между мной и ближайшими горожанами оставалось шагов десять пустого пространства, никто почему-то не рисковал зайти в эту зону отчуждения. Есть я — и есть они. Власть и подданные. Наверное, это правильно, власть всегда воспринимается как что-то чужое, людям всегда проще переносить правителя-чужака. Не важно, чужак по крови или по духу — главное, чтобы не свой, тогда как-то проще. Я вот — просто идеальное совпадение.

И они так наглядно мне это демонстрируют.

Не знаю, пришлось ли управляющему собирать-ся с духом, чтобы войти в этот круг пустоты, но вскоре он подошел ко мне и, минуту постояв, начал утешать:

— Александэр, вы не должны себя винить. По «Правде эсков» благородный человек должен искоренять зло там, где он его увидит. Миллер не является вашим вассалом, и, значит, приезжий барон был вправе вынести ему приговор. И передать право выполнения вам, старейшему из баронов страны. Оскорбив одного барона, Миллер таким образом оскорбил всех, и каждый благо...

— В жопу такое благородство!

— Это реалии прошлого, так жили наши с вами предки. Кстати, и сейчас в общем-то все то же самое.

— Эгельберт, хватит искать оправдания. Скажите лучше, если бы я отменил приговор, то как бы это сказалося на моем статусе «старшего»?

— Поставило бы под сомнение как минимум. — Старик ответил без запинки и сам себе кивнул: — Но фон Кустхив все равно не сможет претендовать на это звание. Следующий за вами Эвальд фон Веллешварм. Вы думаете, что они в сговоре?

— Я уже ничего не думаю, Эгельберт. Я жду утра. Фон Шнитце сник, снова начав теревить манжеты, потом, решившись, откашлялся:

— Боюсь, Александэр... господин барон, я был не совсем честен с вами. Видите ли, вы не сможете продать замок.

— Скажите мне что-нибудь, чего я не знаю, Эгельберт.

— О, вот как? Я полагал...

Старик замолк.

— Что вы там полагали — это ваше дело, а я еще в первый же вечер проверил эту возможность. Майорат не подлежит передаче. Странно, что замок выставили на продажу.

— Замок завещали мне как посреднику, с тем, чтобы я нашел для него нового достойного владельца. Сначала я намеревался отдать его в руки какого-нибудь богача, но все желающие хотели иметь титул и не хотели тратиться на восстановление замка. А я слишком люблю Гравштайн, чтобы отдать его такому человеку.

— Так и знал, что тут что-то нечисто.

— Я бы вернул вам деньги, как, впрочем, и остальным. Но мне надо было найти нового барона как можно быстрее, а вы, Александэр... произвели на стряпчего изрядное впечатление. Он местный и то-

же заботился о замке, так что решил, что вы подходите.

— Молодой балбес, ни черта не смыслящий в местных реалиях, искренне считающий, что покупает только бумажку и которому в голову не придет поехать проверить?

— И который сразу написал бумагу, позволяющую мне делать именно то, что я хотел.

— А отчеты?

— Я так плохо знаю иностранные языки, что мог и ошибиться с адресом, отправляя их.

— Кругом обман.

— Простите, Александэр. Судьба замка... слишком важна для меня.

— Я не в обиде, Эгельберт. А сами-то чего? Могли бы стать бароном и делать все то же.

— Как можно, Александэр? Семья фон Шнитце — потомственные управляющие, а не владельцы! — Он даже слегка выпрямился от возмущения. Впрочем, порыв тут же угас. — Дети не хотели оставаться тут. Только младшего я смог воспитать в духе предков, остальные же... — Он вздохнул. — Баронству нужен хозяин, а я бы не справился. У вас получилось просто замечательно.

Мой мрачный взгляд двадцать три года «не справляющийся» эск не заметил.

Еще раз пожав плечами, старик поднялся, оправил, словно мундир, свою жилетку и двинулся куда-то, заложив руки за спину. На эшафот он не оглядывался.

Рядом кашлянули, привлекая мое внимание, Сато опустился на камни по правую руку, совершенно по-восточному сев на колени, и поклонился, не выпрямляясь:

— Я должен признаться, господин барон.

— В чем?

— Я проник в замок обманом! — Мальчишка явно переживал, но очень по-восточному: напряжен, выпрямлен, только кулаки на коленях сжаты.

— В самом деле?

— Я не потомок самураев, моя семья из торговцев.

— Да ну? И что с того?

— Я занял чужое место, место того, кто мог бы вам помочь!

— Угу, как же. Хотя... Я слышал, что в Японии владению мечом обучают в школах. Сможешь, если понадобится, обрубить веревку с первого взмаха?

Парень смотрел на протянутую ему саблю со странным выражением, словно мечтая ее схватить, потом дернулся, оглянулся на виселицу и покачал головой:

— Простите меня, господин. Я... — он замолчал, а потом продолжил, старательно скрывая чувства: — Я не настоящий самурай, я только притворяюсь им и потому не достоин взять оружие. Я тренировался с младшей школы, но... наверное, мне надо было идти в кружок волейбола, как советовали друзья. Семь лет занятий — и я не уверен, что смогу. Я боюсь подвести вас. Простите меня! — И он снова перегнулся пополам.

И что тут ответить?

— Знаешь, Сато, я тоже не уверен, что смогу вот так с первого раза перерубить веревку. И не уверен, что я хороший барон. И что я хорошо обучаю вас. Но хоть я сомневаюсь, а все равно точу меч. Кто-то из твоих соотечественников сказал: «Если меч пригодится тебе лишь раз...»

— «Ты должен носить его всю жизнь».

— «Иначе этот раз может оказаться последним». Ладно бы — для меня, но когда от тебя зависят жизни других людей, на сомнения нет времени. Нужно — делай.

Он повернул голову, долго смотрел на осужденного. Миллер начал уставать, допуская паузы в молитве, опирался на плечо очередного подошедшего уже всерьез.

— Если я обрублю веревку, то будет задета ваша честь.

— Ну, грубо говоря, будет всего лишь поставлен под сомнение мой статус старшего из баронов земли эсков и право судить их споры. Но черта с два я променяю это сомнительное право на жизнь одного из тех, кто зависит от меня. Нахрен это «почетное звание» Сато. И без него проживу.

— Я не готов. Я не осмелюсь... Простите!

— Готов или нет — решать только тебе. Ты больше любого из пажей возился с оружием, уверен, твой меч достаточно остер. А раз ты говоришь, что в мечемашестве немного смыслишь, то мне было бы спокойней, если бы ты встал там, у края помоста, и был готов немного подстраховать.

— Я... — мальчишка опять опустил голову. — Вы слишком добры, господин! Я недостоин вашего доверия!

Уж эта мне молодость с ее закидонами! Небось, сунул Кацманту деньги, краснея и обливаясь потом, а теперь каждую ночь ждет разоблачения. А тут еще эта чертова казнь.

— В самом деле? Ну, если ты смотришь с этой стороны, то конечно. — Паж еще ниже опустил голову. — Но не стоит забывать, что взглянуть можно и по-другому. Сэр Ульфрик отметил, что ты самый

исполнительный и обязательный среди пажей, сэр Эрраин с удовольствием принял твои соображения по проведению какого-то там фестиваля. — Я поднял руку, останавливая вскинувшегося мальчишку: — Да, я знаю, что вы все вместе как-то придумали это. Но если остальные пажи только посмеялись, ты решил в самом деле предложить и настоял на своем. Эгги все время канючит, чтобы я тебя к нему отправил, мол, ты способен заставить работать любую технику.

— У отца фирма по ремонту и настройке... с детства с приборами вожусь.

— Ага, я так и понял. И туристы тобой довольны, и старик управляющий, даже Исабель похвально отзывался. Вот и получается, что по большому счету у тебя есть все, что нужно для... для того, чтобы стать если не рыцарем, то достойным оруженосцем. Знания, исполнительность, надежность. Мечом вот, оказывается, владеешь. Тебе просто надо сделать последний шаг.

— Какой? — Он смотрел на меня, словно готовясь тут же сделать этот самый шаг. Даже жалко было такой порыв оборвать.

— А я откуда знаю? Я могу показать тебе пути, выбирать придется самому.

Мы замолчали. Японец чертил что-то пальцем на колене, я все так же водил точилом по стали.

— Я виноват, господин.

— Ну что еще?

— В замке осада, а я в одиночку пользовался провизией, не делясь с другими.

— Так это ты сядимирль подъел?

Он склонился в поклоне и не торопился выпрямиться. Вот ведь балбес, ну как ему нравится быть

в чем-то виноватым! Еще захочет прямо тут хакари устроить, во искупление!

— Ладно, признаю твою вину. И приговариваю — все недоеденное съесть!

— Аа-а...

— Бэ. Все равно эту дрянь, похоже, способен есть только ты. Даже местные начали жаловаться, что туристы эту «экзотику» по городу разбрасывают, все провоняло. Тебе он в самом деле нравится?

— Очень похоже на то, что делают у нас дома.

— Ну да — тоже море, тоже много водорослей и ракушек и нет нормальной жратвы. Хватит переживать, у нас дел полно. Метнись к Эгги, проверь, что там с машинами. Утром надо будет кое-куда съездить, все должно быть готово. А потом все-таки встань с мечом у помоста.

— Хай! — Он еще раз переломился в поклоне и резко сорвался. Ох и пацан же, а ведь ему уже девятнадцать вроде? Пацан и есть. Тараканы в голове крупные, им там вольготно, вот и заносит время от времени.

— Господин барон?

— Норман? Тоже решил в чем-то признаться?

— Что? А, нет, я просто хотел спросить...

Договорить он не успел. В тишине замкового двора, наполненного десятками терпеливо ждущих людей, этот звук заставил всех замереть, хотя ничего такого страшного в нем не было. Просто треск и скрип расходящегося дерева. И сразу невольный вздох множества свидетелей, обернувшихся к эшафоту: Миллер стоял, покачиваясь, а рядом с ним замерла в ужасе немолодая женщина, то ли дочь, то ли невестка, совершенно не готовая к такому повороту — старик, вцепившийся в петлю обеими руками,

шарил одной ногой в воздухе, под второй рассыпался табурет, от которого с жуткой медлительностью откалывались куски.

Только что передо мной был проход к эшафоту, и вдруг на пути оказалась масса бестолково дергающихся и не дающих пройти горожан, я мог только распахивать их, держа над головой саблю, и смотреть, как отваливается расколовшаяся пополам ножка табурета. Умнее всех оказался мэр — пока я примеривался, как запрыгнуть на эшафот и обрубить веревку, не задев никого вокруг, сэр Эррайн шагнул к начавшему хрипеть осужденному и просто поднял его. Как назло старик был не из легких, с годами набрав весомости, так что надо было что-то быстро придумывать. Подставить новую табуретку? Черт, проклятые законы и трижды проклятые условия, казнь нельзя прервать, не так надо...

— Умник, на колени рядом с ним!

Самый сообразительный из моих пажей кивнул уже в прыжке, упав рядом с терпеливо держащим старика рыцарем и схватив дергающуюся ногу потянул к себе. Миллер нашарил опору и со всей тяжестью тела надавил на подставленное колено, Элиль только зубами скрипнул, но терпел.

— Стоит! Держим!

— Дэн, рядом!

— Да, мой господин! — Техасец рухнул к ногам казнимого, с силой схватил вторую ногу и поставил ее себе на колено. Миллер, все еще придерживаемый сэром Эррайном, осторожно покосился вниз и даже нашел в себе силы убрать одну руку от петли, вцепившись в плечо какого-то горожанина. Стоящая рядом женщина беспомощно рыдала, закрыв рот ладонью.

Я перевел дыхание, вытер взмокший лоб и посмотрел на небо. До рассвета далеко, но казнимый стоял более-менее прочно. Кто-то со злостью спихнул обломки табурета на землю, и здоровяк Фиск жалко съежился, хоть ему никто ничего не говорил. Надо будет потом прописать воспитательных звиздюлей и успокоить, а то еще начнет себя винить.

— Эдгар, скотина! Почему не проверил инвентарь?

— Мой господин, я...

— Молчать! Две недели без винной порции!

— Да, господин барон. Я...

— Забыли, впредь такого не повторяй. Умник, Дэн, как вы?

— Нормально стоит. Еще кого-нибудь под руку ему?

— Алекс.

— Есть!

— Сэр Эррайн, составьте очередь смены, десять минут на человека. Отбор по росту и весу.

— Есть!

— Миллер, молитву, твою мать!

— Патер ностер... кви ест... ин целис...

Сэр Ульфрик зло терзал какую-то веточку. Ему нечем было заняться, беспорядка не наблюдалось, а встать у казнимого, с его воробыиной комплекцией, не получилось бы. Так, чем бы его занять?

— Страже — очистить проходы к помосту, а то столпились, как бараны!

— Есть! — Полицмейстер тут же облегченно засуетился, упорядочивая послушно расходящихся в стороны гравштайнцев.

Еще раз оглядев двор, я вернулся в свое кресло, взял саблю, точило. Смотрите, добрые горожане, ва-

ше начальство спокойно и занято делом, а значит, все идет как надо. Даже если хочется вас пинками разогнать за идиотизм! Эх, славные, добрые люди, законопослушно, по слову мерзавца, отдавшие одного из своих соседей на казнь, что ж вы творите? Хотя что я вообще знаю о вас? Что вообще можно знать о другом человеке?

Вот мои пажи — кто они? Ну, молодые, неглупые ребята. Прошли несложный отбор в соревнованиях, живут дружно, подшучивают над единственной девушкой в команде.

Почему я несколько раз замечал стоящего и смотрящего на двери кухни Сато? Его туда тянет, исключительно когда я посылаю Марти отрабатывать метание. Значит, есть между ними что-то?

Умник, полноватый и постоянно нарочно подставляющийся под дурацкие ситуации — зачем он это делает?

Норман, старший из них, достаточно успешный врач. Зачем ему «обучение на оруженосца»? Дэн и Роберт сдружились в последнее время, везде вместе, но за всю эту ночь словом не перекинулись — почему? Марти — отчего она такая? Не выветрившаяся подростковая дурь или что-то серьезное в прошлом? Эгельберт, вроде бы олицетворение здравого смысла — как он допустил эту идиотскую ситуацию?

Эгги, Фиск, Магда — постоянно рядом, постоянно на глазах, и все такие же, если задуматься, незнакомые, как и месяц назад.

Была у меня знакомая, закинула ее судьба как-то на место кассирши в супермаркете, так она нашла себе развлечение — иногда «забывала» пробить какую-нибудь покупку, «даря» ее покупателю. Смысл игры был такой — правильно угадать, кто именно

вернет лишнее, а кто оставит себе, и удавалось ей это примерно раз из сотни. Ни внешность, ни возраст, ни ценность покупки не давали однозначного результата. Через два года она стала директором этого магазина, соответственно, игра стала другой — угадать, кто из кассиров этим занимается. Ну, тут, понятно, сюрпризов меньше. Хотя тоже случаются.

Люди, они интересные такие зверюшки. Странные.

Точило мерно гладило сталь, шепча что-то неприятное, ночной холод пробирался под кафтан, потрескивали факелы, гудел генератор, иногда доносились звуки от хозяйственных построек, каждые пятнадцать минут негромко командовал мэр, меня стоящих у виселицы людей.

Горожане молчали.

В какой-то момент я проверил лезвие и понял, что дальше точить нет смысла, но все равно продолжал водить камнем, чтобы занять руки. В темноте замкового двора, окруженного высокими стенами, было трудно углядеть за горизонтом, так что я нервно дернулся, когда одновременно у десятков людей, столпившихся вокруг, зазвенело оповещение на телефонах, и тут же с верхушки донжона проорали:

— Восход!

— Отлично. Указ сюда! Снимайте его!

Пока с эшафота на руках снимали окончательно обессиленного «преступника», Эгельберт быстро сунил мне бумагу, и я пятью росчерками пера подписал помилование, а также отменил на территории баронства все законы, подразумевающие смертную казнь. Дубина, раньше надо было!

— Сато! Все готово?

— Да, мой господин!

— Куда вы, Александэр?

— Навестить кое-кого! У вас тут слишком много развелось баронов, надо снизить поголовье подобных скотов!

И перехватив саблю поудобнее, я кинулся к воротам.

«Стала свидетелем очень красивого ритуала в Гравштайне. Впечатляюще и прямо веет какой-то древностью! Не совсем поняла смысл происходящего, все были слишком заняты, чтобы толком объяснить, к тому же не удалось подойти поближе, но надеюсь, что вскоре ритуал повторят — очень антуражно, очень!»

Из блога,
тэги «путешествия, прекрасное».

Что мне в Эскенланде нравится, так это его размеры. До Кустхива доехали за тридцать минут, покатались по сонному, постепенно просыпающемуся городку, побеседовали с редкими местными, а убедившись, что никто из них не видел своего барона уже недели три, — двинулись обратно.

Утренняя прогулка по холодку освежила, а сунутые в машину заботливой Магдой бутерброды, съеденные на обратном пути, вообще позволили слегка отмякнуть. Приказав встать на пригорке, с которого была видна и гавань, и крыши замка, и поднимающееся солнце, я вышел из машины, оставив саблю, и, присев на камень, стал смотреть на серо-синее море, чувствуя, как скопившееся за ночь напряжение уходит.

Славную шутку с нами пошутили! Чем отшучиваться стану? И еще надо как-то народный гнев погасить,

зря сорвался: сейчас горожане начнут виноватых искать, как бы крайним не оказаться. Мол, ради своего статуса пожилого человека мучил, тиран. Они-то все правильно сделали, по закону, а я, конечно, должен был по-справедливости поступать.

Значит, надо думать, что сделать «по уму».

Сзади кашлянул Элиль, протянул термос с кофе. Копье было у него под мышкой, а щит на тележке он сунул в багажник. Умник недавно показал, что из любого наказания способен пользу извлечь — на щите теперь был мой полузаконный герб, «На алом фоне открытая могила с черным надгробием». Так что, раскладывая его гербом вперед, паж с другой стороны разворачивал тряпочку с рекламой. Каждый раз новой. Не знаю, кто ему такое посоветовал, Изя или Эгельберт, но если возникнет необходимость кого-нибудь показательно пропесочить, то Умнику за это снова достанется.

А пока я делал вид, что ничего не замечаю. Начальство оно такое, невнимательное, ага.

— Господин барон? Что дальше делать будем?

Судя по теням, за моей спиной сейчас полукругом выстроились все пажи.

— А что ты предлагаешь?

С детства не курил, но сейчас чего-то вдруг захотелось. Не дымом дышать, а повертеть пачку в руках, размять сигарету, мудро и задумчиво глядя вдаль на морской горизонт. Положено потому что в такие минуты.

— Будем гада искать?

Я хмыкнул. Ага, найдешь его сейчас, как же.

— Будем выполнять обязательства по договору об осаде, Эвальд уж точно ни при чем. Потом я буду обедать с гостями замка, потом навещу город с ин-

спекцией, уже пару дней меня там не видели, пора. Много дел сегодня.

— Так что, мы этого скота даже не попинаем?!

— Марти, наш дорогой боевой и очень горячий подруг — что мы можем ему предъявить? — Я не оборачивался, но угрожающий прищур девушки и ехидные улыбки остальных пажей, видел как наяву. — Он воспользовался ситуацией, прорехой в законах, для какой-то своей выгоды. Классическая интрига, когда жертва вынуждена работать на злодея добровольно, в силу обстоятельств.

— А что он хотел этим добиться? — Норман, самый рассудительный из пажей, спрашивал не меня, скорее вместе со мной.

— Хороший вопрос. А любой хороший вопрос заключает в себе ответ. Поищем его в этих словах — «что», «он», «этим» и «хотел добиться». — Я уже говорил не для них и не для прислушивающегося у машин Фиска. Надо было проговорить вслух все то, о чем я думал ночью. — «Что» — если бы я не выполнил своего, так сказать, законного долга старшего из баронов, то этот статус можно было бы поставить под сомнение. Я не против, древние обычаи не всегда разумны, но кому-то это было очень нужно именно сейчас. «Он» — главным злодеем выступает Элиг фон Кустхив, молодой человек тридцати двух лет, в баронстве почти не появлявшийся, чем занимается в жизни, неизвестно, только поговаривают, что фамилии он соответствует и даже успел где-то отсидеть срок за уголовщину. Если бы он потащил девушку на сеновал, я бы понял, если бы попытался взять что-то силой, благо габаритами не уступает Эдгару, тоже было бы понятно. Но у этого резкого парнишки откуда-то есть деньги на свиту, набран-

ную из глупых, зато крепких ребят, и откуда-то есть знание древних обычаев.

— Это не он!

— Верно, Алекс. Значит, он работал в интересах третьего лица. Идем дальше «Этим» — чем именно? Покушением на жизнь старика Миллера? Постановкой под сомнение каких-то моих прав? Самим фактом использования древнего обычая? Или чем-то, нам пока неизвестным? Непонятно. «Хотел добиться» — чего? Как я поступлю, понятно без вопросов, Миллер все-таки мой человек, и я попытаюсь его вытащить. Но при этом я нарушу древний обычай, а значит... кому-то нужна легитимность некоего поступка, в виду изменения моего статуса. — Я замолчал. — А объяснить, что происходит, может только наш заслуженный краевед фон Шнитце. — Я вытащил из кармана телефон, с чертыханием вспомнил, что отключал его на ночь, щелкнул. Девять пропущенных вызовов! Попытка позвонить Эвальду тоже ничего не дала, его телефон молчал. — С ним что-то случилось. В замок! По машинам! — Пажи уже неслись впереди меня.

На въезде в замок я с удивлением отметил сажающихся в машины людей фон Веллешварма, приветливо махавших нам на прощание. Решив уточнить этот вопрос заодно с другими, я спихнул желающих что-то высказать горожан на пажей, дескать молодые сейчас соберут все жалобы, вот тогда и поработаем, а сам кинулся в донжон. Фон Шнитце-младший уже бежал навстречу.

— Эгги, где отец?

— Уехал полчаса назад. Вместе с господином фон Веллешвармом, они не дозво...

— Знаю. Почему осаду сняли?

— Не снимали. Приехали какие-то люди на трех автобусах и заменили прежний состав осаждающих. Я попытался разузнать что-нибудь, но никто ничего не знает. Поступил приказ — сменить состав, они его выполняют. И, господин барон...

— Что?

— Вам надо это видеть.

Смотреть я решил с надвратной башни. Когда мы возвращались, то осаждающие никак нас не задерживали, чем-то занимаясь в своем лагере, а теперь буквально за минуту в конце улицы и рядом с воротами выставлены заграждения, прогуливаются несколько патрулей. И в каждом из них был человек с арбалетом!

До сих пор мы не применяли ничего метательного, кроме откровенно бутафорских «камней», кидаемых на головы осаждающих, но сейчас, похоже, все изменится. Конечно, современное оружие в городе имелось, все-таки и моим, гравштайнским, полицейским безоружными ходить не полагалось, и у Эвальда в отряде были точно такие же обученные бойцы, но договор был строг — раз уж у нас законы средневековые, то и оружие должно соответствовать. При этом никому и в голову не приходило хотя бы луки взять на осаду; ну не было у нас в страже кровожадных дураков, костяк веллешвармцев сплошь люди защищающие или спасающие другие жизни, у меня романтически настроенная молодежь, рвавшаяся в ближний бой — лук воспринимался как прекрасный аттракцион для туристов, но никак не оружие.

А сейчас я видел внизу по меньшей мере десяток арбалетчиков. Не поспоришь, соответствует эпохе. Стоят, смотрят — ко всему готовы, ничего не жаль. И что характерно — из семи стрелков четверо в та-

ких же высоких сапогах, что и запертый сейчас в камере представитель Элига Кустхива.

Значит, это только начало неприятностей. Точнее — продолжение. И что дальше?

Словно услышав мои мысли, внизу началось движение, и группа копейщиков при трех стрелках окружила идущего к нам человека в самом обычном сером костюме.

— Он приехал на одном из автобусов и привез приказ.

— Спасибо, Эгги. Пажей в доспехи и сюда. Встретим гостей, кажется, они собираются о чем-то говорить.

Десять минут спустя Норман и Алекс помогали друг другу нацепить железо, а Дэн с башни пытался разузнать, что именно хотят от нас. Безуспешно, предводитель противника требовал на разговор меня лично, и никто другой его не устраивал. Ну что же...

— Открыть ворота!

Через ров перед воротами был перекинут мост. Эгельберт все жаловался мне на цены по ремонту подъемного механизма, в плане его восстановление должно было состояться через тринадцать лет, а старику хотелось это проделать поскорее, вот и зудел, надеясь, что я откуда-то вытащу недостающие деньги. Впрочем, пусть и не поднимающийся, но крепкий мост с массивными перилами стал вполне сносной площадкой для переговоров: у меня за спиной провал ворот, которые могли быть захлопнуты мгновенно, у противника — длинная улочка-подъем, ставящая его в неудобное для атаки положение. Ни спрятать засадный отряд, ни сбежать, если что. Ладно, начнем:

— Кто вы такие и где мой благородный противник?

Предводитель в сером вышел вперед, остановился в пяти шагах от меня и, коротко поклонившись, представился:

— Лесер. Фридрих Лесер.

— Случайно не коллега Отто Шрайбера?

— Как вы догадались?

— Настоящие злодеи всегда работают командой.

Итак, что вы хотели сказать?

— Что в отсутствие господина фон Веллешварма я командую осадой.

— Но?

— Простите?

— Вы же не просто за этим пришли?

Лесер улыбнулся. Так улыбается палач-энтузиаст хорошо зафиксированной жертве... ну или налогоплатель — пришедшему оправдываться гражданину.

— Да. Внимательно рассмотрев заключенный вами и господином фон Веллешвармом договор, я не нашел смысла его выполнять.

— Что значит «не нашли»? Не вами заключен, не вам и отменять.

— У меня другое мнение. Вся эта буффонада — пустая трата ресурсов моего клиента. Поэтому я собираюсь закончить безнадежное предприятие.

— Вы решили капитулировать?

— Наоборот, я предлагаю сделать это вам.

— Вот уж чего я делать не собираюсь. Крепкие стены, отважные бойцы — было бы глупостью согласиться на сдачу.

— Зря. Насколько я знаю, ваш управляющий разослал большую часть министерялов на ваши поиски,

поэтому ваши наличные силы на данный момент — это десять-пятнадцать человек?

— Между прочим, если я издам указ, что все примкнувшие ко мне освобождаются от налогов, то половина ваших солдат перебежит ко мне в тот же день. А оставшиеся — на следующий, после того как сожгут головной офис вашего ведомства.

— О, я в курсе ваших методов. Боюсь, в данном случае они не сработают. Мой отряд собран из людей, которым понадобятся определенного рода советы и помощь после присоединения к Федерации. Я способен им это дать. Только я. Все абсолютно законно и выгодно всем сторонам договора, поэтому они не предадут.

Я скептически посмотрел на него. Наверное, в душе чиновника еще оставалось что-то человеческое, поэтому он чуть отвел глаза и немножечко покраснел.

— Тем не менее, кровопролитие не входит в мои планы, поэтому я предлагаю вам сдаться. Обещаю хорошее обращение, приличные условия содержания и освобождение через две недели.

— Ответ отрицательный. Сдаться старому Эвальду еще можно было бы, он человек чести, но вам? Увольте.

— В таком случае через тридцать минут мы начнем. Честь имею! — Фриц четко развернулся на месте и, печатая шаг, удалился. Сразу видно прусскую кровь, вон, наемники идут вразброд, только что оружие за собой по земле не тащат. Ничего, русские прусских завсегда бивали, а уж румынский барон вообще в кашу размажет.

— Закрывать ворота!

Не оборачиваясь, я прошел во двор, поднялся на стену, осторожно пригляделся к происходящему внизу. Там готовились что-то поджечь, во всяком случае несколько канистр из машины повытаскивали. Черт, до чего же удобно с местными: отдали им приказ, они и уехали. Наши бы остались поглазеть или на сверхурочные работы самостоятельно запряглись по прикому. Можно было бы перевербовать, а эти... Этим отдали приказ жечь, они станут жечь. И стрелять. А у меня в самом деле восемнадцать пацанов и девчонок, плюс четыре старика, плюс я сам. Можно, конечно, бежать, только сдастся мне, что это будет на руку моему главному врагу. М-да, отдать, что ли, приказ кипятить смолу? Хотя конкретно смолы у нас нет... можно коллекцию пластинок фон Шнитце расплавить.

— Господин барон?

— Что, Сато?

— Какие будут сегодня назначения?

Ах да, я же в это время их рассылаю по «местам стажировки».

— Проверить доспехи и оружие. Сато — со мной, будь неподалеку. Умник и Норман — во двор, в помощь Эгги. Дэн, Алекс — в резерве, можете пока отдохнуть.

— А я?

— Ты? — Я мельком глянул на Марти. Боевой подрут, насупившись, ждала от меня нового издевательства. Что ж, грешно не уважить чужие надежды: — Так значит, ты готова ни в чем не уступать парням?

— Я и так ни в чем не уступаю!

— Отлично. До вечера чистишь картошку на кухне.

— За что?!

— За пререкания.

— Но я не пререкаюсь!

— А после картошки будешь драить кастрюли. — Это сказал уже подошедший Кацмант. — Потому что правильный ответ оруженосца своему господину — «Будет сделано, ваша милость».

Я подставил ладонь, Изя тут же хлопнул по ней.

— Будущий оруженосец Марти, мы тут не в игрушечки играем. Если тебя послали на кухню, значит, это нужно!

— Что там делать? Сегодня веллешвармцы не пропустили машину с продуктами даже для туристов, и картошки там только полмешка! Что будем есть завтра, если эти жопоухи станут держать осаду всерьез?

— Черт с ним, забьем корову, на неделю хватит. Поедим свежатинки заодно. У меня любимые лакомства детства — гематогенка и домашняя колбаса!

— Гемато-ген... — Умник быстро защелкал на ладонником, всмотрелся в результат, икнул и переспросил: — Колбаса домашняя, да? А как вы ее делали?

Я, замечтавшись, долго и со вкусом объяснял городской молодежи, как сначала забивают свинью, шмалят, разделявают, как сливают кровь, чистят кишки, рубят фарш и готовят непосредственно колбасу. Пажи медленно меняли цвет от привычного, поросячье-розового, через синеву — в зелень.

Городские дети, что они знают о вкусной и здоровой пище? Во времена моего детства то и дело прокатывали эпидемии псевдонаучных поверий типа «Вредно есть яйца от пятнистых куриц», когда какой-то продукт вдруг начинал считаться очень-очень вредным, и ребенку его давали с оглядкой.

Вот и с кровяной так получилось, напугали маму страшными бактериями, что по ночам выползают из холодильника и скребутся в двери спален, а результат — у сына стойкое убеждение на всю жизнь, что настоящие деликатесы — это субпродукты и домашняя колбаса.

Вернувшись от гастрономических фантазий к реальности, я отметил, что пора бы уже и позавтракать, а то и пообедать. Понявшие намек ребята разбежались, девушка, злобно бубня под нос, ушла, оглядываясь, Сато вежливо отошел. А вот гасконец, наоборот, придвинулся, искоса поглядывая то на меня, то за стену.

— Кацмант, смех смехом, но кажется мне, что шутки кончились. Здесь будут стрелять и стрелять здесь будут в нас. Как, не хочешь отказаться от должности?

Начальник стражи в этот момент, загибая пальцы, считавший готовящихся арбалетчиков, нервно вытер лоб и ответил, неожиданно четко чеканя слова:

— Знаете, что я вам так скажу, господин барон? Моя гасконская мама, может, и проклянет меня, если я тут помру, но предки, вырезавшие ханаанян, своего потомка поймут! Я остаюсь! — Он вдруг сглотнул, быстро перекрестился и добавил: — Хотя мне как-то страшновато, Александр Николаевич. Может, ну их?

Ну их?

— Изя, обе пушки к пальбе изготовить!

— Я не артиллерист!

— В детстве ты никогда самопалами не развлекался? Тут не сложнее. Действуй!

— Но у нас сейчас нет пороха! Поставщик привезет новый только к вечеру!

— Изя, чтобы через двадцать минут пушки были заряжены и стояли напротив ворот!

— Есть, господин барон! Ой вей, за что мне постоянно такие начальники?!

Кто бы сказал, за что мне такие подчиненные?!

— Сато, отчет по замку.

Японец поклонился и начал выкладывать невесть когда узнанные новости.

Как ни странно, о событиях этой ночи за пределы городских стен пока ничего не просочилось. Казалось бы — участвовала куча народа, у всех родственники, у всех желание рассказать, поделиться, ан нет, наружу ни словечка! Впрочем, думаю в мире много происходит такого, о чем мы даже и не догадываемся. Маленькие городки на окраине мира не так уж сонны и безмятежны.

Что интереснее — кто-то от моего имени отменил все туристические экскурсии. Сделано это было как раз в тот момент, когда я сдуру понесся выпускать кишки неведомому врагу. Одновременно на разных выездах из города появились автобусы с наемниками — вероятно, они должны были меня задержать, если бы Эгельберт до меня дозвонился, и только когда они с фон Веллешвармом покинули замок, машины съехались сюда.

Дальше я уже не слушал. Пока все шло точно по нотам — и ведущая партия была не у меня. Печально. Мне все так же грозит перспектива принять участие в кровавой заварухе, к чему меня настойчиво подталкивают уже не первый раз. Кому-то нужна смута в Эскенланде... Впрочем, я уже понял кому. Вчера был не уверен, а теперь понял. Осталось понять — зачем. Чего-то я не знаю, какой-то местной фишки, известной только знатокам. А единственного такого у меня

из-под носа увели, вместе с возможным союзником. Элепар наверняка отсыпается после вчерашнего... Вытащив телефон, я попытался дозвониться — глухо, отключен.

— Начальника стражи сюда, быстро!

Сато унесся вниз по лестнице, а я в очередной раз глянул на происходящее внизу. Теперь к бензину и арбалетам прибавились большие, с упором, металлические щиты на двух человек. Готовились, суки, такое быстро не соорудить. И что же с вами делать? Нет, что делать это ясно, а потом что?

Отвлекся я только на негодующий шум за спиной:

— Нету пороха, ваша милость! Не-ту! Обеспечьте мне проход за стену и тридцать минут — все будет стрелять без остановки, как не хочу говорить, где, у кого и в каком месте, чтоб им икалось, а сейчас пусто! Аллес! Нон, ни-хт, нет! А если бы и было — за пять минут где я вам канонира найду? У него сегодня выходной! — Гасконец был готов к тому, что я начну его как-то обвинять и поэтому заранее защищался, нападая. — Я, конечно, профессионал и могу достать что угодно, только как я достану, если руки связаны? А пушки без пороха не стреляют!

— Тише, тише... Я не по этому поводу. В жизни не поверю, что они с тобой не связались. Думаю, что пришло время предательства. — И я показал пальцем на пушки, а потом кивнул, указывая куда-то за стену. Кацмант оглянулся, потер подбородок, пожал плечами:

— Думаете, господин барон?

— Чую. Смотри не продешеви!

— Обижаете! — Вытаскивая на ходу телефон, гасконец поспешил куда-то с самым загадочным видом.

— Господин хатимото в самом деле намерен вас предать? Или это военная хитрость? — Сато смотрел вслед уже что-то шепчущему в трубку Кацманту, прищурившись и положив руку на меч.

— Может, и в самом деле. Только видишь ли, тут уже не имеет значения, на чьей он стороне. Как бы он ни поступил, надо уметь все обратить в свою пользу. Именно этого момента я и ждал. Ну а если наш бравый усач сможет отложить немного на старость, то я не против.

— Я заметил, что него ус отклеился... немного.

— Сато! Неприлично намекать людям на их маленькие недостатки! Может, бедный Изя всю жизнь мечтал о шикарных усах в запорожском стиле, он же не виноват, что от родителей ему достались две волосины?

— Прошу прощения! — Ну вот, опять кланяется.

— Найди всех пажей, приведи Фиска. Мы не будем ждать осады, это выгодно врагу.

— Мы нападем?

— Узнаешь. Бегом!

Проводив его взглядом, я сначала облокотился, а потом сполз по стене и уселся прямо на камни. Небо голубое, птички, в городе какой-то рабочий шум. Вот, гудок — это из гавани. У нас тут осада, к драке готовимся, кровь лить, а там люди спокойно живут и нет им никакого дела до наших дрызг... кстати, может, рыцарей вызвонить? Хотя не стоит. Или мы победим сами, или враг достигнет каких-то своих целей.

— Гравштайнцы! Мы, подданные барона фон Веллешварма, предлагаем вам сдаться! Мы обещаем каждому хорошее отношение, горячую еду и соблюдение всех прав! Вам не победить! Нас больше, но

мы не хотим кровопролития! — Механический голос из-за стены заставил дернуться, я выглянул: вещал полицейский мегафон, положенный на крышу одной из машин; осаждающие суетились, собираясь вокруг знакомой фигуры и что-то слушая.

Ага, значит, Кацмант уже договорился. Значит, пора приступать. А то дело к обеду, а я так и не поел ничего толком! Где их носит, этих пажей?!

Накручивая себя для пущей злобности интонаций, я быстро встал, перегнулся через стену и заорал:

— Эй там, внизу! Переговоры! Надо пообщаться! Через тридцать минут перед воротами!

Мегафон крикнул, свистнул, потом зазвучал голос Лесера:

— Десять минут и ни единой больше! Попытка сопротивляться будет жестко пресечена!

— Пятнадцать!

— Десять!

Я помолчал, как бы раздумывая, и согласился:

— Десять! Идите к воротам!

Снова кваканье, свист, и, видимо, наговоренный на диктофон голос так же безжизненно продолжил:

— ...отношение, горячую еду и соблюдение всех прав! Вам не победить...

Ну, это мы еще посмотрим.

Быстро отдав приказы, я прошел к выходу из донжона, где стояла моя основная надежда на победу. Пушки были, как объяснял фон Шнитце, наполеоновские, старые, начищенная бронза тускло и грозно светилась. И калибр такой, что у меня кулак влезал. Им вроде бы полагались другие лафеты, но на этих, с большими колесами почти современного вида, они выглядели как-то внушительней. С матом и поминанием чьей-то матери,

мы с Фиском, поднатужившись, вытащили сначала одну, а потом другую, установив их рядом и взяв под прицел ворота. Оглядевшись, обнаружил рядом с собой пятерых балбесов, заливающихся, словно и не перед боем.

— Что веселитесь, молодежь?

— Наконец выяснили, кто на что учился. Тут полный набор — есть гном-воин, в смысле Дэн, у нас на металлурга учится, есть лесной стрелок — Алекс из Вудвилля и в школе брал призы, Роберт — варвар-горец с длинным мечом, есть даже отрядный целитель — Норман! И Марти — просто типичнейшая колдунья! Потомственная ведьма Хаоса! А я — мудрец-волшебник!

— М-м-м... нормальная команда. И что?

Молодежь переглянулась с видом «Ну что вы от него ожидали?», но стоило мне открыть рот, как за воротами кто-то требовательно заорал.

— Приготовились!

— Есть!

У правой пушки с тлеющим пальником встал Норман, как самый ответственный, у левой — Фиск.

Я встал посередине, положив руки на стволы. Пришлось слегка раскорячиться, ради эффектной позы, но что поделать. Наконец, с башни замахал рукой Сато, и я приказал:

— Открыть ворота!

Ворота открывались медленно, долго. В проеме маячили веселые лица кустхивцев, довольная физиономия Лесера, стоявшего, как полагается, впереди. Пушки он увидел сразу, но только улыбнулся. Наконец, створки стукнули о стены, и процессия победителей вошла на замковый двор.

— Внимание, предлагаю всем бросить оружие и сдаться! Иначе мы откроем стрельбу. Пушки заряжены картечью!

Жизнерадостное ржание в ответ слегка покорибило. У нас тут важный момент, а все только и делают, что ржут!

— К сожалению, господин Могила, нам точно известно, что пороха у вас нет. — Лесер сделал пару шагов вперед. — Вы проиграли! Я готов принять вашу капитуляцию... ведь ради этого вы меня сюда позвали? — Улыбающийся чиновник полуобернулся к своим воякам, и те с готовностью поддержали его улюлюканьем.

— Не совсем. Я просто хотел показать вам вот это. — Ударом ноги я отправил к нему рассыпающую по пути хвост серого порошка жестянку. — Порох пушечный. Отлично подходит как для этих малышей, так и для немудреных ручных бомб. Посмотрите вверх. — Наемники, как по команде, вскинули головы. В большинстве окон появились люди, в одной руке держащие бутылки и банки, а в другой — зажигалки. Со стены свистнули, там стояли Дэн с Алексом, сжимая в руках бутылки с уже подпаленными фитилями.

— Если вам что-то сказали, господин Лесер, это еще не означает, что вам сказали правду. Впрочем, утверждению, что если мы сейчас пальнем, то от вас только фарш по стенам останется, вы можете верить. — Я секунду помолчал, а потом скомандовал: — Оружие на землю! Встать к стене, приготовить документы для оформления статуса военнопленных. Кто не выполнит, накормлю тем самым несуществующим порохом и заставлю запить бензином! Выполнять!

Наемники, поглядывая то на командира, то на пушки, то на стены, то на жестянку, остановившуюся как раз рядом с ними, начали дисциплинированно класть мечи и арбалеты на землю. Из раскрывшихся дверей донжона выбежали несколько слуг в доспехах и с веревками.

— Норма, ребятки. Не расслабляйтесь пока, но...

Марти, выйдя из-за двери, вдруг ощерилась, махнула рукой. Мимо моего виска в одну сторону пролетел нож, послышался глухой стук, я резко обернулся, пытаюсь вытащить саблю, щелчок, мимо другого виска пролетела стрела...

Черт!

Наемник упал плашмя, выронив разряженный арбалет.

— Я-а-а...

Девушка стояла, в ужасе закрыв руками рот. Пришлось сделать несколько шагов к стоящим с поднятыми руками пленным и приглядеться.

— Норма. Ты рукоятью вперед метнула. Зато попала точно в центр лба. Сато, запиши Марти шоколадку за мое спасение и два дня тренировок на малой мишени.

Душераздирающий всхлип за спиной пришлось проигнорировать, сохраняя маску бывалого вояки, ну и чтобы не выдать себя — в горле резко пересохло. Черт, я этой девчонке сильно должен! Не уверен насчет кирасы, а вот кольчугу на спине пробило бы.

— Пожалуй, такой поступок требует награды.

— О, вы дадите девочке премию?

Кацмант, неведомо куда испарившийся на время боя, уже крутился рядом с самым деловым видом.

— Нет. Разрешу сегодня на полчаса раньше уйти с работы.

— Куда уйти, там повсюду враги?!

— Да? Ну, значит, в замке посидит.

Он покивал согласно, потом поднял с земли щепотку пороха, понюхал.

— Александр Николаевич, а откуда у нас это? Я же точно знаю, что ничего не было?

— Изя, если у начальства нет личных фондов, то это хреновое начальство.

— Тогда почему было просто не забросать их гранатами?!

— Потому что если подчиненные думают, что у руководства всего ну просто завались, то это зря. Одна жестянка осталась, и то полупустая.

— То есть гранаты?

— С чистейшим эскенландским воздухом.

За воротами завывало записанное «Сдавайтесь! Мы гарантируем...» и порядком уже раздражало, хотя ирония ситуации мне нравилась — призывавших-то уже самих вяжут и конвоируют в камеры. Настоящие, не туристские. Только Лесера я приказал запереть со Шрайбером. Рвался человек за коллегу отомстить? Ну вот пусть будет в замке аттракцион «Два — на логовика — два». Будут дуэтом жаловаться туристам...

— Молодежь! Заткните эту говорилку!

Я ждал, что кто-то сбегает выключить, но пажи вдруг навалились на колеса пушечного лафета, выкатывая орудие в ворота, через минуту сначала раздался громкий «Бабах!», потом не менее громкое «Ура!», и лишь затем все наконец смолкло. Мешать им я не стал, пусть развивутся. И у меня-то руки трясутся, а уж у молодых...

Посмотрев на раскуроченный, уже дымящийся автомобиль, я решил, что юнцов пора чем-то занять, а то ишь, развоевались! Впрочем, пажи моего недо-

вольства не видели, радостно обсуждая выстрел. Молодежь, им лишь бы шум да веселье!

И вот ведь странно — я же не приказывал заряжать пушки. Пороха, я точно знал, оставалась одна жестянка, да и нет от них толку, если бы нападавшие кинулись врассыпную. Да и картечью в упор... это как-то чересчур. Но кто-то же их зарядил?

— Фиск, где ты?! Быстро сюда!

— Здесь, господин барон!

— Почему пушки оказались заряжены?

— Так ведь господин главный стражник не успел, а приказ мне Сато передал. Что-то не так?

— Все так.

Я представил, как он, решив, что я отдал приказ, палит по столпившимся врагам картечью... и снова зябко поежился. Сколько раз повторять — никаких шуток и недомолвок с эскенландцами! Уж эта их обязательность! Может быть, приказать сделать что-нибудь совсем уж невероятное? Ага, как же — они выполняют, а мне потом расхлебывать?! Говорили мне, что война — это штука слабо предсказуемая, но чтобы настолько?

Ну хорошо, от этих избавились, теперь надо... Что?

— Эгги, обзвони баронов, узнай...

— Уже, ваша милость. Ни у кого телефоны не отвечают.

Медленно выдохнув, я, уже зная ответ, спросил:

— В Эскенборге все в порядке? Там телефоны работают?

Спустя пять минут выяснилось, что второй и главный замок, в котором должны были пройти, по традиции, выборы, тоже молчит. Можно было бы поднять на ноги тамошний полицейский участок, только что-то мне подсказывало, что и этот вариант учтен.

— Собираемся! — Я уже набирал номер сэра Ульфрика. Вот он должен знать, как решить вопрос с вероятным захватом всех баронов, ему по должности положено.

— Слушаю вас, господин барон.

— Сэр Ульфрик, у меня для вас скверные новости. — Быстро пересказав все произошедшее с момента моего отъезда я неожиданно услышал:

— Жаль, что я не смогу вам помочь.

— Не можешь?

— Да, раз все так плохо, то я нужен здесь, в городе.

Несколько секунд тупо пытаюсь понять, что он говорит, я все-таки собрался и переспросил:

— То есть не едешь?

— Нет, я же говорю — есть более важные дела.

— А если я спрошу мэра?

— Я ему сейчас тоже позвоню. В следующий час мы будем очень заняты и ничем не сможем вам помочь.

Я помолчал, упихивая в себя новость. Вот так рыцари. Вот так верные вассалы!

— То есть мне туда одному ехать и всех спасать?

Ульфрик ответил мгновенно:

— Это было бы очень кстати. Простите, господин барон, срочные дела. Думаю, мы с сэром Эррайном скоро управимся, но это как знать. А вы езжайте, в самом деле, мало ли что там происходит?

Не прощаясь, я отключился и подавил желание разбить телефон о стенку. Черт знает что, нормальные же люди были? Я ему прямо говорю, что кто-то готовит переворот и захват власти, что надо ехать и спасать наших, а он в ответ: «Дела, извините»!

Тьфу ты, пропасть, что за день такой?! Ладно, бог им судья, может, в самом деле есть что-то важнее... хотя куда уж? Привыкли, что их постоянно завоевывают, вот и не дергаются!

— Господин барон, я готова!

— Ты не едешь, Марти. — Я еще не обернулся, но ответ сам сорвался с языка.

— Потому что я девушка? — В ее голосе не было привычных эмоций, только печальное упрямство.

— Потому что... — Надо что-то придумать, не хочу я брать девчонку в бой, драка — не место для них. Воевать и умирать должны мужчины, только как же ей это объяснить? — Там будет тяжелая работа.

— Я могу помочь!

— Ты поможешь, только... только не там и не так. — Замолчав, я повернулся к Сато и выдернул его меч из ножен. — На колени!

Девушка, мгновенно побледнев, вдруг заозиралась, потом боязливо шагнула вперед и опустилась на колени. Черт, какая она маленькая... даром, что энергичная.

— Я барон Александр Могила фон Гравштайн, убедившись на поле боя в твоей отваге и готовности защищать соратников, посвящаю тебя в рыцари. Встань, дама Марти Адамс! — Вперед шагнули Умник и Норман, аккуратно подняв первого из их компании рыцаря, стоящего на коленях с отвисшей челюстью и круглыми глазами. Да уж, и для меня это тоже внезапно, только другого способа не придумывается. — Я прошу и требую исполнения службы — тебе я поручаю охрану замка. В случае чего у нас должно быть место, куда отступить, сама видишь, что творится. А теперь все за работу, быстро!

— Александэр! Господин барон, я с вами!

— Нет. Мне нужен человек в замке.

— Господин Исабель справится!

— Половина замка уверена, что он нас сдал.

— Я тоже могу сражаться! Оставьте кого-нибудь из них!

— Марти, ты можешь в одиночку перекатить пушку или перенести мой щит? А они могут. Зато твой авторитет у слуг никто не оспаривает.

За спиной кто-то вполголоса добавил что-то вроде «Дураков нет».

— Кстати, что стоим — орудие к машине прицепить, быстро! И принесите мою булаву! — В иных случаях лучше переломать руки-ноги, а не голову срубить... просто, чтоб подольше помучились.

Через три минуты дружно захлопали двери. Марти потерянно стояла на крыльце, я кивнул ей, дескать, все путем, а потом машина тронулась.

— Господин барон, а зачем нам пушка?

Мне и самому очень хотелось, чтобы кто-то объяснил, зачем мы так деловито крепили двухсотлетней давности орудие ко вполне современному «Мерседесу», но я только с максимально уверенной интонацией выдал:

— Увидишь. Поехали!

И вскоре деревянные колеса лафета застучали по асфальту дороги.

«Из культурных новостей — на севере Федерации с обычным весельем и добродушием проходят местные фестивали, готовые принять соседей и туристов.

Множество интереснейших развлечений, живописнейшие виды и радушные горожане ждут вас в гости!»

Из статьи на портале «Nuheter Politiken Zeitung».

Деревянные, обитые железом колеса пушечного лафета сильно тормозили движение, надо было постоянно придерживать рвавшихся в драку пажей. Я тупо смотрел за окно, мимо проползали аккуратные домики с оранжевыми крышами, сустились по своим делам люди. Словно и не на войну едем.

Разговор с полицмейстером Эскенборга вызвал чувство дежавю — он внимательно выслушал меня, попросил подождать, пока перезвонит коллегегравштайнцу, а потом с сожалением заявил, что все правильно. И у него тоже внезапно возникли неотложные дела. У меня от удивления даже материться как следует не получалось, это ведь полиция, они же по федеральным законам работают, им сообщают о правонарушении, угрозе общественному порядку наконец! И что? Фига в лицо?

Поддавив желание выкинуть телефон в окошко, я постучал пальцами по шлему, лежащему на коленях, попытался успокоиться. Вот, успокоился. Шум колес за спиной, то по асфальту, то по камням городков, через которые проезжаем, радио что-то местное играет, певичка поет. И что делать теперь?

Что ждет впереди, особой тайны не представляет — всех баронов собрали вместе, меня блокировали. Если бы не слишком активный Лесер, мы так и сидели бы в осаде, до самого завершения интриги. Кто все это устроил, я догадывался. Зачем — опять же понятно. Ну теперь понятно. Хотя я все равно дурак, надо было Фрица в пыточную тащить — когда бы такой случай представился. В смысле, не в качестве замены игривой красотке, а как натуральную жертву. Ладно, задним числом все умны. Что делать? Если бы рыцари не сдулись, я бы собрал отряд полиции, выписал бы им приказ разобраться — никуда бы не

делись, выполнили. Или это вне их компетенции? Эх, всего ночь-то не поспал, а в голове муть одна. Где мои восемнадцать лет и многодневные студенческие загулы?

— Подъезжаем, господин барон.

— Эгги, тут, помнится, была обзорная площадка?

— И сейчас есть. Едем туда?

— Перед атакой неплохо было бы выяснить, что творится в стане противника.

— Понял!

Эскенборгцы смотрели на наш кортеж из трех машин плюс старинная пушка вполне благожелательно. Полицейский, встретившийся по пути, согласно кивнул на вопрос о том, знает ли он о готовящемся перевороте, с вежливой улыбкой заверил, что все идет как надо и меры будут приняты. После чего повернулся к какой-то пожилой женщине и начал ей что-то подробно и доброжелательно объяснять.

Нет, я все-таки местных никогда не пойму.

В голове вертелось памятное еще со школы: «Корона — дерзновенному, скипетр — смельчакам, трон тому, кто говорит: «Возьму и не отдам!» — переворот затевают не для того, чтобы потом все вернуть назад, да, у них в истории полно примеров, но почему... даже мои рыцари слиняли! Черт бы их побрал!

Вообще-то, раньше у меня были подозрения на Эгги — так, смутные. Но подобные забавы явно вне его уровня. Зато я точно знаю, кому они по плечу. Еще бы знать, сколько у них народа? Часть мы заперли в подвалах Гравштайна, но сколько-то должно быть при них, в качестве подручных. А я сам-восьмой, да еще пушка. Заряженная. Как там ядро, не вывалится от тряски? Черт, не о том думаю... а о чем?

На обзорной площадке сейчас все было забито по-утреннему активными детьми. К счастью, ждать очереди не пришлось, несколько туристов постарше, явно узнав меня, расступились, растащив малышня. Отдав шлем пажу и законопослушно бросив монетку, я, не обращая внимания на восторженный щебет двух девчушек, отталкивающих друг дружку от соседнего бинокля, стал обозревать грядущее место боя.

Замок Эскенборг был перестроен в начале прошлого века. Если Гравштайн в руках своих баронов спокойно ветшал и разваливался, то здесь, в столице округа, выкупленный у владельцев замок служил музеем и главной достопримечательностью. Все починено, покрашено, вокруг разбит красивый сад, выстроены беседки, павильоны, галереи. Отреставрировали по-европейски красиво и по-эскенландски практично — с одной стороны, оставались слегка облагороженные, но суровые стены крепости, а с другой — типичный дворцовый фасад, с широкими окнами и балконами, выходящими на площадь... К сожалению, вход со стороны «мрачного Средневековья» был на уровне второго этажа и к нему пришлось бы подниматься по мосту надо «рвом», сейчас представляющим собой усаженную цветами низину. Очень живописный, мост все равно оставался достаточно надежной преградой.

— Наштурмуемся, ваша милость... там во дворе человек тридцать, не меньше!

Умник, оправдывая прозвище, быстро метнулся к ларьку со сладостями, выкупил очередь у трех очень довольных сделкой ребяташек и теперь отбрыкивался от остальных пажей, комментируя увиденное. Я, присмотревшись к видимым отсюда ок-

нам и ничего в них не обнаружив, наконец повнимательнее разглядел парадную сторону замка.

На этом направлении, то есть со стороны города и дворцового фасада, был более удобный подъезд, несколько дверей, информационные стенды, большие проемы окон сразу у земли... а еще какое-то подобие оцепления. Знакомые фигуры арбалетчиков, несколько алебардистов, микроавтобус, на крыше которого целая гроздь рупоров, у решетки — часовые, хотя и довольно расслабленные. По просторнейшему двору, на котором периодически проводились масштабные народные гуляния и ярмарки, сейчас прогуливался патруль в латах. Это направление было наглухо перекрыто.

Нет, для полиции не было бы ничего сложного, только они же самоустранились? Вон, стоят двое в стороне, смотрят на стрелков и ничего не делают. И нам со двора не прорваться.

Поморщившись еще раз, я перевел взгляд на «крепостную» часть.

— Эгги, планы замка есть?

— Конечно, вот.

Косясь на подсунутый планшет одним глазом, я стал прикидывать, где могут быть пленники. Это у меня они бы в подвале сидели, а здесь...

— Какие помещения в замке наиболее исторические?

— Вот эти окна с парадного фасада, вдоль большого балкона. Там бывший рыцарский зал, в нем по традиции проводятся все церемонии государственного уровня.

Сам балкон я видел, а вот в окна отсюда не заглянуть. Зато было ясно, что с парадного входа нас не впустят. А к заднему крыльцу еще надо суметь

подобраться и как-то пройти через запертые двери. Сто метров моста, в конце которого глухая дверь с бойницами над ней. И неизвестно, сколько там внутри врагов. Но вряд ли много. Значит, нам туда дорога...

Кое-как отогнав туристов, затеявших фоткаться на фоне прицепленной к машине пушки, и, откашлявшись бабахнуть для увеселения публики (нет, даже за деньги не станем... мужик, уйди нафиг... да, земляки, но у нас тут дела... блин, уйди к черту, оно заряжено!.. а ты думал, у нас тут война... и тебе удачи... нет, помогать нам не надо...), мы так же, не торопясь, покатали вниз по все тем же улочкам. Пять минут, и вот она, задняя дверь замка. Итак, что дальше? За каким чертом я сюда приперся, спрашивается?

— Господин барон, что будем делать?

Не у одного меня такие мысли, видимо. Брать замок с дружиной из семи человек!

Этот конец моста упирался в миниатюрное подобие барбакана. Наверное, когда-то это была серьезная надвратная башня, закрывавшая проход на мост, но время серьезно обтесало строение, оставив что-то вроде массивной беседки. Туристы просто проходили через нее, платя в тут же расположенную кассу, поднимались на три ступеньки внутри, выходя на прямой мост. Для нас же эти три ступеньки были... эх, наша пушечка с лафетом почти тонну весит! Я начал рассматривать сам мост, прикидывая, как вдруг в бойнице что-то мелькнуло. Сухой и какой-то несерьезный, деревянный треск стрелы, ударившей в камни, заставил всех на миг замереть, а потом мы все одновременно ломанулись в укрытие.

— Стреляют, господин барон.

— Вижу! — Я выглянул из-за колонны. Разглядеть, целятся в нас или нет, невозможно. Значит, целятся.

Я еще раз оглядел внутренности барбакана, ступеньки. С одной стороны был, конечно, подъем для колясок, это же Европа. Но пушка по нему явно не пройдет. Надо что-то придумывать. Хорошо хоть турникета нет!

От напряженных раздумий отвлекло пиканье нажимаемых кнопок.

— Эгги, что ты делаешь?

Фон Шнитце-младший отвлекся, недоуменно нахмурился, а потом радостно пояснил:

— Это автоматическая билетная касса, господин барон. Очень кстати, я в прошлом году работал здесь, а сотрудникам положена скидка. — Он поднял карточку с фоткой. — Как знал, что пригодится!

— Эгги, какие, к черту, билеты?! У нас штурм!

— Но, господин барон, это же музей? — В глазах у него плескалось самое искреннее непонимание. Махнув рукой, я повернулся к Фиску. Стражник рассматривал ступеньки с сомнением.

— Затащим?

Абсолютно интернациональным жестом почесав затылок, здоровяк покосился на пушку.

— Может, проще самим выбить? В машине лом есть и вон топор у меня.

— Эгги, дверь крепкая?

— Аутентичная шестнадцатому веку. Резьбу восстанавливали по эскизам самого...

— Значит, не выбьем.

— Э-э... простите, господин барон, вы хотите расстрелять дверь из пушки?

— Да. Войти в замок мы можем только отсюда, лестницу добывать некогда.

Я ждал воплей об исторической ценности, о той самой восстановленной резьбе, но меня в очередной раз удивили:

— Тогда стрелять надо на уровне головы... моей. Именно там внутри засов.

— Спасибо, учтем. Слышал, Эдгар?

Стражник осторожно высунул голову, одним глазом осмотрел фронт работ и тут же спрятался обратно. Стрела все с тем же стуком чиркнула по стене и, кувыкаясь, улетела к кассе. Следят, заразы!

— Поднять — ну, полминуты, если вместе наляжем. Докатить до середины моста, а лучше до второй трети, а то не попадем — еще минута. Прицелиться. Выстрелить. Не меньше двух минут, ваша милость.

— Две бойницы, два стрелка, по десять секунд на зарядить-прицелиться-выстрелить. Двадцать стрел за это время они точно выпустят.

— А то, что от нас останется, приберут те, с площади. Им же, наверное, уже сообщили? — Норман рассудительно кивнул куда-то в сторону.

— У вас минута! А лучше еще быстрее. Умник, щит мой сюда!

— Александр, вы уверены?

— Да, Эгги... или сейчас, или через пять минут нас зажмут и перестреляют издалека. Элиль, где щит? Тащи сюда, живо!

— Чего? Зачем?

— Не тормози! Я в доспехах и со щитом прогуляюсь, пусть разрядят свои игрушки по мне, а вы пока затащите эту дуру на прямую наводку.

— Безумие!

— Идиотизм!

— Господин барон, лучше найти другой путь...

— Тихо! Ша, я сказал! Если охрана все еще тут, значит, там, внутри, еще не закончили. А если дело не закончено — его можно сорвать.

— Я с вами!

— Щит только один. Или я не заметил и кто-то из вас захватил свой? Вояки... бегом!

Толстяк, смотревший на меня широко распахнутыми глазами, резко дернулся и, виляя, побежал к машине. Я меланхолично рассматривал висящее над закрытым окошком кассы объявление на трех языках: «Сегодня, в связи с подготовкой к торжественной церемонии, музей закрыт». Чтобы все это затеять, надо было иметь доступ сюда... ну что же, еще один довод в пользу основного подозреваемого.

Пажи деловито отцепили пушку, прикрытую от обстрела стеной, закатили внутрь. Дэн и Алекс уже примеряли «наградное» копьё Умника в качестве рычага, Сато из буксировочного троса мастерил какое-то подобие блока, я не присматривался. У людей работа, нужная и тяжелая. Им надо за минуту сначала поднять груз в тонну на высоту полуметра, а затем переместить еще на полсотни шагов по дощатому, неизвестно какой прочности, идущему в горку настилу. Хотя это я зря, эски не стали бы делать что-то плохо, значит, мост выдержит колеса лафета.

Впрочем, отдуваться, как всегда, мне.

— А я-то все думал — зачем такой щит нужен? Надо же, он, оказывается, вполне функционален...

— Точно, осадный вариант! Потому и тяжелый...

Не слушая шепота за спиной, я нахлобучил шлем, в первый раз пожалев, что не взял полный латный доспех из оружейной.

— Эдгар, давай свой топор. Буду им двери рубить. Готовы?

— Готовы. — Помолчав, стражник с чувством добавил: — И да поможет вам Господь!

— Что, думаешь, сам не справлюсь? — Я оглянулся, поправил шлем и пригрозил: — Не выбьете дверь с первого выстрела — уволю к чертям!

Правильная мотивация персонала — это наше все. Ну, с Богом!

Никаких выпрыгиваний, вместе со щитом металла на мне было почти девяносто килограммов, я медленно и с достоинством вышел на мост. Очень хотелось, чтобы мне кричали, требовали остановиться, угрожали — в общем всячески теряли время, нужное ребятам за моей спиной, но дав мне пройти несколько метров, невидимые стрелки ударили одновременно.

Мазилы! Оба мимо!

Черт, страшно-то как...

Я мерно печатал шаг, стараясь не раскачиваться, иногда бухал топором по щиту, который громыхал ну просто очень выразительно. Наверное, там, за дверью, сидели простые люди, которым тоже было не по себе от надвигающейся фигуры и которым тоже раньше не доводилось стрелять в людей? Но куда ж нам всем деваться? Первая стрела ударила в щит, когда я прошел почти треть.

Вообще-то я это попадание едва почувствовал, так, толчок, но сделал вид, что отшатнулся. Остановился, «собрался с духом» и двинулся дальше.

Нужный мне эффект был достигнут. Пушку стрелки тоже видели, у пажей что-то не заладилось, она с грохотом скользнула назад, и сейчас они, с бранью на пяти языках, медленно поднимали оружие, но идущая по мосту неуязвимая железная фигура, видимо, казалась стрелкам гораздо опаснее. Стре-

лы стучали все чаще... или время сжалось... какой-то слишком тяжелый щит, и какие-то слишком легкие поножи... а еще шлем, пальцем же проткнуть можно... только бы не в ноги, хрен я встану тогда... что же они так долго возятся?!

Щит опустился слишком низко, стрела стукнула в наплеч, по касательной, и ушла в сторону. Я уже стоял у дверей, с ужасом понимая, что дальше надо что-то делать. И что именно, рубить?

— ...тово! ...подин бар... отово! — В голове гудело, очередная стрела ударила по шлему, перекосив его. Медленно, плавно и с грохотом опустившись под радостные вопли из бойницы, я прилег и накрылся щитом. Вот дурак... сейчас же сюда выстрелят! Ведь промахнуться могут запро...

Грохот в голове, грохот за спиной, грохот и треск рядом — встать, сволочь! Еще ничего не кончено!

Я оттолкнул железяку, решив, что дальше она уже не понадобится, но подняться никак не удавалось. Впрочем, мимо уже промчались с воплями пажи, стремясь ворваться в замок первыми. Это правильно, на глазах у начальства геройствовать — то, что надо. Я вот дурак, а они — молодцы. Покачиваясь, обошел лежащую на полу дверь. Вторую, разнесенную в щепки, равномерно разбросало по залу.

Это ядро? Нифига это не ядро, это чертова карточка!

Из-за соседней колонны вдруг послышалось обиженное:

— Да вы совсем охренели? Из пушек по честным эскам стрелять?!

— Сиди там, скотина, или я тобой из пушки выстрелю!

— Сижу, сижу... чего сразу орать...

— Эр... тьфу ты! — В ушах продолжало греметь. — Старший стражник Фиск!

— Я, господин барон!

— Доклад!

— Все путем, братан!

— Чего?

Эдгар перестал двоиться и раскачиваться, слившись в устойчивый силуэт.

— Все в порядке, говорю.

Ага, слышалось, значит.

— Стрелки?

— Связаны!

— Идем дальше. Эгги, показывай дорогу... да не лезь вперед!

Коридоры были пусты, солнце светило сквозь окна, заставляя пылинки искриться в воздухе. Ребята попритихли, собравшись у меня за спиной.

— Поворот... направо... здесь в левую дверь... осторожно, ступенька... берегись!

— Кустхив! Кустхив! Бей!

— Гравштайн! Бей!

Я не успел опомниться, как молодежь уже неслась навстречу таким же азартным пацанам в приметных сапожках. Но стоило собравшись с духом двинуться за ними, как неожиданно сбоку выпрыгнул кто-то очень большой и махом вытолкнул меня к особенно внушительной двери.

Шлем — необходимая вещь при посещении музея: вместо того, чтобы проломить башку о косяк, я только звучно о него приложился, пролетел еще немного, перебирая снова ставшими непослушными ногами, и рухнул на четвереньки. За спиной раздался выстрел, еще один, вопль «Прочь, смерды!»; по-

ка я вставал с пола, со стуком захлопнулись двери и скрежетнул засов.

— Добро пожаловать! Пожалуй, вы очень вовремя. Так.

Ребят выманили атаккой, а меня просто втолкнули сюда. Понятно.

Левая нога... правая... черт, в голове гудит.

Выпрямившись, я огляделся.

Это, наверное, и есть рыцарский зал? Ничего особенного, у меня не хуже. Доспехи вдоль стен, макеты оружия, стойки с разным металлоломом, портьеры а-ля гобелен, флаг Эскенланда над большим камином модели «Зажарь барана целиком». Вдоль правой стены выстроились восемь человек — четыре старика, две женщины. Элепара и еще одного иначе как мальчишками не назвать. Бароны Эскенланда. Случайные правители своей земли.

Фон Веллешварм лежал посреди зала на полу, головой на коленях у Аска, и держался руками за бок, прижимая окровавленную тряпку. Мой управляющий потерянно стоял рядом. Впрочем, Эвальд был только ранен; как все остальные бароны он уставился на вошедших, но в отличие от стоявших у двери, увидев меня, старик тихо и с отчаянием застонал.

У дверей здоровяк, настоящий гигант в щегольских кустхивских сапожках и с пистолетом в руке, весело улыбаясь держал меня на прицеле. Хреново. Броня и мечи против пистолета не тянут.

— Барон Элиг фон Кустхив?

Здоровяк хохотнул, издевательски кланяясь, потом намекаяще повел оружием. Пришлось бросить топор на пол. Слева, у камина, стоял с пистолетом в руке двенадцатый барон. Ну да, конечно. Раз де-

ло происходит в Эскенланде, то кто же здесь может быть главным злодеем?

— Гот даг, мсье дю Шорей.

— Бонжур, мой дорогой друг. Решили наконец навестить нас?

— Слышал, что тут собрали всех баронов, а меня почему-то не пригласили. Заехал посмотреть, кто же это такой невежливый?

— Да, это устроил я. Не ожидали?

— Дайте подумать: сначала один «очень умный человек, настоящий ученый», объясняет фон Виндифрошу, что его долг пойти на меня войной, о чем он потом пробалтывается, слегка перепив — прости, Элепар, ты совершенно не умеешь пить и по пьянке охотно болтаешь на любые темы. Затем какой-то доброжелатель присылает фон Веллешварму бумаги с объяснением его прав, провоцируя нападение на Гравштайн — он сам мне их показывал. Одновременно кто-то упоминает на форуме реконструкторов древнюю сказку о дани, которую брали норвежцы с эсков — Эгги по моей просьбе покопался и нашел подтверждение, что сообщение отправлено из наших мест. Кто-то с того же адреса инициировал проверку фондом «Равные права» — копию доноса я нашел в документах, оставленных комиссией. Потом опять какой-то очень сведущий в истории региона человек выкапывает право «Суда по слову» и посылает дуболома фон Кустхива развлекаться, а ведь помнят об этом обычае едва ли десяток знатоков. Это, не считая того случая, когда мне, под надуманным предлогом передали схемы систем безопасности некоего французского музея, внештатным экспертом которого является один мой знакомый историк.

Ожидал ли я, что все это — чей-то план? Нет, конечно, как можно!?

— Что же, виновен, ваша честь! Вы ловко обошли все ловушки. Но все равно опоздали! Поскольку вы не явились в должное время, то Советом баронов земли Эсков был избран из достойных претендентов тот, кто заменит прилюдно отрекшегося от наследных прав на престол господина ван Эске.

— Отрекшегося? — Я посмотрел на Аска, тот опустил глаза.

— Этот подонок выстрелил в Эвальда и пригрозил, что если мы не выполним условий, то добьет его, по праву поединка за место старшего, — пробормотал он.

— Понятно. Значит, решили все-таки присоединить Эскенланд к Франции? Можно подумать, кто-то рискнет заявлять права на эти земли.

— Да, не рискнут. Пятая Республика — это не Первая Империя, сейчас правят трусы и соглашатели, но я создам прецедент, и однажды придет время, когда он пригодится!

— Тебя порвут к чертям.

— И это будет хорошо — законного правителя свергла кучка авантюристов, чем не повод вмешаться для великой державы? Что бы ни произошло, все это будет мне на руку! Осталась последняя формальность — сейчас я спрошу присутствующих, кто из них готов оспорить мое право, и когда общий отказ будет внесен в протокол, я стану официальным вождем Эскенланда!

— Вообще-то, у меня прав больше. И мне это звание больше подойдет.

— Вас, Александр, я в расчет уже не беру.

Спина похолодела. Давно, очень давно я не вел подобных переговоров под прицелом, и еще бы столько же без них прожил. Но куда ж деваться?

— Значит, поединок? Полагаешь, у тебя есть шансы?

— Против вас? Ни малейших. Однако все очень просто — «Правда эсков» говорит, что претендент обязан быть способным сражаться.

Я уже понял, но не успел ничего сделать — ствол пистолета опустился:

— Туше завершает посылку!

Тупой тяжелый удар в бедро, подкосившаяся нога и негодующие крики баронов. Не то, чтобы это было так уж больно, просто нога почему-то сразу онемела, я никак не мог удержаться прямо, пришлось схватиться за каминную полку. Мой оскал дю Шорей проигнорировал:

— По той же «Правде», чья подлинность, прямо скажем, сомнительна, при отречении или изгнании законно избранного вождя, право на трон переходит к старшему из баронов. Я третий, по старшинству, владетель в Эскенланде, я владею замком, вот этим, только что завоеванным, я победил и вас, и Эвальда — все условия соблюдены.

— Ты не победил, ты просто застрелил! — Аск смотрел зло и с вызовом, но тяжело дышащий Эвальд вдруг поднял руку и не дал мальчишке вскочить.

— Так все обычно и бывает. Потом, конечно, летописцы нарисуют красивую легенду, а на деле: бабах! — и ты на вершине! Главное — соблюсти формальности. Легитимность передачи власти, мой дорогой друг, очень важна. Вот-вот! Так получилось, что вы не можете из-за полученных боевых ран высказать свое слово. А я могу! И наконец, после тыся-

челетия попыток, именно я, Оливье дю Шорей, присоединю это юридическое недоразумение к моей прекрасной родине! Вив ля Франс!

Нога подгибалась, я сжал челюсти, покрепче облокотился на камин — падать сейчас просто нельзя. Дю Шорей что-то вещал, а я, понимая, что времени осталось немного, оглядывался. Аск? Нет, эти трое посередине зала, их держат на прицеле оба заговорщика. Элепар? Тоже нет, оба молодых барона угрюмо сопят, но смотрят на француза, и привлекать их внимание нет времени. Трое стариков явно были готовы рискнуть, эскам не нравилось происходящее, просто не хватало чего-то, чтобы начать действовать... Я поймал взгляд баронессы... черт, как же ее там? Эгельберт о ней как-то говорил, причем неплохо. Смотрит поочередно на всех, в отличие от второй женщины, зло уставившейся на фон Кустхива. Снова переступив и едва не рухнув на пол от боли в онемевшей ноге, я зашипел. Потом, перестав обращать внимание на явно не считавшего меня противником дю Шорея, напряженно уставился в глаза женщине. Есть контакт! Ее взгляд ушел было, но тут же вернулся. Одними губами я прошептал:

— От. Вле. Ки.

И чуть наклонил голову в сторону фон Кустхива.

От. Вле. Ки!

Женщина медленно опустила веки, постояла с закрытыми глазами, а потом — уважаю! — набрала в грудь воздуха и отчаянно, самозабвенно завизжала!

Зал был достаточно велик, но этот душераздирающий визг, заставивший подпрыгнуть и друзей, и врагов, понуждал действовать.

— Элиг, утихомирьте ее!

Громила двинулся к сосредоточенно визжавшей баронессе, на ходу замахиваясь, дю Шорей отвлекся, наставив оружие на возмущенно дернувшегося Эгельберта.

Дальше все происходило очень быстро — вот француз, подняв пистолет, что-то говорит дернувшемуся было Элепару, вот, получив пощечину, отлетает к стене баронесса, вот, собравшись с духом и заранее выпучив глаза, я переносу вес на здоровую ногу, подхватываю с каминной полки подсвечник, вот я шагаю, и от пятки до плеча меня пробивает вспышкой боли в ноге, но уже начавший разворачиваться дю Шорей опаздывает...

Удар!

Рука, держащая пистолет, приятно хрустнула, и я еще раз ударил, выбивая оружие.

Удар!

Снизу вверх, по худощавому интеллигентному лицу. Историк ухитрился чуть отшатнуться, но все равно, его отбросило в сторону и, запутавшись в собственных ногах, он шлепнулся на пол.

Выстрел!

И сразу многоголосый вопль!

Я обернулся — повод был дан, и тройка стариков повисла на правой руке фон Кустхива, выкручивая пистолет, обе дамы вцепились в левую, молодой барон натурально вгрызлся ему в ногу над коленом — разъяренные эски рвали предателя, как стая волков неразумного быка. Точку поставил Элепар: за три прыжка с воплем «Motchi suk!», набрав необходимую скорость, он подпрыгнул и с лету боднул предателя лоб в лоб. Того отбросило к стене, а встать ему уже не дали, молотя всем, что попало под руку, а то и просто пиная — без опыта, зато от души!

Я отвлекся всего на несколько секунд, но дю Шорей уже возился, пытаясь встать... нет, не встать — этот гад полз к валяющемуся у балконной двери пистолету!

Он полз, я хромал — скорость одна, да только у меня были союзники: Аск на четвереньках проскользнул мимо отчаянно заскулившего дю Шорея и не взял — вытолкнул оружие куда-то в сторону.

Мы встретились у балконной двери.

Оказывается, это не только в кино бывает — могучий удар снизу вверх, и жертва улетает сквозь стекло наружу. Ну да, у нас же разница в весе двойная, да и злой я чего-то. Из-за этой скотины у меня вместо мирного отпуска получился какой-то средневековый боевик!

Аккуратно открыв вторую створку дверей, прохромал наружу. Черт его знает, еще убежит — там во дворе полно его людей. Но живучий француз не обращал на меня внимания; упав животом на каменные перила, он замер, глядя вниз и не веря своим глазам. Я, встав рядом, хмыкнул. Не ожидал!

На площадь выходили люди в национальной одежде и с дубинками в руках. Много, очень много людей. Не десятки — сотни, тысячи, и дальше по улице виднелись еще, выходившие из машин и вынырывающие из переулков, в странных шляпах, сливающиеся в один поток, под цокот деревянных башмаков, они шли к Эскенборгу. Над темным морем шляп и бархатных жилеток с белыми пятнами рубах развевались вымпелы моих рыцарей — сэр Ульффрик что-то деловито бубнил в мегафон, направляя идущих, а вокруг сэра Эррайна кучковались самые внушительные по объемам фигуры, видимо, мэры других городов. Горстка кустхивцев стояла с подня-

тыми руками в стороне, под присмотром полиции, впрочем, на них никто не обращал внимания.

Француз, дико озираясь, отшатнулся и попятился куда-то в сторону.

— Что, Оливье, не нравится? А как же милые вашему сердцу идеалы? Ну, там, типа свободного волеизъявления народа и прочей фигни?

Моего тона он почему-то не поддержал. С шипением выпрямившись, он оглянулся на выходящих за нами на балкон и явно очень злых баронов:

— Я законный правитель! Вы должны подчиняться!

— Объясните это им. — Я хромал к отступающему историку, не то, чтобы дать ему по морде, не то, чтобы скинуть вниз. Дю Шорей отступал, оглядываясь. — Кстати, с чего вы решили, что я неспособен сражаться?

— Меня поддержит великая страна!

— Эгельберт, ну-ка, что там в книгах сказано, к кому мы можем обратиться за помощью?

— Практически ко всей Европе, господин барон! Если помните, я рассказывал — нас рано или поздно завоевывали почти все.

— Ну как, дражайший. Потянет ваша прекрасная родина против всей Европы?

Заговорщик озибался совсем уж дико, слишком быстрым оказался переход от триумфа к падению. Пара подскочивших баронов неловко, но с энтузиазмом выкрутили дю Шорею руки, кинув на колени, но он, задрав голову заорал, пытаясь ужалить напоследок:

— Пусть не я, но все равно теперь по праву победителя правитель Эскенланда — чужак! Всегда! Всегда!

Нас прервал треск наконец рухнувшей двери:

— Норман! Где ты там ползаешь, здесь раненый!

— Бегу! Дэн, вниз живо, аптечку из машины неси!

— Эрди, помоги эту тушку оттащить. Сейчас, господин Эвальд, все будет в порядке.

Пажи мигом занялись делом. Моя школа! На балкон выглянули только Умник, восхищенно показавший большой палец, и Сато с мечом в руке. Методично оглядев все на предмет наличия противников, поклонился и исчез.

Аск стоял рядом, нахмурившись. Что, из уютных комнат замка не видно было тех, кем собирался править? Ладно, кулаками поработал, теперь придется языком.

— Эски! Слушайте меня! — Ульффрик продублировал команду в микрофон, и человеческое море внизу мгновенно стихло.

Так, и что я буду им говорить? Пришлось вдумчиво откашляться, опереться на перила и начать импровизировать:

— Я, Александр Могила фон Гравштайн, старший из баронов Эскенланда. Утром мне стало известно о готовящемся перевороте — барон фон Хюнедип обманом собрал совет и, угрожая, заставлял избрать его вождем нашего народа! Планы предателя сорваны!

Молчание, не то чтобы пугало, скорее озадачивало. Меня внимательно выслушали и приняли к сведению. Кажется, тут все знали, что теперь законный претендент я... Надо что-то с этим делать. Причем быстро, пока они сами до чего-нибудь не додумаются.

— Итак, поскольку из-за понесенных в сражениях за свободу нашей страны ранений, — пришлось

демонстративно поднять окровавленную ногу, — я ослабел и лично сесть на трон не могу, то как старший из баронов передаю это право достойному. — Толпа внизу была непривычно молчалива, люди внимательно смотрели на нас. Мда, нехорошо получится, надо делать все, как надо. Только вот что именно — надо? Я снова поднял руку, дождавшись, пока за спиной все замолкнут, и начал: — Люди Эскенланда. Вы пришли сюда, взяв оружие, готовые отстаивать свою свободу. Предатель повержен, настало время решать, как мы будем жить дальше. Сейчас и здесь я спрашиваю вас — по сердцу ли вам этот претендент? — Обернувшись, я ухватил мальчишку за плечо и притянул. — Он эск старого, известного рода, и вера в то, что он будет править разумно и справедливо, не может быть оспорена.

Молчание толпы стало удивленным. В очередной раз поразившись умению местных выражать все без слов, я было открыл рот, но за спиной яростно зарорал дю Шорей:

— Однажды отрекшийся не может вновь стать претендентом! Его власть будет ложной! Это есть в «Правде»!

Звук тупого удара заставил поморщиться, ох уж эти любители проверенных методов, но замечание было дельным. И что делать?

— Фиск, быстро два ножа сюда.

— Александэр, что вы собираетесь делать? Поединок тут не поможет!

Я молчал, не слушая и сосредоточившись на том, чтобы не слишком опираться на раненую ногу... Мда, вертится что-то такое в голове, только вспоминать уже поздно. Ладно, буду импровизировать.

— Аск, ты как, не раздумал быть герцогом? — Я спрашивал вполголоса, глядя мальчишке в глаза. Тот, на мгновение задумавшись, покачал головой. — Ну хорошо. Тогда повторяй за мной.

Стражник протянул два ножа. Кинжал, длинный, нарочито грубый, острый. И швейцарский армейский складничок. Мрачный взгляд эск проигнорировал, что сказали, то и сделал.

Взяв кинжал и заранее поморщившись, я перестал опираться на перила, выпрямившись. Аск уже держал свою игрушку, раскрыв лезвие. Не знаю, чего он ждал, но явно не того, что я приставлю лезвие ему к глотке. Впрочем, он даже не отшатнулся, только еще надменнее поднял подбородок. Убедившись, что слушают все, я, мерно и раскатисто, начал:

— Друг мой Аск! Меж нами нет обид и нет мести. Мой дом — твой дом. Моя сила — твоя сила. Твои враги — мои враги. Ты — мой брат. — Так, что теперь? Ах да... убрав кинжал, я повернулся к площади и отчетливо выговорил: — Перед небом и людьми я заявляю: этот человек — мой брат! — Наклонившись к Элегару-Эско-Элизе и прочая, обнял его, прошептал на ухо: — А теперь повтори и только посмей зажать, морда аристократическая!

Воспитание наследника древней фамилии было на высоте — губы у него дергались, но улыбка так и не появилась. Ну вот и ладно. Теперь главное — дождавшись, пока он договорит, я демонстративно отступил назад, стараясь не кривить морду, и положил руку на плечо Аску:

— Я, волей судеб законный претендент на трон, говорю — вот мой брат. Вот ваш будущий герцог. Так по сердцу ли он вам, эски?!

И толпа наконец отреагировала! Вопль согласия оглушал, люди орали самозабвенно, махали шляпами и палками, поднимали кулаки и орали, орали, орали!

— Кажется, это признак того, что ты им не слишком противен. Эгельберт, что там надо делать дальше? Давай заводи свою шарманку! Наскоро, но так, чтобы никто не подкопался!

Оставаться законным претендентом на трон хоть на минуту дольше, чем это требуется, я не собирался. Старик жевал губы, кривил брови, двигал ушами, но наконец был вынужден согласиться:

— Хотя... некоторая необычность обряда имеет место быть, но в отдельных случаях даже христианские правители прибегали к подобным мерам, к примеру коронация Эгебада Милостивого от тысячи триста второго года имеет некоторое сходство. Видимо...

— Отлично, значит, все по правилам! — Я замер, пытаюсь собраться с мыслями. — Давай, прямо сейчас, укороченную, но правильную церемонию. Чтобы никто не подкопался. Чуешь? Полную проведем потом... хотя куда уж полнее, все, кому это интересно, уже здесь. Заводи свою шарманку!

Старик вышел, поднял руку и стал что-то говорить. Я как раз отвлекся, безуспешно пытаюсь переступить так, чтобы поменьше болело, поэтому, спустя несколько неприятных секунд, вернулся к реальности, на словах:

— Пусть же тот, кто знает причину, по которой этот достойный человек не может править народом эсков, скажет об этом!

— И замолчит навеки, предварительно помучившись! Фон Шнитце, народ выразил согласие, а приказ был — быстро!

Старик негодуяще изобразил что-то такое глазами, но повиновался. Церемония была проведена в рекордно короткие сроки. Черт, да меня в пионеры дольше принимали, чем Аска в герцоги! Наверное, было бы правильно, как все остальные бароны, опуститься на колени или хотя бы поклониться в пояс, как стоящие на площади люди, но все, на что меня хватало, это стоять выпрямившись и вцепившись в какую-то палку, стараясь не слишком громко скрипеть зубами. Из мыслей остались только две — судорожные попытки вспомнить, какие крупные сосуды проходят в том месте, где у меня в шкуре появилась новая дырка, и сожаление о потерянном шансе. Черт, я так надеялся поторговаться за правильно отданный баронский голос, у меня на это голосование были такие планы... Это вам не мелочь у туристов сшибать, это реальная политика! Ладно, теперь буду давить на братские чувства.

Наконец, все закончилось. Раскрасневшегося Аска обступила мгновенно образовавшаяся толпа, подходили какие-то люди, что-то говорили возбужденными голосами, многие кланялись Аску, кое-кто опасливо поглядывал на меня. За спиной кашлянули, я повернул голову.

Сэр Эррайн и сэр Ульфрик гордо смотрели на меня, явно ожидая похвалы за содеянное. А вот хрена вам, тихушники чертовы!

— Ну и что это было? Чем вы занимались все время, пока мы воевали?

Рыцари удивленно посмотрели друг на друга, а потом оттапоровали:

— Вы сказали, кто-то пытается захватить власть, а это значит, что надо поднимать народ, и поэтому мы собирали клубы танцоров.

— Танцоров?!

— Традиционный танец с посохами. Видите ли, господин барон, поскольку захватчики запрещали эскам владеть оружием и упражняться в боевом мастерстве, то мы создали свою особенную боевую систему! Танец с посохами!

— Да, я помню, если что, схватил дубинку и пошел плясать.

— Именно! По типовому уставу клуба национального танца сначала мы должны собрать всех членов, провести голосование и лишь когда...

— Все-все, понял, не продолжайте. Вон, идите лучше поздравьте человека. Первые в жизни официальные выборы все-таки...

Рыцари, с достоинством поклонившись, отправились выражать верноподданнический восторг. Рядом остался так хорошо умеющий работать головой Элепар. Смущенно откашлявшись и потеряв наливающуюся синевой шишку на лбу, он, косясь куда-то в сторону, подошел ко мне.

— Знаете, Александэр, хорошо, что церемония именно укороченная. Все-таки первая настоящая коронация правителя за столько веков должна пройти в присутствии некоторых необходимых регалий. — Он снова кашлянул и решительно продолжил: — Я... э-э-э... должен вам кое в чем признаться.

Так. Быстро прикинув, в чем именно, я подавил порыв закрыть глаза рукой. Элепар все-таки что-то понял по прорвавшейся гримасе и начал смущенно оправдываться:

— Видите ли, я же все-таки профессиональный инженер-электронщик. А те схемы сигнализации, которые вы достали... они были достаточно подробными... подменить было совсем не сложно, в музее

все смотрели на вас. Я понимаю, что мог повредить вашим планам, но поймите, я же дал клятву!

— Где настоящая Чаша, жулик?

— Сейчас у меня дома. Но я верну!

Все же я не удержался и на мгновение прикрыл глаза рукой. Потом вспомнил, что проделывал, искренне считая, что Чаша стоит на своем месте, и несколько секунд боролся с желанием пойти взять боевой канделябр и добавить шишек на одной большой, отмороженной голове. Ох уж эти романтики!

— Когда мне ее привезти? Думаю, реликвию стоит выставить к официальной церемонии для всеобщего ознакомления. С ней-то уж точно все получится лучше!

Я оглянулся. Аск что-то уже вещал с балкона своему народу, отсюда, из коридора, слов почти не было слышно. Наконец, гордо выпрямившегося мальчишку закрыли спины подданных, обступивших нового повелителя баронов.

— Да, думаю, с Чашей получится гораздо лучше. Пойдем, Элепар, обсудим... а, черт!

— Я помогу... давайте, вот так...

— Спасибо. Хорошо, когда можно опереться на дружеское плечо. Ладно, идти далеко, давайте скорректируем пару планов?

И мы похромали к выходу.

Нога болела просто зверски.

И темнеть что-то начало... рано вроде... чертова нога...

«— Частично ритуал упоминается в балканских летописях, но полного описания не было. Видимо, совсем уж седая древность.

— Кстати, вы заметили тонкость? Человек бы спросил «по душе ли вам», а фон Гравштайн — «по сердцу».

— Мда, печально. Души у него, получается, нет?

— Чудовище, бездушное, но имеющее горячее, искреннее сердце... так грустно.

— Я поняла!!! Вот зачем ему нужна Святая Чаша!»

Из комментариев на Ютубе.

До посадки на мой рейс оставалась куча времени, и это время надо было как-то занять. Второй день осени; вчера, по результатам очередного референдума, независимый Эскенланд присоединился к Федерации на правах земли. Ко всеобщему удовольствию.

Раз уж не удалось провести в последний день лета непосредственно коронацию — провели референдум. Свежепризнанный герцог, после официального вступления в должность, восстановил прежние законы и лишил нас, баронов, единоличных прав на «определение пути своих земель». Никто особенно не горевал, а я вообще три недели просидел на крыше донжона, грел кофейник на устроенной Сато миниатюрной жаровенке и строил из себя смертельно раненного, прямо-таки умирающего.

Хотя Аск был очень убедителен, я отказался от чести лично вручить ему Чашу в начале церемонии и накинуть ему на плечи короткую мантию в конце, что символизировало что-то там очень закрученное. Пацан ныл, канючил, пытался то угрожать неведомыми карами, то предлагать выгодные варианты... причем не упоминая ничего конкретно. Я в ответ постариковски кряхтел, бледнел от «приступов невыносимой боли», давил на совесть и возмущенно орал

«Да сколько можно?!» Мне совсем не хотелось светиться в такой публичной, нудной и глупой, в сущности, затее. Что я там забыл? У меня вон в замке работы полно! Так что вел «официальную» церемонию опять Эгельберт. От такой чести он на следующий день не ходил — летал по замку. Точнее, парил, медленно и величаво, не касаясь земли. И глаза у него иногда светились в темноте. Хотя, может быть, это были глаза Упыря.

Кстати, никакой особой пышности в результате не было, все скромно и толково. В самом деле, зачем собирать толпу, если все всем уже ясно? Тратить деньги зря — не в духе местных, так что присутствовало человек двести официальных лиц и выборные делегаты от каждого баронства. Ну и сколько-то там миллионов на прямой трансляции в Интернете.

В замок Элепар меня довез уже совсем никакого, и вот тут Марти, наконец, представился повод поверить в то, что ее «обеспечение тыла» в самом деле необходимо. Девчонка сразу начала действовать — закрыла ворота, выставила стражу, зарядила оставшуюся пушку, в общем защищала раненого героя как могла! Правда, врачам «Скорой помощи» она тоже до конца не доверяла и увезти меня в больницу не дала, так что следующие три дня я провел, лежа по диагонали баронского ложа. Но наутро четвертого смог встать и даже поприветствовать туристов. Как назло, денек выдался солнечным, я половину завтрака провел, шипя и пытаясь спрятаться от бьющего в глаза света. Туристы понимающе перемигивались.

Врач, вынимавший пулю и штопавший дырку, с надеждой попросил «мою милость» оплатить счет замковой валютой. Двойственное ощущение, с од-

ной стороны, подлатал он меня умело и заплатить одним гравкойном было как-то совсем по-жлобски, пусть примерно столько и стоила подобная процедура пятьсот лет назад, а с другой — не так уж много их и осталось, чтобы отсыпать по-боярски горсть серебра. Разошлись на двух экземплярах и торжественном адресе с благодарностью. Гравштайнская валюта, знаете ли, ценится в мире!

Эвальд провалился в постели больше меня, его пуля что-то там с ребром нехорошее сделала, но все-таки явился и лично завершил осаду, подписав вечный мир и договор о сотрудничестве.

Та баронесса, что умеет так хорошо читать по губам и визжать в нужное время, тоже явилась. Интересная оказалась дамочка, и днем есть что обсудить, и ночью способна поухаживать за раненым героем. Впрочем, это никому не интересно.

Три дня назад состоялось торжественное освобождение узников. Правда, меня чуть не со слезами на глазах просили оставить их еще на недельку, но зачем мне эти сложности с Федерацией? Освободил.

Выяснилось, что Шрайбер за два месяца «страшных унижений» заработал почти как за год на основной работе. Но это ладно, главное другое — он как-то прослышал, что у меня есть дети, а также родители за рубежом и что я отсылаю им деньги на жизнь. Попеняв на непредоставление информации органам, он тут же на коленке подсчитал положенные вычеты, что-то с кем-то обговорил, что-то с чем-то сверил, и оказалось, что я не просто не должен — мне еще что-то там причитается! Честное слово, тут же захотелось его обратно в камеру посадить и показывать людям — налоговый, сам, без пыток, отдающий деньги!

Людоед попросту исчез. Говорят, его видели с какой-то очень пышной датчанкой, которая его куда-то чуть ли не на руках тащила, но, может, и врут.

Ростовщика мы из камеры вытаскивали силой, а потом еще и мыли — завонялся слегка. Свистнул рыцарей и приказал вывести за пределы герцогства.

Правозащитника сдал лично на руки хмурому Конраду. Думал, доктор останется на ужин, но, увы, он должен был улетать куда-то в Африку, предотвращать очередную эпидемию. Жаль, приятный человек, пусть и в дурную компанию попал.

Фон Шнитце, с которым у меня в свободную минутку зашел разговор о древних фамилиях, намекнул, что мало ли кто там чьим потомком считается, главное, что теперь я названный брат правящего герцога Эскенланда и владелец земель, дающих право на титул, так что все в порядке. На встречное «Вы, Эгельберт, жулик и прохиндей» ответил, что это не удивительно, с таким-то бароном. И вообще — «Правители приходят и уходят. Моя родина остается!».

Туристы, сувениры, магазины, фестивали и как добивающий факт — эта история с переворотом — выручка музея увеличилась катастрофически. Управляющий просто не знал, куда ему такие «деньжищи» приложить, неторопливый план ремонта пошел наперекосяк, и он посматривал на меня то с мольбой, то с угрозой. Я, собственно, на эти деньги и не претендовал, мысль была нажиться на торговле при выборах, но не сложилось...

Ну ничего, налоговые послабления при возврате в лоно Федерации для замка и города я все-таки выцарапал. Временные, понятное дело. И субсидии на восстановление музея, поврежденного во время осады. Ну и там парочку фирм тихо открыл, кое-какие

бумаги подписал — на хлеб с маслом барону хватит, даже и на икорку сверху останется. Тут главное — не зарываться.

С теми местными, что пошли за все-таки ухитрившимся сбежать бароном-изменником фон Кустховом, поступили, на мой взгляд, странно — вынеся общественное порицание, исключили из всех клубов и обществ, чем и ограничились. По мнению многих эсков, которых я опросил, наказание очень суровое, хоть и заслуженное.

Вот действиями дю Шорея ребята были разозлены всерьез и, пока есть возможность, сделали дополнение к «Правде» — «Если на церемонии коронации присутствует француз, то он должен прийти голым, чтобы показать отсутствие оружия, а вместо опускания на колено — падать ниц». Дескать, один уже пролежал всю церемонию, так почему бы не сделать это традицией?

Франция возмутилась, им резонно напомнили, что вообще-то их гражданин пытался совершить вооруженный переворот. Пусть и с помощью отдельных несознательных местных граждан.

После недели взаимных оскорблений, мы согласились убрать это дополнение из закона в обмен на «копию кубка эсков». Как испанцы с французами договаривались, я не в курсе, но Чашу нам передали официально и навсегда. Мы торжественно выставили ее в часовне Гравштайна, отдав «настоящую» для инаугурации Аска. Теперь побывавшая в витрине музея копия лежала в моем чемодане... а еще одна по-прежнему стояла в часовне. Если украдут, то скажу, что похитителям опять досталась подделка, а истинная Чаша, дескать, была все это время у меня. Куда старик спрятал оригинал после церемонии, я не

спрашивал, это его забота, вот пусть и разбирается, мое дело вернуть, а хранить это, пожалуйста, сами.

Хотя, какая разница, что тут настоящее, если все верят в его подлинность? Впрочем, в прекрасную, но мстительную Францию мне теперь лучше не соваться. Надо отдать французам должное — их делегация, одетая по всем правилам придворной моды времен Наполеона Первого, рядом с эсками в круглых штанах выглядела гораздо внушительнее. И, тем не менее, кто тут кого победил в очередной раз, все понимали. В смысле, у галлов хватило ума не огорчать возражениями маленький, но гордый народ.

Помимо боевого подруга, рыцарского звания я удостоил только Умника. Остальным были выданы красочные дипломы сквайров, под аплодисменты толпы зрителей, но Элиля я решил посвятить. Другим это просто не нужно, для них это лишь приключение, а вот насчет него... Есть потенциал у толстяка, надо только вовремя подтолкнуть. Ну, мне несложно.

Также я дал оруженосцу Изуки Сато рекомендательное письмо к рыцарю, который способен преподать ему уроки решительности и поможет разобраться в себе. К даме Мартише Адамс. Я так и не понял, что там у них, но почему бы не создать ребяткам повод углубленно разобраться в ситуации? К тому же это Марти нужно что-то постоянно доказывать миру, а японцу важнее просто быть нужным.

Ну и гадость им обоим сделать хотелось, не без этого.

Изя получил в подарок от Сато шикарный набор накладных усов, заказанный в Японии. Очень благодарил, примерил, походил, гордо подкручивая... а потом улизнул вместе с дневной выручкой, кое-чем из

музейного имущества и одной из копий Чаши, которую я пытался наиболее убедительно состарить. Ладно, пусть его, хорошо хоть замок без моего ведома никому не продал.

«Пират», про которого я, честно говоря, забыл, благополучно проработал в море целый месяц, после чего был официально награжден правом отвечать «Аррр!» на любой вопрос эскенландского суда. Это дало неожиданный результат, программист единогласно выдвинут кандидатом в фольксраат от Пиратской партии — еще бы, единственный среди хулиганья настоящий морской волк! Слышал, он планирует написать книгу воспоминаний.

Словно подслушав мои мысли, продавец в киоске выложил на прилавок стопку газет. На обложке в правом углу бледный Шрайбер и анонс: «Я прожил два месяца в замке с упырем! Репортаж чудом избежавшего смерти!»

Вот, заботишься о них, стараешься, а они тебя вампиром все это время считали. Из-за одной маленькой шуточки! Нет, я понимаю, что начальство принято обвинять во всяческих грехах, даже повод им давал, но должны же быть какие-то рамки?! Свести у них нет. А фантазия — есть. Больная!

И Эгельберт тоже — ведь специально туристам всякое рассказывал! Все знал, а мне — ни слова! Ничего, я его пару раз, словно случайно, назвал прилюдно «Игорь». Вот пусть теперь доказывает, что это не его настоящее имя!

Так, газетку что ли почитать? Впереди еще два часа унылого ожидания, а тут вот небольшая книжечка... со знакомым именем... так. «Эскенландские истории», ниже, помельче, «Рассказы стариков», автор — Эгельберт фон Шнитце.

Не удивляясь, я бросил купюру и поскорее раскрыл, пролистывая. Здесь было все — история про мамалыгу, «сказка про девочку и крест» и даже рассуждения о кельтском влиянии в исконно эскенландском мифе о городе Bodhuen. Ну что же, я давно подозревал о том, какими методами создается История. Сам сказал как-то: «Законы — это то, во что мы верим». Наверное, и с историей все так же.

Между прочим, благодарные гравштайнцы, помня, что бояре Могила — из Румынии, ничтоже сумняшеся, полезли в Интернет, на предмет ценимых моими «соотечественниками» сувениров и тщательно изучили всю доступную информацию. Теперь у меня в сумке лежит торжественно преподнесенное трехкилограммовое позолоченное распятие. На цепочке в палец толщиной. А куда деться, пришлось принять и благодарить!

А еще они на боку одной гравштайнской пушки красиво, золотом, выгравировали «Веселая дурочка», как память о том моем вопле при штурме герцогского замка. На второй — «Тихоня Эсси». Ну да, по машине с громкоговорителем стреляли из нее. Все же эски очень романтичный народ.

— Не желаете? Местное угощение, недорого и вкусно! — Рядом стоял молодой пацан с лотком. — Последний день действует старый закон о свободных торговцах, так что распродают за полцены. Желаете? Берете сразу два — скидка!

На салфетке лежало какое-то тягучее тесто, а сверху изумрудная полоска чего-то вроде мягкого сыра. Прожевав, я кинул монетку за вторую порцию и поинтересовался:

— Это что я съел?

— О, это национальное блюдо эсков — сягди-мирль с маммалыхой!

Хвататься за живот было уже поздно. Тем более, чего хвататься-то? Остренькая травяная паста с привкусом рыбы, нежная, на языке тает, правда, пованивает чуть заметно — только кто беляшами из студенческой столовки питался, того запахом не напугать.

— Еще порцию? Соус? Национальный, чесночный!

— Почему она так странно выглядит? Я видел изображения... более традиционные?

— Подумал, что внешний вид стоит чуть-чуть облагородить. К тому же так проще фасовать. Ну и с запахом поработал, правда, хорошо получилось?

Откусив последний кусок, я еще раз вслушался в ощущения. И чего все так боятся? Может, просто забыли, как им это должно быть на вкус? Вытащив из кармана визитницу, протянул парню карточку:

— Замок Гравштайн, управляющий фон Шнитце. Если думаешь заняться производством всерьез, а не с лотка, то обратись к нему, скажешь — барон Могила рекомендует прислушаться.

Следующие пятнадцать минут я лениво тянул минералку, листая забытую кем-то на стуле газету. А потом, позвякивая сережками, цепочками и помахивая вплетенными в волосы лентами, рядом плюхнулся очень знакомый тип, тут же радостно мне улыбнувшийся.

— Александэр! Тоже домой?

— Куда ж еще. Ты тоже?

— Ага. И так уже пропустил занятия... ничего, отболтаюсь!

Аск заразительно потянулся, почесал бровь, снова проткнутую полудюжиной колечек, бесцеремон-

но вынул у меня из кармана историческую книжку, хмыкнул и вернул обратно.

— Что, читать об истории не нравится? Предпочитаешь ее творить?

— Или попадать в нее!

— Зачем опять боевой прикид нацепил? Будешь утверждать, что снова попался коварным визажисткам?

— Не-а... просто хочу, чтобы меня в школе узнали.

— Понятно.

Мы помолчали. Потом я все-таки спросил:

— Ну и как тебе это?

Уточнять, что именно имею в виду, не стал, да, впрочем, он и так понял:

— Совсем не так, как в семейных архивах. — Минуту помолчав, добавил: — Проще и страшнее, зато как-то по-настоящему. — Еще минута молчания, а потом он ткнул меня в бок кулаком: — И вообще, о чем ты думал — после публичного смешивания крови теперь все считают, что я птенец твоего вампирского клана!

— Кровь мы не мешали, у меня была от раны на ноге, а у тебя — от Эвальда.

— Будто снизу это видно!

— Сам говорил, у тебя типаж очень подходящий. Невинное, но искушенное Зло. Страдай теперь.

— Кстати, одним из последних указов я присвоил тебе личный герб. Вот, посмотри! — И он протянул мне конверт. Я вытащил пергамент, развернул. Пересеченный пополам нормандский щит, нижняя часть — на червленом поле открытая могила с надгробием, верхняя — на лазурном латная перчатка, держащая канделябр. Без всяких там виньеток и ан-

гелочков, просто и грубо. И золотая лента с девизом — «Из тьмы веков!».

— Ну спасибо. Теперь все будут спрашивать, кому это я свечку держал?

— На *zdorov'e!* Уверен, господин барон, ты придумаешь, что им ответить!

— Да уж, «первый из эсков».

— Не напоминай! Кстати, я сразу дал указание, чтобы рука со свечой поднималась из могилы, но эти крючкотворы все равно сделали по-своему, потому что «по всем законам положено именно так».

— Ладно, я не в обиде. — И мы с герцогом, не сговариваясь, вздохнули, покачав головой, и протянули: — Эскенландцы...

Я помахал рукой торговцу, и тот с готовностью принес еще по порции «местного деликатеса». Аск тоже с удовольствием вгрызся в предложенное, не заморачиваясь его происхождением. Было в этом перекусе посреди зала ожидания что-то правильное. Пожалуй, куда душевней пир в замке, полном случайных и малознакомых людей.

— Думаешь, с твоим уходом из замка его популярность останется прежней?

— Я Эгги приказал одну дверь в подвале закрыть крест-накрест стальными полосами и на всех известных языках сделать надпись «Не входить, соблюдать тишину!» — так что для романтиков барон Могила уснул в подвалах своего замка до тех пор, пока Эскенланду не понадобится его помощь.

— И сколько эта дверь продержится? Отковыряют же через неделю!

— Пусть ковыряют. За дверью прохода нет, сплошная стена. Что лишний раз подтверждает мое коварство и магическую способность отводить

взгляд. Твои планы, кстати, как? Вроде бы не совсем канонично вышло.

— Мои планы в восторге! Я, наконец, первый в семье за четыреста лет реально правивший герцог, причем по «древним традициям». Кстати, бойся — отец всерьез намерен познакомиться со своим новым «сыном», а папаша у меня настойчивый.

— Отмахуюсь. Братец.

— Конечно. Братец.

Мы одновременно хмыкнули, Аск потрянул крашеной гривой и протянул руку на прощание. Ушел он, не оглядываясь, на ходу распутывая наушники плеера... Черт, мой плеер! Мда, рассказывали мне про младших братьев, все сходится. Мелкий, наглый и постоянно от него проблемы.

Следующие полчаса я лениво листал брошюру, позевывая в самых интересных местах и дивясь фантазии Эгельберта. Вот кому надо книги писать! Впрочем, он это и делает.

Звонок раздался очень вовремя, когда я долистывал последние страницы.

— Слушаю! — И тут же пришлось убрать трубку от уха, пережидая вопль:

— Скотина! Так ты, значит, барон?! А я-то, дура, переживаю о нем, работу ему подыскиваю, дочкам намекаю не тревожить отца, а папаша, зараза бандюганская, по Европам разгуливает и деньги семейные тратит?! Да чтобы я еще раз...

— Элька, хватит уже! Все не так просто.

— А как? Расскажешь? — Ха, мгновенно сбавила тон! Знакомые интонации, не скандалить звонит, любопытство ее грызет. Прямо вижу, как сейчас она сидит с горящими глазами, поджав ноги под себя и прикусив губу. У каждого свои слабости...

И было бы грешно этим не воспользоваться!

— Ну что же, мне до вылета час, можно и поговорить. — Я откинулся на спинку кресла и поудобнее вытянул ногу. — Эта история началась много лет назад...

«Ищу сведения о сроках второго набора на курсы оруженосцев в Гравштайне. Слышал, что это было нечто!»

«Наводил справки, барон уехал по каким-то делам, а управляющий ничего определенного не говорит. Попробуйте связаться через сайт музея, хотя надежды мало».

«Понял, спасибо! Все равно отправлю заявку, вдруг вернется. Думаю, дело того стоит!»

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

НОВЫЕ ГЕРОИ

Дулепа Михаил Николаевич

ГОСПОДИН БАРОН

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *В. Татаринов*

Художественный редактор *Г. Федотов*

Технический редактор *И. Гришина*

Компьютерная верстка *И. Ковалева*

Корректор *Т. Барышникова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86; 8 (495) 956-39-21.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 01.09.2015. Формат 84x108^{1/32}.

Гарнитура «Garamond». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 2500 экз. Заказ 1394.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78

www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ISBN 978-5-699-82671-1

9 785699 826711 >

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

НАШ ЧЕЛОВЕК В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Началась эта история в те легендарные времена, когда деньги сами сыпались в умело подставленные руки, а молодая кровь бурлила в жилах опьяневших от вседозволенности оболтусов. Именно тогда Александр Могила приобрел у какого-то проходимца совершенно официальный диплом, дарующий право на титул барона и владение замком на задворках Европы. А теперь ему предстояло отправиться в собственную вотчину. И уже вскоре бывший строительный чиновник средней руки погрузился в череду невероятных приключений, порою переходящих в злоключения. Но к чести новоявленного барона, он в самых каверзных ситуациях не посрамил своей фамилии и даже приобрел среди подданных верных друзей и соратников...

НОВЫЕ ГЕРОИ

ISBN 978-5-699-82671-1

9 785699 826711 >

